

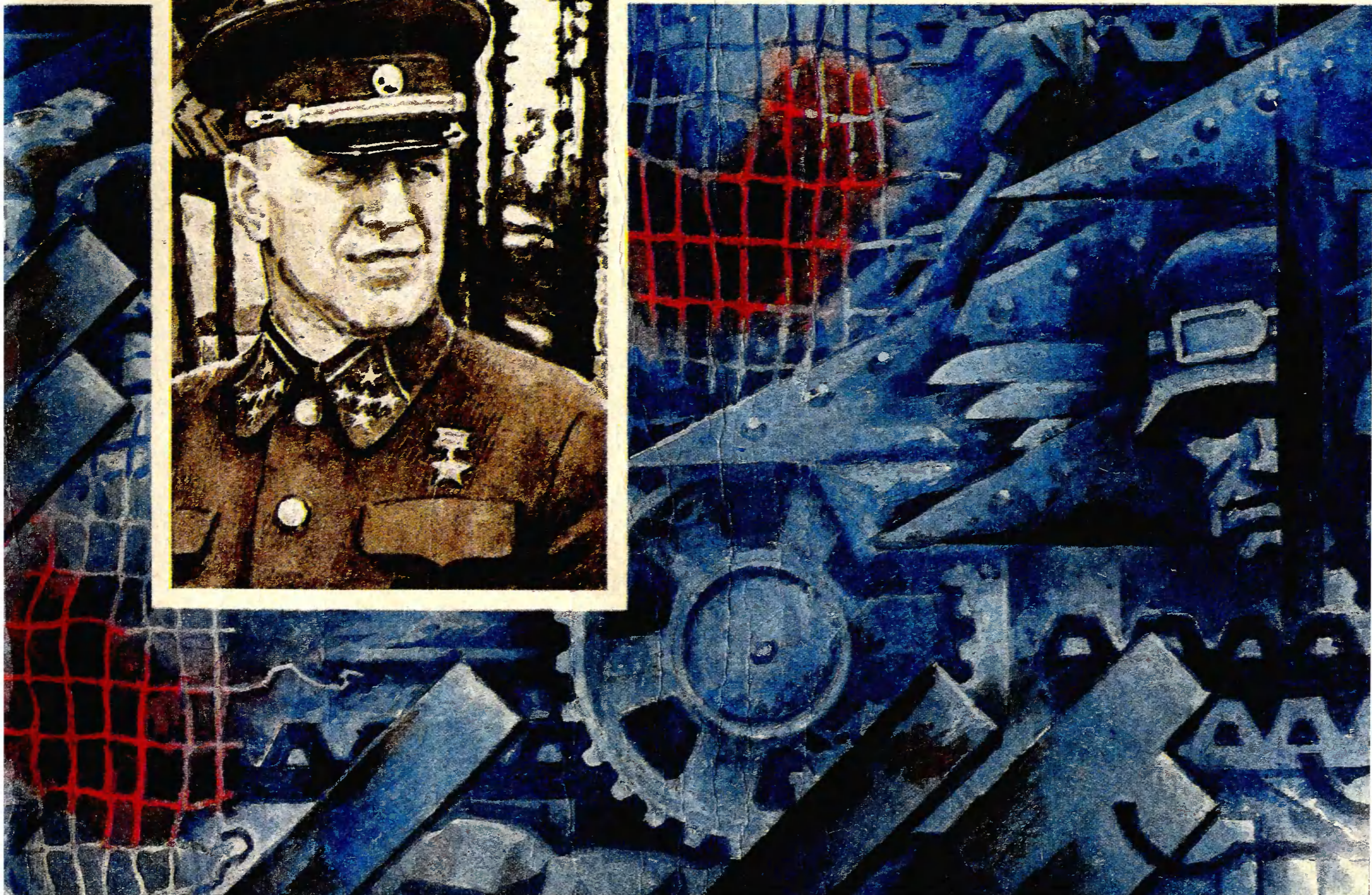
ISSN 0131-6044

РОМАН- ГАЗЕТА

(1161) · 1991

Владимир Карпов

МАРШАЛ ЖУКОВ,
ЕГО СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ
В ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА

Владимир Васильевич КАРПОВ родился в 1922 году в Оренбурге. Он прошел большую, суровую и поучительную школу жизни. Стать офицером решил еще до войны и в 1939 году поступил в военное училище имени В. И. Ленина в Ташкенте.

Боевое крещение получил на Калининском фронте. Став войсковым разведчиком, Владимир Карпов выполнял много опасных заданий командования, за что удостоен многих правительственных наград, в том числе и высшей — звания Героя Советского Союза.

После победы над фашистской Германией Владимир Карпов окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Высшие Академические курсы Генерального штаба. До 1954 года работал в Генеральном штабе и одновременно окончил вечернее отделение Литературного института имени А. М. Горького. Затем Владимир Карпов служил в войсках в далеких гарнизонах, пять лет командовал полком в Средней Азии, в последующие годы был заместителем командира дивизии и заместителем начальника училища по строевой части в своем родном училище в Ташкенте.

Прослужив 25 лет, уволился из армии в звании гвардии полковника, уже будучи членом Союза писателей СССР и автором нескольких книг.

Печатается Владимир Карпов с 1945 года. Жизненный опыт определил тематику и характер его творчества. О героических делах советских людей в годы войны рассказывает писатель в сборниках повестей и рассказов «Двадцать четыре часа из жизни разведчика» (1960), «Жили-были разведчики» (1970), а также в романе «Взять живым» (1974). Героической жизни и деятельности генерала армии И. Е. Петрова посвящена книга «Полководец» (1982). О трудной благородной воспитательной работе в армии в мирные дни рассказано в романах «Вечный бой» (1967), «Маршальский жезл» (1970), а также в повестях «Командиры седеют рано» (1965) и «Не мечом единым» (1979).

За роман «Взять живым!» Владимир Карпов удостоен премии имени А. Фадеева.

РОМАН-11

НАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ

МОСКВА

ГАЗЕТА

(1161) · 1991

Основана в 1927 г.

Владимир Карпов

МАРШАЛ ЖУКОВ, ЕГО СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА (Литературная мозаика)

ВВЕДЕНИЕ

Хочу ввести читателя в мою книгу. Именно ввести, объяснить, о чем, почему и как она написана.

Книга эта непростая, тем, кто ищет развлечения или отдыха, советую закрыть и отложить ее в сторону. Эта книга была трудна при создании, трудна она и для чтения. Поэтому приглашаю отправиться вместе со мной в этот нелегкий путь только тех, кто ощущает в себе достаточно сил для раздумий, горьких переживаний, а может быть, и разочарований. Но в целом, в итоге, надеюсь, мы достигнем определенного результата и проясним многие томящие нашу душу вопросы, поставленные недавней историей, да и нами самими, ее участниками. Участниками честными, но порой слепыми, не имевшими возможности обозреть, охватить происходящее вокруг, понять, что творим, движимые теми, в чьих руках были рычаги или, как говорится, бразды правления.

Тема книги — дела военные, выделенные из всех других дел и проблем XX века. Центром повествования, фигурой, объединяющей все, о чем я рассказываю, является человек, сыгравший необыкновенно важную роль в достижении нашей победы в Великой Отечественной войне, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, личность неоднозначная — и как полководец, и как общественный деятель, и как человек.

Одна из главных трудностей в работе над книгой проистекала из того обстоятельства, что в течение всей войны рядом с Жуковым был, или, вернее, Жуков был рядом с человеком, который являл собой своеобразный эпицентр всех происходящих событий на фронте и в тылу. Я имею в виду И. В. Сталина. Как историческая личность, как политический деятель и как человек Сталин еще более сложен, чем Жуков. Я не берусь анализировать, а тем более оценивать всю деятельность Сталина, я намереваюсь описать его лишь как военачальника, как Верховного Главнокомандующего.

С другой стороны фронта Жукову противостоял, был его противником во многих сражениях и в войне в целом Адольф Гитлер, тоже личность сложнейшая — в нравственном, политическом и даже психологическом аспектах. Его обойти нельзя, он постоянное действующее лицо на протяжении всей войны и до нее. Значит, и он будет присутствовать в книге. И, конечно, будут названы и охарактеризованы те гитлеровские генералы, которые противостояли Жукову в конкретных сражениях. А на нашей стороне Жуков будет окружен своими боевыми соратниками.

Моя задача, с одной стороны, облегчается, а с другой — усложняется тем, что Жуков написал большую книгу «Воспоминания и размышления», в которой осветил почти всю свою жизнь. Казалось бы, что может быть точнее и достовернее этой книги? Но следует напомнить, что в то время, когда маршал ее писал, он был стеснен ситуацией тех дней, обстоятельствами, в силу которых он не все мог сказать о себе. При этом необходимо иметь в виду и известную скромность, присущую ему как автору. А кое о чем маршал, может быть, не хотел написать по другим причинам — несомненно, у Жукова, как у всех нас, грешных, было немало и таких моментов в жизни, о которых ему не хотелось бы вспоминать. Вот и получается: есть о чем рассказать, даже при наличии объемистых и содержательных воспоминаний самого героя предстоящего повествования.

Даже то, о чем он рассказал (например, какое-нибудь событие с совершенно определенным местом действия, точной датой и конкретными участниками), может быть порой проанализировано и оценено несколько иначе из-за того, что открылись какие-то новые, неизвестные ранее обстоятельства. А может появиться — и у меня, пишущего, и у вас, читающих, — желание чему-то возразить, высказать свое суждение и оценку, опираясь на те же самые факты и события.

Маршал — полководец на поле сражения, а за письменным столом маршальские звезды сил не прибавляют. Перед чистым листом бумаги трепещут даже профессиональные литераторы. Чистый лист — проверка и уровня личности, пожалуй не менее строгая, чем в бою. В сражении, если даже совершен огрех, прошла, отгремела битва, и если ты не хочешь, то можешь никому не говорить о своей ошибке или минутной слабости, а то, что написано на бумаге, этого не позволяет — написанное остается навсегда и становится уже не твоим, а общенародным достоянием, и если солжешь — это так и останется и будет видно всем и всегда. Тут тебе и оценка, и приговор — получишь то, что заслужил.

Нелегко справиться с трепетом и чувством ответственности перед чистым листом. Не всем удастся преодолеть этот барьер в себе. При жизни нашего поколения мы много раз были свидетелями, когда люди с очень высоким общественным положением и, казалось бы, очень крупные не устояли

перед чистым листом и написали на нем такое, за что не примет их в свое лоно история как порядочную, честную личность.

Много удивительных изобретений совершили люди. Ухитрились они преодолевать и трудность написания мемуаров. Часто бывало так — человек прожил сложную жизнь, много видел, а написать об этом не может, не дала ему природа литературных способностей. Вот и придумали: объединяются двое, у одного опыт, большая жизнь, а другой свободно выкладывает мысли на бумагу, так рождается своеобразный литературный кентавр. Много у нас появилось за послевоенные годы таких кентавров. Как правило, это искусственное объединение порождало вещи неполноценные, но все же, с одной стороны, надо сказать спасибо литзаписчикам за то, что они сохранили для потомков хотя бы рельеф событий. Но, с другой стороны, им же и упрек за то, что многие из них вытравили душу рассказчика, его личные переживания, отношение к событиям, язык (пусть не литературный, но у каждого свой). Вот в этом смысле литературные обработчики, как на лесопильном заводе, делали из разных деревьев одинаковые столбы. Да еще каждый, в зависимости от степени своего мужества или трусости, заботился о благополучии и «проходимости» своего творения, вытравливая из воспоминаний то, что, на их взгляд, не нужно или еще не время рассказывать, а тем самым они вытравливали самую душу, самый смысл из тех воспоминаний, которые они литературно обрабатывали.

Приложили свои вьедливые перья дописчики и советчики и к воспоминаниям Жукова. Это не предположение — я даже беседовал с некоторыми из них. Жуков незадолго до смерти с грустью сказал: «Книга воспоминаний наполовину не моя». Это подтверждается в статье доктора исторических наук, генерал-лейтенанта Н. Г. Павленко, опубликованной в № 11, 1988 г., «Военно-исторического журнала». Профессор Павленко был в шестидесятых годах главным редактором этого журнала, он человек широко информированный об официальных и неофициальных делах и разговорах в военной среде после войны. Николай Григорьевич не раз встречался с Жуковым. В застойные времена о многих закулисных делах, касающихся книги Жукова, говорить было нельзя. Вот что наконец смог написать Павленко лишь в 1988 г.: «...из рукописи вопреки авторской позиции выбрасывались многие критические мысли, связанные с деятельностью И. В. Сталина, репрессиями, недостатками и просчетами в войне и т. д.

Еще до выхода в свет мемуаров Г. К. Жукова у руководства на Старой площади были разные точки зрения на труд полководца. Например, член Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслов, ведавший в те годы идеологией, считал, что никакими купюрами изменить содержание книги Г. К. Жукова нельзя. Ее лучше не издавать совсем. Других взглядов придерживался Л. И. Брежнев. Он в ко-

нечном итоге и дал разрешение на публикацию. Но раньше, чем это произошло, над ней довольно основательно «потрудились» две группы доработчиков (из Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота и из Военно-научного управления Генштаба) — они выписывали и вычеркивали все то, что считали нужным... Как потом вспоминал один из руководителей группы доработчиков генерал М. Х. Калашник, они «устраняли» недооценку партийно-политической работы в мемуарах Г. К. Жукова.

После того как усердно потрудились доработчики, готовая рукопись долго не посылалась в набор. Редактор А. Д. Миркина, работавшая над рукописью Жукова, рассказывала и в печати и мне, почему происходила задержка. (Кстати, с благодарностью должен сказать о том, что Анна Дмитриевна Миркина читала и рукопись этой моей книги.) Она рассказывала: работникам редакции дали понять — Брежневу очень хочется, чтобы маршал упомянул его в своих воспоминаниях. Но вот беда, за все годы войны Жуков ни разу на фронте не встречался с Брежневым. Георгий Константинович просто не знал, что в какой-то армии существует такой полковник-политработник. Как быть? Без выполнения просьбы Генерального штаба книга не пойдет. Тогда написали, что, находясь в 18-й армии генерала К. Н. Леселидзе, Жуков якобы хотел «посоветоваться» с начальником политотдела армии Л. И. Брежневым, но, к сожалению, его в штабе армии не было, «он как раз находился на Малой земле, где шли тяжелые бои». Миркина сказала, что, когда Жукову показали этот «довесок» и попросили согласиться, чтобы ускорить выход книги, маршал уступил и горько усмехнулся: «Умный поймет».

Еще до того, как мне стали известны вышеприведенные подробности «доработки» рукописи Жукова, я, внимательно читая и перечитывая воспоминания маршала, видел многие страницы «не его текста», они выделяются своей чужеродностью, казенностью, тенденциозностью содержания. Встречаются и такие суждения, которые невозможно посчитать за жуковские, они противоречат его взглядам, характеру, убеждениям. При чтении и анализе таких мест у меня все сильнее укреплялось желание познакомиться с первоначальной рукописью Жукова. Я предпринял немало усилий, чтобы найти ее, но обнаружить рукопись не удавалось ни у родственников, ни в архивах. Это само по себе еще больше распаляло не только мое любопытство, но и убеждение — что-то не так в этом исчезновении рукописи. Почему ее прячут? Кто и зачем? И если это так, то в рукописи, наверное, много такого, что не случайно прячется.

И я стал искать. Искать долго, упорно и терпеливо. Несколько лет.

И вот однажды очень хороший и добрый человек мне сказал:

— Я знаю, вы работаете над книгой о Жукове,

может быть, вам интересно будет познакомиться с его первоначальной рукописью. Кстати, в ней многое поправлено, а вам, наверное, небезынтересно узнать подлинные суждения Георгия Константиновича.

Я не верил своим ушам! Неужели это не сон? Стараясь быть сдержанным (а внутри все кричало: Неужели?! Неужели нашел?!), я ответил, что мне будет и полезно и интересно познакомиться с рукописью. Но точно ли это оригинальный вариант?

— Не сомневайтесь, — самый первый, с замечаниями на полях лиц очень высокопоставленных и с ответами на эти замечания самого Жукова.

Я готов был оставить все дела и кинуться за этой рукописью, но разговор этот произошел во время заграничной командировки, в далеком Буэнос-Айресе. Я потерял покой, не мог дожидаться возвращения на родину. Мне не верилось, я боялся, что не сбудется, что-то помешает мне получить рукопись для ознакомления.

Опасения мои оказались не напрасны — хороший, добрый человек засомневался, его смущали замечания на полях рукописи, сделанные людьми и сегодня очень влиятельными. Я дал слово никогда никому не называть имени хорошего, доброго человека, что свято выполняю. Еще и еще раз выражаю ему благодарность от себя и от читателей за то, что он сохранил и дал возможность нам ознакомиться с подлинными мыслями и суждениями Жукова, которые дают нам возможность в какой-то степени восстановить и справедливость и образ Георгия Константиновича.

Хочу привести только один пример, подтверждающий бесценность находки.

Характер человека проявляется в поступках, в манере речи, в жестах и даже в походке. Общественные поступки и дела показывают характер и масштабы личности. Рассуждая так, я зашел в тупик, читая в мемуарах Жукова такую фразу: «Массовое выдвижение на высшие должности молодых, необстрелянных командиров снижало на какое-то время боеспособность армии». И только вскользь, как бы мимоходом, о массовых репрессиях, о погибших талантливых сослуживцах, которых так не хватало в боях! Что это — нежелание «ворошить»? Хотел написать — «трусость», но с именем Жукова это так несовместимо, что, как говорится, рука не поднимается написать такое. Тогда — что же? Почему мужественный, всегда самостоятельно мыслящий маршал не написал подробно об этой страшной беде нашей армии? Почему?!

Ответ я нашел в его рукописи. Все он написал! И отношение свое высказал крепко и прямо — по-жуковски. Например, опубликованная в книге маршала глава «Командование 3-м кавалерийским и 6-м казачьим корпусами» занимает 10 страниц, а в рукописи — 29. В книге это чужой, не жуковский по стилю и содержанию текст — сухой

газетный отчет о некоторых международных событиях и становлении советской военной промышленности. А в рукописи говорится честно и безбоязненно о репрессиях, которые опустошали ряды командного состава Красной Армии, и как сам Жуков едва не угодил в сталинскую мясорубку. В соответствующем месте я приведу текст этой главы подробнее.

По ходу повествования я буду часто обращаться к подлиннику Жукова, это поможет нам пробиться к правде не только поступков маршала, но и событий тех лет¹

Задумывались вы, уважаемый читатель, над тем, как пишется история? По моим наблюдениям, она пишется дважды, трижды, и каждый раз события истолковываются по-разному.

Не вдаваясь в другие области, бегло взглянем на историю Великой Отечественной войны. Все в ней вроде бы детально известно: операции, даты, имена, цифры, рубежи. Но до 1953 года в наших исторических трудах был явный перекося в сторону преувеличения заслуг Сталина в достижении победы в целом и во многих операциях: был он назван «Великим полководцем всех времен и народов». Напомню еще про «десять сталинских ударов в 1944 г.».

А позднее, в конце пятидесятых годов? В шеститомном издании «Истории Великой Отечественной войны» и во многих книгах того периода виден иной акцент. Имя Сталина вычеркнуто и там, где это было необходимо, и там, где нельзя; возникла другая крайность: его пытались заменить именем Хрущева.

А затем, в шестидесятых — семидесятых годах, появился и разросся до невероятных размеров новый конъюнктурный бурьян о том, что наши победы главным образом вдохновлялись с Малой земли и были одержаны на том пути, где «вел» 18-ю армию начальник политотдела полковник Брежнев. Писали об этом всерьез и так много, что он сам поверил в это и преподнес себе маршальское звание, пять геройских Золотых Звезд и орден Победы. По статусу все это дается лишь за дела и подвиги, совершенные на поле брани, и полковнику-политработнику никак не полагается.

Вот такой неприглядный путь сложился у нас при написании истории Великой Отечественной войны. стыдно нам будет перед потомками. Наверное, наследники будут пожимать плечами и поражаться нашей непоследовательности в оценке великих дел, которые мы смогли совершить, но не сумели достойно и правдиво описать.

Здесь, мне кажется, пора сказать несколько слов о том, как написана книга, о жанре «литературная мозаика».

¹ Эта книга была написана В. Карповым до выхода десятого издания «Воспоминаний и размышлений» Г. К. Жукова, в котором восстановлены ранее изъятые из рукописи страницы. (Примеч. редакции.)

Одна из причин, почему в нашей литературе до сих пор нет современной «Войны и мира», на мой взгляд, в том, что писатели пытались решить эту труднейшую проблему в старой форме, то есть создать роман или эпопею. Но тема, масштабы событий так огромны, что они не поместились в рамки старого жанра. Для того чтобы охватить колоссальный размах великой войны, нужно не плавное повествование с описанием батальных картин, пейзажей, переживаний героев. Нужно что-то новое. Кстати, Лев Николаевич Толстой к концу жизни, опираясь на свой огромный и многолетний опыт, пришел к заключению, что в старых формах, в тех, в которых работали он и его современники, уже писать нельзя. Вот что он говорил об этом:

«12 января. Сейчас много думал о работе. И художественная работа: «был ясный вечер, пахло...» невозможна для меня. Но работа необходима, потому что обязательна для меня. Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им. Что-то напрашивается, не знаю, удастся ли. Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения, и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь»¹

Или вот еще — та же мысль:

«Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича или Марию Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни»²

Не надо подозревать меня в нескромности и самонадеянности. Я не имею в виду себя как продолжателя Толстого, говорю лишь о форме изложения. Опираясь на мудрость, опыт и прозорливость великого мыслителя, да и не только его, а и многих других (что никогда не было предосудительным), я попытаюсь осуществить задуманное мною.

С необходимостью создания нового жанра, отвечающего задачам, которые стояли передо мной как писателем при создании широкоохватных литературных произведений, столкнулся я еще при работе над повестью «Полководец». И мне кажется, я нашел такой жанр еще в той книге. В предисловии к ней я назвал его мозаикой. Мозаика — это вид изобразительного искусства, широко распространенный еще в Древнем Риме. Она создается из отдельных плиточек, разноцветных кусочков, все вместе они составляют определенное изображение, картину. Вот и в своей мозаике я создаю из отдельных эпизодов, фрагментов и цитат художественную литературную картину. Если в обычном романе или повести

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 57 М., 1952. С. 9.

² Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 181.

писатель оперирует словом и образом для изложения своих мыслей, поступков и переживаний героев и в целом замысла, то в мозаике писатель должен оперировать целыми блоками (если так можно сказать) и из этих блоков создать свое произведение. Для моей мозаики важным составным компонентом является документ, рассказ участника или очевидца события, способной убедительно, правдиво и достоверно показать то, о чем идет разговор.

Очень интересную мысль (ободряющую меня!) высказал Белинский еще до того, как Толстой пришел к выводу о том, что должна появиться новая проза:

«Мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собою. Что же общего между вымыслами фантазии и строго историческим изображением того, что было на самом деле? Как что? — художественность изложения! Недаром же историков называют художниками. Кажется, что бы делать искусству (в смысле искусства) там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно вернее? Но в том-то и дело, что верное воспроизведение фактов невозможно при помощи одной эрудиции, а нужна еще фантазия. Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание... Тут степень достоинства произведения зависит от степени таланта писателя». Вот видите, «камни» и «кирпичи»; Белинский чуть-чуть не произнес слово «мозаика».

Документалистика в наши дни пользуется огромным успехом у читателей не только в нашей стране, но и во всем мире. Во второй половине XX века документалистика — один из самых читаемых жанров, и происходит это не только потому, что она ближе к правде или читатель как-то утомился и уже не воспринимает описания, создаваемые фантазией художника. Этот бум документалистики происходит еще и оттого, что в наше время читатель уже не тот, какой был в прошлом веке. Теперь он широко информирован, способен оценивать явления самостоятельно. Когда говорится об исторических событиях, читателю интересно не только получить готовое, отшлифованное мнение писателя, но и самому поразмышлять и оценить то, о чем он читает, а документалистика как раз и предоставляет такие возможности.

Я изучал военную литературу, советскую и зарубежную, работал в архивах, наших и зарубежных. Еще раз перечитал и просмотрел многое, написанное о войне. И не только нашими фронтовиками, но и теми, кто противостоял нам по ту сторону фронта. Кстати, они написали немало, и не только мемуары. Сразу после прекращения боевых действий американское военное руковод-

ство собрало в специальных лагерях (довольно комфортабельных) гитлеровских генералов, попавших к ним в плен. Среди них были все три бывших начальника генерального штаба сухопутных сил — Гальдер, Цейтцлер, Гудериан, заместитель начальника генштаба Блюментриг, начальник оперативного отдела генштаба Хойзингер и многие другие. Кроме того, в руках американского командования оказалось большинство документов немецкого генштаба. Собрав гитлеровских генералов и дав им доступ к документам, американское руководство предложило описать ход войны и изложить свои суждения о всех сражениях, в которых они участвовали. Все написанные материалы стали собственностью Пентагона, а гитлеровские генералы позже издали свои книги-воспоминания о войне, например, Гудериан в 1951 году «Воспоминания солдата», Манштейн — «Утерянные победы». Я читал эти и другие книги и тоже использовал их в своей работе.

Я буду цитировать неизданные рукописи (чьи именно, будет указано). И одной из причин того, что они не были опубликованы, отчасти была их правдивость.

После войны и учебы в Военной академии им. Фрунзе я работал в Генеральном штабе Советской Армии с 1948 по 1954 год, это был период обобщения, оценки, выводов о минувшей войне. Создавались новые уставы, обновлялись военная теория, стратегия, доктрина. Личное знание этих дел и проблем, думается, тоже имеет важное значение. Работая в Генеральном штабе при жизни Сталина, я ощущал тот особый стиль и атмосферу, которые были характерны именно для того времени. Я ни разу не говорил со Сталиным, но видел его много раз, и мне известен обширный генштабовский «фольклор» периода Великой Отечественной войны. Я был знаком со многими крупными военачальниками и буду описывать их по личным наблюдениям и впечатлениям. Сразу оговорюсь, я не был близок к этим людям, но даже короткие разговоры и встречи на учениях, совещаниях, в поезде или самолете, несколько слов, сказанных мне или при мне, имеют большое значение, так как смотрел я на этих людей не только глазами офицера, но и оком писателя. Мне не нужно изучать их по фотографиям, я знаю внешность каждого из них, особенности речи, жесты, черты характера. В числе военачальников, которых я так знаю, могу назвать Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, Р. Я. Малиновского, В. Д. Соколовского, И. С. Конева, С. М. Буденного, С. М. Штеменко, Н. А. Булганина, И. Х. Баграмяна, И. Е. Петрова, Ф. И. Голикова, А. И. Еременко, Г. Ф. Захарова, К. С. Москаленко, А. А. Лучинского, П. А. Ротмистрова, И. И. Федюнинского, И. Д. Черняховского, В. И. Чуйкова, П. И. Батова, М. Е. Катукова и многих других.

С некоторыми из них я встречался не только по службе, но и в неофициальной обстановке,

где велись личные беседы, и в каждой тема войны была одной из главных.

Внимательно изучил я мемуары военачальников и художественные произведения писателей, посвященные войне. Побывал на полях многих сражений, в том числе и тех, в которых сам участвовал (что немаловажно!). Осмотрел места, где работал и бывал Жуков: в Ставке, в Кремле, в кабинете Сталина и на даче его под Москвой, во дворцах, где проходили международные конференции, в Ялте и в Цецилиенхофе в Потсдаме. Осмотрел залу, где была подписана капитуляция гитлеровской Германии, штабы наших союзников: ставку Черчилля в Лондоне; Эйзенхауэра и Монгомери на побережье Ла-Манша; в Берлине и в Цоссене здания, где работали генеральный штаб и другие высокие военные инстанции фашистской Германии.

Авторы многих книг могут узнать в моем тексте «свои эпизоды», но я думаю, они меня правильно поймут и не посетуют на это, ведь работа, которую я взвалил на свои плечи, огромна: я не считал нужным прятать или маскировать факты, цифры, документы, а порой и сцены, взятые из книг других авторов. Я говорю об этом открыто. Ничего не присвоил, в каждом случае указываю, от кого мне это стало известно, где прочитал, кто рассказал. В рукописи мною указаны подробные сведения об авторах, где изданы их книги, вплоть до страниц, с которых заимствован текст. Даны сведения об архивных делах — точные их адреса, фонды, номера и страницы, где что взято. Но при публикации это доведено до минимума, так как, если приводить все эти библиографические и справочные сведения, книга, при множестве цитат, превратится и по объему, и по внешнему виду в нечто похожее на справочник. А это ведь художественное произведение!

Я повторяю, не корыстные и меркантильные помыслы двигали мое перо в этой работе, а желание собрать в единую картину все, что есть, и создать таким образом литературную мозаику. Я не претендую ни на роман, ни на эпопею и прошу судить о моей работе по законам нового жанра, который если я и не изобрел, то во всяком случае стремлюсь и считаю своевременным активизировать в литературе.

И еще я встретился со многими участниками войны, сослуживцами маршала Жукова, беседовал и записывал их рассказы и тоже широко использую их в своей книге.

Все компоненты мозаики объединены моими суждениями, объяснениями, комментариями, они то и должны, по моему замыслу, связать все в единое целое. Не помню, кому принадлежит мысль, но мне она кажется правильной, я ее разделяю: комментарий — это уже мировоззрение. В связи с этим могут возникнуть у читателей опасения, что мои описания в какой-то степени будут субъективными в силу того, что я человек со своими ответственными каждому из нас своими убеждениями,

взглядами, отношением к людям и событиям. Наверное, такое опасение закономерно. Но все же в самом начале хочу предупредить, что я старался избегать субъективности и быть в доступной мне степени объективным.

Допускаю, что у многих профессиональных историков чтение моей книги ничего, кроме раздражения, не вызовет, потому что они знают больше меня и вряд ли найдут в моем повествовании что-то для себя новое, а некоторые суждения мои, возможно, будут восприняты ими как ненаучные. Но книга эта в первую очередь рассчитана на читателей, от которых я получил тысячи добрых отзывов на моего «Полководца» и кто ждет теперь книгу о Жукове.

Мне очень хочется дать читателям возможность самим познакомиться с документами, услышать голоса очевидцев, потому что не каждый из вас имеет доступ, да и время на то, чтобы рыться в архивах, доставать необходимые книги в библиотеках, ну и, конечно же, не каждый может встретиться с теми, кто участвовал в сражениях и был близок к историческим личностям и простым людям — участникам событий, о которых пойдет разговор. Я надеюсь, кто-нибудь раскроет эту книгу, когда уже не будет ни меня, ни участников войны, живущих сегодня. Вот тогда ценность бесед и свидетельств очевидцев возрастет еще больше.

Отшумели сражения второй мировой войны, раскрыты архивы и тайны генеральных штабов воевавших сторон, рассказаны и обнародованы ухищрения дипломатов, политических деятелей и военачальников. Казалось бы, пришло время изучать людям правду о всем происшедшем. И вот начали эту правду излагать. Но, как это ни странно, правда опять разная в двух лагерях, так же как это было в дни, когда гремели пушки. Опираясь теми же событиями, сражениями, рубежами и фронтами, количеством войск, датами, именами полководцев и героев, обе стороны теперь пишут историю на свой манер, толкуют так, как это выгодно той или другой стороне, причем самое любопытное, что все подтверждают свои точки зрения достоверными, убедительными аргументами, документами, а в конечном счете приходят к своим, желаемым выводам.

Можно ли не поддаться этому пороку? Давайте попробуем. Но это будет не просто, потому что, хоть и очень много написано об этой войне, она все еще остается по-настоящему «неизвестной».

В связи с перестройкой и гласностью появилось в печати, извлечено из личных и государственных архивов огромное количество неведомых нам ранее фактов или таких событий, о которых нельзя было писать и говорить.

Работая над книгой о Жукове без прежних ограничений и запретов, я обнаружил, что и нам самим эта война во многом не известна. Как это ни странно, но это так! Не говоря уже о тенден-

циозности и прямой фальсификации, мы еще не знаем многие стороны и подробности войны потому, что есть целые материи материалов, которых мало кто касался. Назову два из них, которые мне довелось просмотреть. Жуков, выезжая на фронт, в действующую армию, ежедневно в конце дня, а чаще ночью или уже утром писал совершенно секретные донесения Сталину. Подчеркиваю — ежедневно! Эти донесения ввиду их большой секретности писались в единственном экземпляре лично Жуковым или под его диктовку генералом для особых поручений. На машинке донесения не перепечатывались. Их текст передавался Верховному Главнокомандующему шифром. Все, кому был известен текст, расписывались на донесении — начиная от Жукова и кончая шифровальщиками. Донесения эти собраны в несколько объемистых томов по пятьсот и более листов. Я прочитал и сделал выписки из этих томов, причем не из расшифрованного в Генеральном штабе текста, а из подлинных, написанных и правленных Жуковым разными карандашами и чернилами. В каждом донесении из почерка так и проявляется, бросается в глаза настроение, душевное состояние маршала. В каждом донесении излагается обстановка на определенный день и час, а также решение Жукова на действия войск в этих обстоятельствах.

Слова, буквы, строчки в каждом донесении разные. Если дела идут успешно, войска наступают или стойко обороняются, строки текста, абзац к абзацу ложится прямыми, строгими прямоугольниками. Но если идет сшибка с контрдардами, контратаками, вклиниванием противника и, не дай бог, отходом наших войск, в этом случае и текст донесения на листах бумаги весь вкривь и вкось, с вставками и перечеркиванием, приписками сбоку и на обороте. Тут и карандаши разного цвета, и восклицательные знаки иногда по три подряд.

И, даже порой не выдерживая жуковского темперамента, бумага местами прорвана энергичным росчерком. Представляю еще и восклицания при этом: Жуков под горячую руку, как говорится, за словом в карман не лез, выпаливал, что накипело, громко и энергично.

Другие, еще более объемистые, залежи «неизвестной войны» (наверное, с ними работали ученые, журналисты, работники Министерства обороны и до меня, не претендую на роль первооткрывателя, но для меня это были действительно неведомые сокровища). Представьте себе 96 больших коробок, в каждой из них по 3—4 тома подлинных политических донесений из многих дивизий всех армий и всех фронтов! И в каждом томе более 500 документов. Здесь вся война, каждый ее день, героические поступки, подлые предательства, партсобрания с приветствиями «вождю народов», пьянки и дебоши, сбор средств на вооружение, самоубийства и самострелы, освобожденные города и села, радостные встречи

соотечественников и их же помощь нашим врагам, перебои в снабжении и раненые, брошенные на произвол судьбы. Солдаты-герои и генералы-подлецы. Подлецы-солдаты и герои-генералы.

Вот где она, «неизвестная война»!

Я познакомлю читателей с многими из этих материалов, имеющих отношение к моей теме, к Жукову, операциям, которыми он руководил.

Но, повторяю, сотни томов и тысячи документов еще ждут отбора и публикации, да не только из этих коробок. Стоят на стеллажах, ждут своих первооткрывателей упаковки с делами управлений Генштаба — оперативного, разведывательного — и многих других. И не только Генштаба. Ко всему этому прикасались пока одиночки. Все это еще по сей день «неизвестная война».

А у нас некоторые критики и литературоведы договорились до того, что считают: военная тема себя исчерпала! Нет, уважаемые коллеги, к военной теме по-настоящему прикоснулись еще очень немногие. Большие открытия и успехи нашей литературы в создании правды о войне и о человеке на войне еще впереди.

Введение мое немного затянулось, но прошу учесть — оно написано ко всей книге, а не только к первой ее части, публикуемой здесь.

Эта первая часть охватывает события, действия людей и главного героя Жукова от начала XX века до Московской битвы включительно.

Вторая часть, над которой я теперь работаю, освещает сражения и роль в них Жукова начиная от Московской битвы и до Дня Победы и принятия Жуковым капитуляции гитлеровской Германии.

Третья часть будет посвящена послевоенной службе и жизни Георгия Константиновича. Эта часть его биографии меньше всего освещена, и была она трудной, потому что фактически сразу после победы, с 1946 года, и до смерти Сталина в 1953 году и с 1957 года до конца жизни он находился в опале.

И лишь в самые последние годы жизни судьба подарила ему большое счастье — любовь к прекрасной женщине и ее такое же сильное ответное чувство. Тем и завершится моя книга.

В моей мозаике описано далеко не все: события, личные поступки и качества людей рассмотрены мной преимущественно в воедином аспекте: я писатель военный и стремлюсь не выходить за пределы моей компетентности. Возможно, есть в книге и огрехи. Мне бы очень хотелось получить от читателей замечания, поправки и особенно какие-то новые факты, эпизоды из жизни Георгия Константиновича, которые оказались мне неизвестны при работе над книгой. Все это я учту с благодарностью.

НАЧАЛО РАТНОГО ПУТИ

Как это ни странно звучит сегодня, но будущий маршал, вступая в жизнь, даже не помышлял быть военным. И родители, назвав его при крещении Егорием, вовсе не думали о внесенном в святцы воине Георгии Победоносце.

Выстрел в Сараево 28 июня 1914 года, которым был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и с которого принято считать начало первой мировой войны, перевернул судьбы не только императоров, но и деревенского парня, каким был Егор Жуков.

Я начинаю свое повествование с того дня, когда Георгий впервые, еще не надев военной формы, столкнулся, как сказали бы сегодня, с военной проблемой.

Произошло это так. С началом боевых действий, под влиянием, как мы говорим в наши дни, пропаганды произошел всплеск патриотических чувств, особенно у молодежи, быстрее других поддающейся романтическим мечтаниям: война, мол, это подвиги, геройство, награды...

К этим дням Жуков семь лет проработал в скорняжной мастерской. Из мальчика-ученика он уже стал мастером, получал «целых десять рублей»! И, как он сам вспоминает: «Хозяин доверял мне, видимо убедившись в моей честности. Он часто посылал меня в банк получать по чекам или вносить деньги на его текущий счет. Ценил он меня и как безотказного работника и часто брал в свой магазин, где кроме скорняжной работы мне поручалась упаковка грузов и отправка их по товарным конторам.

Мне нравилась такая работа больше, чем в мастерской, где, кроме ругани между мастерами, не было слышно других разговоров. В магазине дело другое...

Нравилось! Глядишь, и вырос бы из Жукова не наш великий полководец, а купец или крупный коммерсант. Но вспыхнула война, взбудоражила юношей, захватила возможностью отличиться. Одним из таких был сверстник Георгия, 17-летний парнишка Александр Пилихин, он предложил бежать на фронт. Но более рассудительный Георгий решил посоветоваться с самым авторитетным для него человеком — мастером Федором Ивановичем. Тот сказал:

— Мне понятно желание Александра, у него отец богатый, ему есть из-за чего воевать. А тебе, дураку, за что воевать? Уж не за то ли, что твоя мать с голоду пухнет? Вернешься калекой, никому не будешь нужен.

Так старый мастер преподавал первый урок социального мышления на военную тему будущему полководцу.

Жуков на фронт не убежал, и, следовательно, первое его соприкосновение с делами военными было не в пользу ратной карьеры. Коммерческое будущее пока взяло верх. А незадачливый друг его все-таки бежал на фронт, и через два месяца его привезли тяжело раненного.

Георгий надел военную форму по призыву, 7 августа 1915 года, в городе Малоярославце Калужской губернии. И тем сделал первый шаг к маршальскому жезлу, который, как известно, находится в вещевом мешке каждого солдата.

Я не буду подробно описывать его боевые дела на фронте, да и нет о них подробностей, напомним только, что за храбрость и умелые действия Жуков был произведен в унтер-офицеры и награжден двумя Георгиевскими крестами.

В одной из бесед, которые в конце жизни маршал вел с Константином Симоновым, он так подводит итог началу своей военной биографии:

«Я иногда задумываюсь над тем, почему именно так, а не иначе сложился мой жизненный путь на войне и вообще в жизни. В сущности, я мог бы оказаться в царское время в школе прапорщиков. Я окончил в Брюсовском, бывшем Газетном, переулке четырехклассное училище, которое по тем временам давало достаточный образовательный ценз для поступления в школу прапорщиков... Но мне этого не захотелось. Я не написал о своем образовании, сообщил только, что окончил два класса церковноприходской школы, и меня взяли в солдаты. Так, как я и хотел.

На мое решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим. Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни; до того плохих, неудачных, нескладных, что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, кончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом и начальствовать над бывалыми солдатами, над бородачами и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко.

Я пошел солдатом. Потом кончил унтер-офицерскую школу учебную команду. Эта команда, я бы сказал, была очень серьезным учебным заведением и готовила унтер-офицеров поосновательнее, чем ныне готовят наши полковые школы...

Роль унтер-офицеров в царской армии была очень велика. По существу, на них лежало все обучение солдат, да и немалая тяжесть повседневного руководства солдатами, в том числе и руководство ими в бою. Среди царских офицеров было немало настоящих трудяг, таких, которые все умели делать сами и делали, не жалея на это ни сил, ни времени. Но большинство все-таки сваливали черновую работу на унтер-офицеров, полагались на них. И это определило положение унтер-офицеров в царской армии. Они были хорошо подготовлены, служили серьезно и представляли собой большую силу...

После Февральской революции я был выбран председателем эскадронного комитета, потом членом полкового.

Нельзя сказать, что я был в те годы политически сознательным человеком. Тот или иной берущий за живое лозунг, брошенный в то время в солдатскую среду не только большевиками, но и меньшевиками, и эсерами, много значил и многими подхватывался. Конечно, в душе было общее ощущение, чутье, куда идти. Но в тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть

с верного пути. Это тоже не было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, если бы кончил школу прапорщиков, отличился в боях, получил бы уже другие офицерские чины и к этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошел под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции? Конечно, потом, через год-другой, я был уже сознательным человеком, уже определил свой путь, уже знал, куда идти и за что воевать, но тогда, в самом начале, если бы моя судьба сложилась по-другому, если бы я оказался офицером, кто знает, как было бы. Скольким искалеченным судеб оказалось в то время у таких людей из народа, как я».

Начиная свой жизненный и военный путь, Жуков, конечно, и предположить не мог, что именно он, Георгий Жуков, одержит блистательные победы над крупнейшими немецкими генералами и фельдмаршалами.

Очень часто в книгах о войне мы встречаем фамилии гитлеровских генералов, с которыми довелось сражаться в боях нашим полководцам. Но, как правило, на фамилиях все дело и кончается, а ведь каждый из генералов обладал определенным характером, имел свои приемы ведения боев и операций, и это все при встрече с нашими военачальниками, несомненно, сказывалось. И если в сражении доводилось одерживать победу или терпеть поражение, то, мне кажется, одно из объяснений успеха или неуспеха заложено и в личности генерала, с которым, как говорится, пришлось скрестить шпаги. Вот, исходя из этих соображений, я хочу в моей книге дать портреты будущих противников Жукова.

Я собирал эти материалы в нашей и зарубежной печати. А однажды представился случай познакомиться с личными делами гитлеровских генералов и фельдмаршалов. В немецкой армии, как и в других армиях мира, на каждого офицера велось в управлении кадров личные дела. У нас это папки с завязками, в которых постепенно, год за годом, накапливаются аттестации и другие документы, характеризующие службу офицера. В немецкой армии учет выглядит несколько иначе. У них на каждого офицера и генерала заполнялись карточки с однообразными для всех пунктами, что-то вроде нашей анкеты, только с меньшим количеством вопросов, сюда вносились конкретные биографические и служебные данные. Я снял копии с личных дел немецких военачальников, с которыми вам в книге, а Жукову на полях сражений придется встретиться.

Начнем с будущего фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. Почему с него? Потому, что именно Кейтель в мае 1945 года будет подписывать безоговорочную капитуляцию гитлеровской армии, которую положит перед ним на стол Жуков. Вот что написано в личном деле Вильгельма Кейтеля. Родился в 1882 году в семье среднего достатка, среднего класса, даже с антипрусскими традициями. Первое офицерское звание — лейтенант он получил в 1902 году. В 1914 году он уже был капитаном и служил в военном министерстве. В годы первой

мировой войны в качестве офицера генерального штаба работал в штабах нескольких кавалерийских корпусов и дивизий. В 1920 году — преподаватель в кавалерийской школе. Затем после мировой войны он служил в различных частях на штабных и командных должностях. В 1923 году получил звание майора.

Следующий из будущих противников Жукова, с кем надо познакомиться пораньше, как мне кажется, — Эвальд фон Клейст. Потому что фон Клейст будет первым гитлеровским генералом, с которым Жукову придется столкнуться на поле боя в первую же неделю войны, недалеко от нашей границы. Клейст в отличие от Кейтеля был родовит по военной линии, один из его предков был фельдмаршалом сухопутных войск при Фридрихе II. Следующий его предок тоже, еще в конце XVIII века и в начале XIX, отличился во многих войнах, за что получил звание графа, и вот с тех пор к фамилии Клейст стала прибавляться приставка «фон».

Эвальд Клейст родился в 1881 году. Звание лейтенанта получил в 1901 году, с 1910 по 1914 год учился в академии. После окончания академии получил звание капитана (Жуков, как вы помните, в 1915 году только надел солдатскую форму). В годы первой мировой войны Клейст работал в штабах корпуса, а после был направлен на службу в генеральный штаб. В 1919 году — майор и работает референтом, заведомом в военном ведомстве.

Если с Клейстом Жуков только столкнулся в первые дни войны, но остановить его танковый таран не смог, то с фельдмаршалом фон Боком он бился долго и упорно в сражениях под Москвой и одержал над ним, как известно, блестящую победу. Поэтому и за службой фон Бока давайте проследим заранее. По возрасту он ровесник Кейтеля и Клейста, родился в 1880 году, тоже потомственный прусский офицер в третьем поколении. На фронтах первой мировой войны дослужился до командира полка.

В те же годы начинали свои военные биографии и набирались образования и опыта почти все будущие противники Жукова: Гальдер, фон Манштейн, Гудериан, Гот, Паулюс, фон Рундштедт, Лист, Гёпнер и другие. У них очень похожие биографии, почти все они родились в конце прошлого века, потомственные служаки, окончили офицерские училища и военные академии, получили опыт на фронтах первой мировой войны. По ходу службы Жукова я буду знакомить читателей и с изменениями в биографиях его оппонентов.

Жизнь нескольких поколений почти всех европейских государств в середине XX века зависела не только от обычного хода истории, движимого постоянно действующими социальными, экономическими, политическими и природными механизмами, но еще в эти годы проявилось и очень осязаемое влияние исторических личностей.

Деятельность Георгия Константиновича Жукова часто соприкасалась с деяниями двух исторических персонажей — это Сталин и Гитлер, от них нередко зависели и его собственные поступки, решения, а порой жизнь или смерть.

И хочу сразу же не просто сказать, а с недоумением воскликнуть по поводу такого вот исторического парадокса: Сталин и Гитлер были признаны военно-врачебными комиссиями непригодными к военной службе. Правда, в годы первой мировой войны, когда всех призывали «под метелку», Гитлер дослужился до звания ефрейтора. И вот эти двое, не наделенные природой даже простейшими качествами, необходимыми для военной профессии, становятся Верховными Главнокомандующими, руководят сражениями миллионных армий, присваивают звания маршалов и генералов, награждают или расстреливают их по своей прихоти, посылают в бой миллионы людей, проводят сражения в масштабах, невиданных доселе в истории.

Многие из живущих сегодня, и я в том числе, свидетели и участники того, как вершилась недавняя история. Я считаю необходимым вспомнить хотя бы главные события и основных предводителей наших потому, что новые поколения не знают этих событий, не говоря о скрытых движущих рычагах и пружинах, без этого им многое будет непонятно. Да и нам, уходящим, на склоне лет нелишне вспомнить и пережитое, и что мы «натворили» в то жестокое лихолетье, ведомые историческими личностями и своей слепой преданностью им.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ГОДЫ ДВАДЦАТЫЕ

В книге Жукова, в главе, которая называется «Участие в гражданской войне», изложена общая обстановка на фронтах, на востоке, на западе, на юге, но все это в очень крупных масштабах, и мало сказано о личном участии Жукова в боях. Из автобиографии в его личном деле и из отдельных эпизодов в воспоминаниях можно составить следующую короткую хронику его участия в гражданской войне.

В Красную Армию вступил добровольно в августе 1918-го. Службу начал в 4-м кавалерийском полку 1-й Московской кавалерийской дивизии. Полк формировался в Москве, в казармах на Ходынке. Был в этом полку рядовым, затем командиром отделения, помощником командира взвода.

Весной 1919 года возникла опасность для молодой Советской республики на востоке. Оттуда вел свою трехсоттысячную, хорошо вооруженную армию Колчак. Сюда, на этот фронт, и был брошен полк, в котором служил Жуков. Он вспоминает о прибытии в район боевых действий довольно живописно:

«Помню момент выгрузки нашего полка на станции Ершов. Изголодавшиеся в Москве красноармейцы прямо из вагонов ринулись на базары, купили там каравай хлеба и тут же начали их поглощать, да так, что многие заболели. В Москве-то ведь получали четверть фунта плохого хлеба да щи с кониной или воблой.

Зная, как голодает трудовой народ Москвы, Петрограда и других городов, как плохо снабжена Красная Армия, мы испытывали чувство классово-

вой ненависти к кулакам, контрреволюционному казачеству и интервентам. Это обстоятельство помогло воспитывать в бойцах Красной Армии ярость к врагу, готовность их к решающим схваткам».

К середине апреля создалась реальная угроза соединения войск Колчака и Деникина, потому что Колчак находился в непосредственной близости от Казани и Самары. В этот критический момент командование южной группой войск Восточного фронта было возложено на М. В. Фрунзе. Умелым ударом по открытому левому флангу Фрунзе нанес белым поражение под Бугульмой, Белебеем и под Уфой. В этих боях участвовал, еще в небольшом звании, в должности помкомвзвода, и Жуков. Тогда же он впервые увидел Фрунзе. Конечно, он тогда стоял в строю, а Фрунзе был для него большой, недостижимый начальник, но все же эта встреча навсегда запомнилась Жукову, он с большой теплотой отзывался о Михаиле Васильевиче.

В это время уже совсем определяется и политическое лицо Георгия Константиновича. До марта 1919 года он состоял в группе сочувствующих (тогда еще не было кандидатов партии), а 1 марта 1919 года его приняли в члены РКП(б). В партию Жуков вступал, как говорится, с открытой душой, полностью разделяя ее программу — социальное положение и жизнь крестьянина-бедняка сформировали его взгляды и чаяния, они совершенно соответствовали тому, что провозглашала и осуществляла партия. В своих воспоминаниях он, уже будучи пожилым человеком, с жаром пишет: «С тех пор все свои думы, стремления, действия я старался подчинять обязанностям члена партии, а когда дело доходило до схватки с врагами Родины, я, как коммунист, помнил требования нашей партии быть примером беззаветного служения своему народу».

И это действительно так. В сабельных рубках, в стычках с врагами Жуков был храбрым бойцом, что отмечали его товарищи и командиры. Во второй половине 1919 года его, как человека, проявившего себя в боях и заслуживающего дальнейшего роста, намеревались послать на курсы красных командиров. Но в эти дни в районе села Заплавное белые внезапно переправились через Волгу между Черным Яром и Царицыном, и полк вместе с другими частями был брошен на ликвидацию этого плацдарма, поэтому Жукова на учебу не отправили. Да к тому же в этих боях он был и ранен. Это произошло в рукопашной схватке: недалеко от Жукова разорвалась ручная граната, и осколки впились в левую ногу и левый бок. Жуков был отправлен в лазарет.

После лечения он получил месячный отпуск на поправку. Поехал к родителям, в свою родную деревню Стрелковку. Здесь было голодно, жилось трудно. Сразу после отпуска Жуков явился в военкомат и попросил, чтобы его отправили в действующую армию. Но военком, посмотрев на него, сказал, что он еще слаб, надо бы ему полечиться, и поэтому отправил его на кавалерийский курсы в Старожилово Рязанской губернии.

Здесь скоро разглядели в нем задатки способного командира и назначили старшиной курсантской роты.

На курсах Жуков проучился до июля 1920 года, за-

тем курсы в полном составе были доставлены эшелонами в Москву, в Лефортовские казармы, где их объединили с бойцами других курсов и создали 2-ю Московскую бригаду курсантов, которую направили на юг против Врангеля.

В составе курсантского полка Жукову пришлось рубиться с кавалеристами десанта генерала Улагая. В ходе этих боев ввиду постоянной нехватки командиров был произведен досрочный выпуск курсантов, отличившихся в боях. В их числе был и Жуков. Получил он назначение в 14-ю отдельную кавалерийскую бригаду, в 1-й кавалерийский полк, где стал командиром взвода. За короткое время Жуков завоевал авторитет у своих бойцов и у командования как командир, умеющий организовать учебу, да и как боевой командир, потому что занятия часто прерывались выходами для ликвидации многочисленных банд, появлявшихся в то время.

Таким образом, Жуков участвовал в боях на Южном фронте, членом Реввоенсовета которого был в то время Сталин. Разумеется, их разное служебное положение не могло привести к встрече — один в числе атакующих с шашкой наголо, другой в штабе фронта, но все же Жуков видел и знал происходившее вокруг и позднее имел право судить и оценивать события тех дней как очевидец и участник.

Жуков, характеризуя Сталина как военачальника, отзывался о нем в разные годы по-разному. В книге своей Георгий Константинович высоко оценивал военные способности, организаторский его талант и в целом как Верховного Главнокомандующего, который «владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах».

В более поздних статьях и выступлениях Жуков военные способности Сталина, и особенно его успехи в руководстве операциями, оценивал более скромно. Что касается бесед с людьми, которым Георгий Константинович доверял, то в этих разговорах он отзывался о Сталине как о человеке, слабо разбиравшемся в военных делах и приносившем больше вреда, чем пользы, в руководстве операциями, особенно до Сталинградской битвы. Более подробно мы коснемся этого в соответствующих главах.

Противоречия в оценках Жукова объясняются и цензурными барьерами, и усердием «доработчиков».

Поэтому только интимные беседы, содержание которых стало известно лишь в период гласности, пожалуй, отражают подлинное мнение маршала и оценку деятельности Сталина как полководца.

Но поскольку мы с вами решили во всем разобраться сами, давайте такие разноречивые оценки Жукова проверим нашим мнением, определив его в каждом конкретном случае, используя для этого те доступные эпизоды, которые будут приведены по ходу повествования.

В конце 1920 года Жуков уже командует 2-м эскадроном 1-го кавалерийского полка. В этой должности он принимает участие в боях по ликвидации антоновского восстания. Это были крупные бои, у восставших сформировалась целая армия. Руководили боевыми

действиями на Тамбовщине — М. Н. Тухачевский, В. А. Антонов-Овсеенко и И. П. Уборевич. Вот здесь Жуков впервые познакомился с этими крупными военачальниками и видел их, как говорится, в боевых делах.

Разумеется, по своей должности командира эскадрона Жуков не заседал в высоких штабах и не участвовал в разработке крупных операций, он делал свое дело, сражался.

В одном из боев антоновец едва не зарубил Жукова, и мы бы могли в тот момент навсегда потерять этого талантливейшего человека, но боевой соратник, политрук Ночевка, спас его.

Вот как сам Жуков своим энергичным языком рассказал об этом в беседе с Симоновым:

«Надо сказать, что это была довольно тяжелая война. В разгар ее против нас действовало около семидесяти тысяч штыков и сабель. Конечно, при этом у антоновцев не хватало ни средней, ни тем более тяжелой артиллерии, не хватало снарядов, были перебои с патронами, и они стремились не принимать больших боев. Схватились с нами, отошли, рассыпались, исчезли и возникли снова. Мы считаем, что уничтожили ту или иную бригаду или отряд антоновцев, а они просто рассыпались и тут же рядом снова появились. Серьезность борьбы объяснялась и тем, что среди антоновцев было очень много фронтовиков и в их числе унтер-офицеров. И один такой чуть не отправил меня на тот свет.

В одном из боев наша бригада была потрепана, антоновцы изрядно всыпали нам. Если бы у нас не было полусотни пулеметов, которыми мы прикрывались, нам бы вообще пришлось плохо. Но мы прикрывались ими, оправились и погнали антоновцев.

Незадолго до этого у меня появился исключительный конь. Я взял его в бою. И вот, преследуя антоновцев... я не удержал коня. Он вынес меня шагов на сто вперед всего эскадрона. Во время преследования я заметил, как мне показалось, кого-то из командиров, который по снежной тропке — был уже снег — уходил к опушке леса. Я за ним. Он от меня... Догоняю его, вижу, что правой рукой он нахлестывает лошадь плеткой то по правому, то по левому боку, а шашка у него в ножнах... и в тот момент, когда я замахнулся шашкой, плетка оказалась у него слева. Хлестнув, он бросил ее и прямо с ходу, без размаха вынес шашку из ножен, рубанул меня. Я не успел даже закрыться, у меня шашка была еще занесена, а он уже рубанул, мгновенным, совершенно незаметным для меня движением вынес ее из ножен и на этом же развороте ударил меня поперек груди. На мне был крытый сукном полушубок, на груди ремень от шашки, ремень от пистолета, ремень от бинокля. Он пересек все эти ремни, рассек сукно на полушубке, полушубок и выбил меня этим ударом из седла. И не подоспей здесь мой политрук, который зарубил его шашкой, было бы мне плохо. Потом, когда обыскивали мертвого, посмотрели его документы... увидели, что это такой же кавалерийский унтер-офицер, как и я, и тоже драгун, только громаднейшего роста. У меня потом еще полмесяца болела грудь от его удара...»

В тот жаркий день под Жуковым убили лошадь. Он

из револьвера отстреливался от нападавших на него повстанцев, пытавшихся взять его в плен. Его спасли подоспевшие на выручку бойцы. В конце лета 1921 года отряды Антонова на Тамбовщине были ликвидированы. Жуков за героизм в этих боях награжден орденом Красного Знамени.

С 1922 года по март 1923 года Жуков командовал эскадрой 38-го кавалерийского полка. В его личном деле появились первые письменные аттестации.

На моем столе лежит копия личного дела Георгия Константиновича Жукова. Первая аттестация 1922 года, в ней написано: «Командир эскадрона с 10 ноября 1920 года. С 1 марта 1918 года все время на фронте. Кавалерийскую службу теоретически и практически знает хорошо. Общеобразовательная подготовка средняя, строевая и боевая хорошая, но иногда дерзко относится к политруку...

Вот еще когда отмечалась его самостоятельность и несколько напряженное отношение к политработнику, в действиях которого он, как командир-единоначальник, замечал известное притеснение.

Командир полка написал в этой аттестации свое заключение: «По своим знаниям соответствует своему назначению и может быть повышен».

Аттестация 1923 года выглядит уже так (обратите внимание на любопытный стиль документов того времени): «Тов. Жуков вполне отлично подготовлен теоретически, вышколенно знает кав. службу, отлично воспитан, обладает широкой инициативой, хороший администратор — хозяин эскадрона. Дисциплинирован, но бывает иногда резок в обращении с подчиненными. Политически подготовлен удовлетворительно. В занимаемой должности пребывает достаточно для его повышения в пом. ком. полка».

Утверждая эту аттестацию, командир 7-й кавалерийской дивизии Н. Д. Каширин написал: «Допустить товарища Жукова к исполнению должности пом. командира полка 40-го кав. полка и возбудить ходатайство об его утверждении».

Дальше сам Жуков вспоминает, что вскоре его вызвал командир дивизии Каширин, побеседовал с ним, расспросил, как идут дела с обучением в подразделении, и совершенно неожиданно для Жукова, которого это известие прямо ошарашило, сказал, что принято решение назначить его командиром 39-го Бузулукского кавалерийского полка.

Можно понять Жукова: должность командира полка высокая, ответственная и настолько самостоятельная, что не только предоставляет возможность командиру проявить себя, но и открывает ему огромную перспективу дальнейшей службы.

Жуков пишет по этому поводу: «Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время».

Мне довелось командовать разными полками — горно-стрелковым, стрелковым, механизированным — около шести лет, в мирное время, после войны. И поэтому могу с полным основанием подтвердить, что полк — действительно сложный армейский организм, а если он еще стоит отдельным гарнизоном, то напоминает крошечное государство. Судите сами: штаб — это нечто вроде правительства; есть и своя крупная партийная организация (партия), и еще политработники — профессионалы политической работы. В полку свое сложное, хорошо организованное снабжение, я имею в виду не только централизованное, но и свое полковое хозяйство: бывают свинные и молочные фермы и даже посевные площади, в горнострелковом полку нам доводилось сеять клевер и заготавливать сено для лошадей на зиму. В полку есть представитель особого отдела КГБ и даже своя «тюрьма» — гауптвахта. Есть учреждения культуры: библиотека, клуб, много комнат для политической работы, так называемые «ленинские комнаты». Имеется, в конце концов, и торговля: свои магазины, кафе, буфеты, чайные.

В мемуарах очень многих наших военачальников время службы в должности командира полка единодушно оценивается не только как самое трудное и плодотворное, но и считается еще и школой, открывающей перед строевым офицером возможность дальнейшей успешной работы на более высоких должностях.

Вот на такую должность в конце апреля 1923 года и был назначен Жуков, шел ему тогда двадцать восьмой год.

Итак, в начале двадцатых годов Жуков командовал полком. Вскоре командир 7-й кавдивизии Каширин был назначен с повышением в другое соединение (позднее он был расстрелян), а на его должность прибыл герой гражданской войны Г. Д. Гай. На первых же учениях, которые проводил с полком Жуков, он понравился опытному боевому командиру дивизии. А Жукову, в свою очередь, пришелся по душе энергичный, горячий Гай, и не только потому, что у него была славная боевая биография, он и в мирное время работал увлеченно, внимательно и заинтересованно относился к людям, что хорошо чувствовали все окружающие и за что его очень уважали.

В конце летней учебы 1923 года 7-я Самарская кавалерийская дивизия участвовала в больших окружных маневрах. И здесь Жуков тоже отличился своими быстрыми и энергичными действиями. Столкнувшись с «противником» во встречном бою, он опередил его в развертывании и лихим ударом во фланг «разгромил его наголову». За эти действия Жукова отметил и похвалил не только комдив Гай, но и командующий округом М. Н. Тухачевский, который наблюдал за форсированным маршем и стремительной атакой кавалеристов. Так впервые Жуков заслуживает высокую похвалу

опытнейшего, великолепно разбирающегося в военных делах будущего маршала Тухачевского.

Однако, несмотря на свою довольно удачную службу и хорошее мнение о нем командиров, сам Жуков ощущал недостаточность теоретической подготовки. Он писал об этом: «В старой царской армии окончил унтер-офицерскую учебную команду, в Красной Армии — кавалерийские курсы красных командиров. Вот и все. Правда, после окончания гражданской войны усиленно изучал всевозможную военную литературу, особенно книги по вопросам тактики.

В практических делах я тогда чувствовал себя сильнее, чем в вопросах теории, так как получил неплохую подготовку еще во время первой мировой войны. Хорошо знал методику боевой подготовки и увлекался ею. В области же теории понимал, что отстаю от тех требований, которые сама жизнь предъявляет мне как командиру полка. Размышляя, пришел к выводу: не теряя времени, надо упорно учиться. Ну а как же полк, которому надо уделять двенадцать часов в сутки, чтобы везде и всюду успеть? Выход был один: прибавить к общему рабочему распорядку дня еще три-четыре часа на самостоятельную учебу, а что касается сна, отдыха — ничего, отдохнем тогда, когда наберемся знаний».

Однажды полк посетил герой гражданской войны, легендарный В. К. Блюхер. Он провел с полком Жукова учение, внезапно объявив боевую тревогу. Поставленную задачу полк выполнил, действовал быстро и организованно. После отбоя Блюхер дал высокую оценку и действиям полка, и Жукову лично. Георгий Константинович вспоминает: «Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской республики, популярный герой, В. К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливого командующего».

Вот здесь Жуков сам приоткрывает нам свой идеал командира, к которому он стремился в те годы.

В июле 1924 года комдив Гай, ценящий своего талантливого командира полка, направляет Жукова на учебу в Ленинград, в Высшую кавалерийскую школу.

За время работы в должности командира полка Жуков заслужил следующую аттестацию: «Хороший строевик и администратор, любящий и знающий кавалерийское дело. Умело и быстро ориентируется в окружающей обстановке. Дисциплинирован и в высшей степени требователен по службе. За короткое время его командования полком сумел поднять боеспособность и хозяйство полка на должную высоту. В боевой жизни мною не испытан. Занимаемой должности соответствует. Командир 2-й бригады 7-й Самарской дивизии В. Селицкий».

К этой аттестации присоединился и Гай, командир и военком 7-й кав. дивизии: «С аттестацией командира бригады вполне согласен. Тов. Жуков теоретически и тактически подготовлен хорошо. За короткий срок поставил полк на должную высоту. Хороший спортсмен-наездник. Должности вполне соответствует».

Гай (настоящее имя его Гайк Дмитриевич Бжишкян)

после командования 7-й Самарской кавалерийской дивизией, в которой служил Жуков, в дальнейшем стал командиром корпуса, работал в военно-педагогических заведениях, занимался научной работой. В 1937 году, в числе многих других, был расстрелян по ложному обвинению.

Высшая кавалерийская школа находилась в Ленинграде. Жуков приехал в Ленинград впервые. Этот прекрасный город с его революционными традициями, с огромным количеством культурных и исторических памятников и учреждений совершенно захватил Жукова, и он наслаждался, знакомясь со всем этим богатством. Высшая школа имела прекрасную учебную базу и размещалась в здании бывшей царской высшей кавалерийской школы, здесь были удобные классы, манеж, методические кабинеты, в общем, все способствовало тому, чтобы успешно учиться. Кстати, вскоре школа была переименована в кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС), а срок обучения сокращен с двух до одного года, о чем Жуков очень сожалел, так как страстно стремился повышать свои знания.

Начальником курсов был В. М. Примаков, человек легендарной судьбы и сложной биографии. В 1915 году, еще будучи гимназистом, он вступил на путь революционера. Вернее, вступил он на этот путь раньше, а в 1915 году уже был арестован за распространение воззваний против войны среди войск Черниговского гарнизона. Поскольку это было в военное время, да еще среди войск, Примакову по приговору была определена пожизненная ссылка в Восточную Сибирь. Только после Февральской революции он освободился из ссылки и, прибыв в Петроград, участвовал в Октябрьском вооруженном восстании, возглавляя один из отрядов, штурмовавших Зимний дворец. Затем участвовал в разгроме мятежа Краснова, а в январе 1918 года сформировал 1-й полк Червонного казачества на Украине. В дальнейшем полк вырос в бригаду, дивизию и Первый конный корпус Червонного казачества. Примаков сражался против войск Деникина, Врангеля, на польском фронте, отличался в боях исключительной храбростью, за что награжден тремя орденами Красного Знамени.

Виталий Маркович Примаков был весьма эрудированным человеком. Об этом свидетельствует то, что после курсов его неоднократно назначали на дипломатическую работу: он был советником в Китае, военным атташе в Афганистане и Японии, затем зам. командующего войсками различных округов, увлекался не только военно-историческим творчеством, но и художественным — он автор нескольких художественных книг. Жизнь его, как и многих военачальников, закончилась трагически: в 1937 году он был расстрелян по ложному обвинению.

Примакову недолго пришлось командовать курсами, он получил другое назначение, а на его место прибыл тоже известный еще в старой русской армии кавалерист М. А. Баторский.

В наборе, с которым поступил Жуков, было более двухсот человек. Все молодые командиры, многие из них прошли такую же школу, как Жуков, большинство

были командирами кавалерийских эскадронов. Однако набралось двадцать пять человек командиров полков, их выделили в особую группу, в нее вошел и Жуков. В этой группе были К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян, А. И. Еременко и много других, в будущем крупных военачальников. Все они были по годам молодые, по опыту бывалые люди, и все они хотели учиться, получать знания, поэтому сразу установилась атмосфера какой-то энергичной состязательности, учились с желанием отличиться друг перед другом, тем более что кроме учебы были еще и настоящие соревнования, конно-спортивные или просто спортивные. Маршал Баграмян пишет в своих воспоминаниях: «Георгий Константинович Жуков среди слушателей нашей группы считался одним из самых способных. Он уже тогда отличался не только ярко выраженными волевыми качествами, но и особой оригинальностью мышления. На занятиях по тактике конницы Жуков не раз удивлял нас какой-нибудь неожиданностью. Решения Георгия Константиновича всегда вызывали наибольшие споры, и ему обычно удавалось с большой логичностью отстоять свои взгляды».

После войны, уже в 70-х годах, я бывал у Ивана Христофоровича, моего бывшего командующего фронтом в годы Великой Отечественной войны. Он многое мне рассказывал, показывал свои рукописи, позднее опубликованные. Жена Баграмяна, Тамара Амаяковна, ставила на стол свои неповторимые «фирменные» пирожки, а Иван Христофорович, вспоминая сослуживцев, так вдохновлялся, что я зримо представлял себе тех молодых, храбрых командиров, о ком он рассказывал. О Жукове я его специально не спрашивал, о чем теперь очень сожалею, но тогда я не думал писать эту книгу. Помню такую вот любопытную деталь из рассказа Баграмяна:

— Мы были молодые, и, вполне естественно, кроме учебы, нам хотелось иногда и развлечься, и погулять, что мы и делали: уходили в город, иногда ужинали в ресторане, иногда ходили в театры. Жуков редко принимал участие в наших походах, он сидел над книгами, исследованиями операций первой мировой войны и других войн, а еще чаще разворачивал большие карты и, читая книги или какие-нибудь тактические разработки, буквально ползал по картам, потому что карты были большие, они не умещались на столе, он их стелил на пол и вот, передвигаясь на четвереньках, что-то там выглядывал, высматривал и потом сидел, размышляя, нахмутив свой могучий, широкий лоб. И случалось нередко так: мы возвращались после очередной вылазки, а он все еще сидел на полу, уткнувшись в эти свои карты...

У Жукова был не только талант, но и тяга к военному искусству. Бывает иногда и так: у человека есть талант, но он его не ощущает, не развивает, не живет тем делом, талант к которому подарила ему природа. У Жукова его природное дарование сочеталось со страстной любовью к военной профессии. Иногда у человека, даже увлеченного своим делом, бывает, как мы сегодня говорим, еще и какое-то хобби. У Жукова все было сконцентрировано и устремлено на ратное дело. Оно было и страстью, и увлечением, и смыслом всей жизни.

В осенние и зимние месяцы слушатели овладевали довольно большой программой по тактике конницы и общевойскового боя. Нагрузка была немалая, а в летнее время те же вопросы отрабатывались практически в поле на многочисленных учениях с выездом на конях.

Учеба закончилась, сданы экзамены. Многие подружались на этих курсах на всю жизнь. Такая дружба здесь завязалась у Жукова с Рокоссовским. Все разъезжались по своим частям, а неугомонный Жуков и здесь придумал нечто неожиданное. Он, командир полка М. Савельев и командир эскадрона астраханского полка Н. Рыбалкин решили организовать конный пробег по маршруту Ленинград — Витебск — Орша — Борисов — Минск, чтобы прибыть к месту службы таким вот необычным способом. Командование курсов рассмотрело обоснованный, хорошо рассчитанный план пробега, но заявило, что не имеет возможности организовать в пути обслуживание и питание. Однако настойчивые командиры не отказались от своих намерений и решили пройти почти 1000 км за семь суток. Это было не просто, такого опыта еще не было.

И вот ранним осенним утром они тронулись от Московской заставы, их проводили представители командования курсов и друзья. У Жукова в первый день почему-то захромала лошадь Дира, она уже была немолодая. И поэтому ему частенько приходилось спешиваться и вести лошадь в поводу. Но в дальнейшем Дире стало лучше, и Жуков, не смалодушничав в первый день из-за неожиданного препятствия, до конца прошел весь маршрут. Преодолев тяжелый путь, участники пробега похудели каждый примерно на шесть килограммов, лошади потеряли больше десяти. Этот смелый пробег был отмечен премиями и благодарностью командования, он был засчитан и как своеобразный рекорд — раньше никто из конников не преодолевал такое большое расстояние за столь короткий срок.

Вскоре Жуков отправился в отпуск. Когда он вернулся, части переходили на новые штаты. В дивизии вместо шести полков теперь оставалось только четыре. Конечно же, командование отобрало в новые штаты лучших. Жуков был одним из первых. Он стал командиром вновь сформированного 39-го кавалерийского полка.

Весной 1925 года было издано директивное письмо ЦК партии «О единоначалии в Красной Армии». Жукова вызвали в штаб, где кроме командира дивизии были командир 3-го кав. корпуса С. К. Тимошенко и комиссар этого корпуса А. П. Крохмаль. Жукова спросили, готов ли он взять на себя обязанности командира и комиссара полка, то есть стать единоначальником. Жуков, подумав, ответил согласием. Через несколько дней был издан такой приказ. В 7-й кавалерийской дивизии это был первый командир полка — единоначальник.

Вскоре после этого комдива К. Д. Степного-Спичарного сменил очень опытный и боевой комдив Д. А. Шмидт. Командиры дивизии менялись, а мнение о Жукове не менялось, вернее, с каждым годом все улучшалось. В 1926 году уже новый комдив делает о Жукове такую запись в его аттестации: «Блестяще справляется с должностью единоначальника. Полагаю, достоин быть командиром бригады».

За время учебы на ККУКСе Жуков основательно

повысил свою теоретическую подготовку. Можно сказать, что, подобно Горькому, который, не имея высшего образования, путем самостоятельной учебы стал одним из образованнейших людей, Жуков благодаря упорному, настойчивому самообразованию, не имея академического диплома, стал одним из самых сведущих людей в военном деле. И не случайно в эти годы в очередной аттестации появляется такая строка: «Активный работник в области военно-научного дела».

Осенью 1927 года полк посетил С. М. Буденный, инспектор кавалерии РККА. Он осмотрел расположение полка и, конечно, не мог обойтись без «выводки». Буквально через несколько минут, по сигналу, эскадроны выстроились и были готовы к «выводке». Этот красивый и очень своеобразный ритуал в настоящее время уже не существует в армии. Но я в свое время, в 1958—1960 годах, командуя горнострелковым полком в Туркестанском военном округе, нередко сам проводил «выводки» и делал их по требованию проверяющих. Все здесь рассчитано, очень продуманно и, не боюсь этого слова, — красиво. Угодить Буденному, старому кавалерийскому служаке, было, конечно, трудновато, но «выводка» ему очень понравилась, и он поблагодарил красноармейцев и Жукова за отличное содержание лошадей, а у Буденного заслужить такую оценку было непросто!

Позднее полк посетил командующий войсками Белорусского военного округа А. И. Егоров, один из самых серьезных теоретиков Красной Армии. В годы гражданской войны он командовал фронтами, известен в истории как полководец, разгромивший армии Деникина. Егоров был награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

Он приехал в полк неожиданно и сразу же пришел на занятия, которые проводил Жуков. Разумеется, когда заранее известно, что будет проверять высокое начальство, то и занятия соответственно готовятся. Побыв на обычных, рядовых занятиях Жукова, Егоров высказал ряд замечаний и пожеланий, но в целом оценил высоко методику их проведения командиром полка. Человек высокой штабной культуры, Егоров пожелал познакомиться с разработкой мобилизационного плана полка. И в этих специфических штабных делах у Жукова все оказалось на должном уровне. Осмотрел Егоров склады текущего довольствия и неприкосновенных запасов, здесь тоже все было в порядке.

В общем, Жуков в те годы встречался со многими замечательными военачальниками и командирами. К сожалению, почти все, кого я называю в этих главах, были впоследствии уничтожены во время сталинских репрессий.

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

В тридцатые годы начинается новый этап в жизни Красной Армии, а следовательно, и в жизни Г. К. Жукова.

С начала индустриализации, когда у нас появляются заводы, способные производить военную технику, мощ-

но укрепляется оборонная база страны. Начинается важнейший процесс — перевооружение армий. В 1931 году вводится специальная должность начальника вооружений РККА, который станет заниматься именно вопросами технического перевооружения. На эту должность в том же 1931 году назначается М. Н. Тухачевский.

Жуков очень высоко оценивал Тухачевского. «При встречах с ним меня пленяла его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки, — писал Георгий Константинович. — Умный, широкообразованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М. Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил и современных войск и умел творчески подойти к любой проблеме.

Все свои принципиальные выводы в области стратегии и тактики Михаил Николаевич обосновал, базируясь на бурном развитии науки и техники у нас и за рубежом, подчеркивая, что это обстоятельство окажет решающее влияние на организацию вооруженных сил и способы ведения будущей войны».

Надо сказать, что наша наука, наша военная теория в предвоенное десятилетие имели передовой, современный характер и в чем-то опережали теоретические изыскания гитлеровского генерального штаба. У нас было много высокообразованных, талантливых теоретиков, которые разрабатывали советскую стратегическую доктрину. Так, М. Н. Тухачевский написал специальную работу, посвященную начальному периоду войны, «Характер пограничных операций». В этой работе он как бы предвидел ту обстановку, которая реально сложилась в 1941 году. Он писал, что пограничная зона стала слишком уязвимой со стороны авиации и мотомеханизированных войск противника, так как, учитывая летно-тактические данные самолетов, реальная глубина воздействия воздушных сил будет не менее 250 километров. В этой зоне авиация будет бомбить аэродромы, совершать налеты на железнодорожные и шоссейные мосты, изолируя отдельные гарнизоны. Сочетание ударов авиации с действиями механизированных войск и, где возможно, посаженных на автомобили стрелковых войск создаст такую обстановку, которая сорвет или крайне затруднит плановую мобилизацию и сосредоточение в пограничной полосе не только главных сил, но и войск прикрытия.

Очень важным был доклад начальника штаба РККА А. И. Егорова в 1932 году Реввоенсовету СССР, где он изложил свою точку зрения на начальный период войны; вкратце ее можно сформулировать так: еще в мирное время враждующие стороны будут стремиться, используя скрытую мобилизацию, как можно раньше собрать наиболее подвижные и маневренные силы и средства (авиация, мотомех. части, конные массы), с тем чтобы в нужный момент вторгнуться на территорию противника и сорвать мобилизацию и сосредоточение его армий в пограничных районах. Егоров также утверждал, что сосредоточение войск будет под сильным воздействием двух основных факторов: количество и качество авиации и наличие механизированных соедине-

ний, сочетающих большую ударную и огневую силу с большой подвижностью.

Егоров предвидел широкий размах и высокую напряженность сражений сразу же, с первых часов войны, и массовое применение авиации, а также крупных мотомеханизированных частей, которые будут проникать глубоко на территорию противника. Но и тут Егоров шел дальше немецких военных теоретиков и говорил, что этими стремительными ударами, как бы мощны они ни были, все-таки исход войны не решается. «Необходимо учесть,— указывал Егоров,— что группы вторжения в состоянии будут создать лишь ряд кризисов, нанести ряд поражений армиям прикрытия, но не могут разрешить вопроса окончания войны или нанесения решающего поражения... главным силам. Это задача последующего периода операции, когда закончится оперативное сосредоточение».

Как видим, еще до того, как гитлеровцы стали осуществлять свои агрессивные планы молниеносных войн в Европе, наши военачальники, те, которых я назвал, и многие, которые не названы мной, уже предвидели и характер действий в будущей войне агрессивных армий, и то, как им следовало бы противодействовать. Но эти передовые взгляды наших военных теоретиков, к сожалению, не только не были учтены и использованы в подготовке к отражению агрессии, но даже преданы анафеме!

После ареста видных ученых и военачальников все, что они говорили, чего достигли в своих исследованиях, что внедряли в армейскую практику, стало считаться крамолой и вредительством. То, что было сделано, что уже можно было усиливать и пополнять, сводилось почти на нет. Расформировывались созданные механизированные корпуса. И это в преддверии войны, в которой именно механизированные и танковые войска решали судьбу сражений!

Не часто в жизни командира бывают специально изданные приказы, отмечающие его хорошую работу. Обычно, если строевого командира и поощряют, то объявляют благодарность устно, чаще же ему достаются упреки, назидания, взыскания, потому что опытный глаз старшего начальника всегда найдет немало недостатков в работе. Но в жизни Жукова был такой приказ, отмечавший его выдающиеся заслуги:

«Командир-военный комиссар 39-го кавалерийского полка тов. Жуков Г. К. в течение семи лет командовал 39-м кав. полком. Годы мирной учебы требовали максимума знаний, сил, энергии и внимания в деле подготовки частей и воспитания бойца.

Высокие личные качества тов. Жукова как командира и воспитателя дали ему возможность держать полк на высшей ступени подготовки и морального состояния.

К сегодняшнему дню 39-й кавполк считаю одним из лучших полков корпуса по боевой подготовке.

За хорошее руководство полком тов. Жукову от лица службы объявляю благодарность.

С назначением на новую должность надеюсь, что тов. Жуков еще больше приложит сил и внимания в де-

ле подготовки частей и сколачивания целых соединений. Желаю успеха.

Командир-военный комиссар 11-го кав. корпуса Тимошенко

17 мая 1930 года.

гор. Минск».

Для подготовки к новой, более высокой должности Г. К. Жукова послали в Москву на курсы усовершенствования высшего начальствующего состава. На эти курсы направлялись наиболее перспективные командиры, показавшие себя на практической работе с самой лучшей стороны. Они жили в гостинице Центрального Дома Красной Армии, а занятия проходили в Наркомате обороны, в оборудованных здесь учебных классах. На курсах слушатели занимались военной теорией и оперативным искусством — проблемами более крупных масштабов, чем те, которые уже хорошо знал и применял на практике Жуков. Сам Георгий Константинович пишет: «Все мы увлеклись военной теорией, гонялись за каждой книжной новинкой, собирали все, что можно было собрать из литературы по военным вопросам, чтобы увезти с собой в части...»

По возвращении с высших курсов весной 1930 года, когда и был издан тот приказ, который я цитировал выше, Жуков был назначен командиром 2-й кавалерийской бригады.

Бригадой Жуков прокомандовал немногим более года, и вдруг его вызвал в штаб командир дивизии К. К. Рокоссовский и сообщил приказ о назначении его на должность помощника инспектора кавалерии РККА. Это высокое назначение Жукова не обрадовало, штабной работы он не любил и даже, как выразился Рокоссовский в аттестации, «ненавидел ее». И Рокоссовский, и Жуков не были довольны этим новым назначением, но приказ есть приказ.

Мне хочется привести короткий разговор между Рокоссовским и Жуковым, показывающий, насколько служба строевого командира подчинена делу, которому он отдает свою жизнь. Гражданский человек, получая назначение, связанное с переездом в другой город, начинает что-то упаковывать, ликвидировать какое-то домашнее хозяйство. У военных все это происходит проще.

Сколько вам потребуется времени на сборы? — спросил Рокоссовский.

— Часа два, — ответил Жуков.

И на следующий день, после прощального обеда с товарищами по службе, Жуков с женой Александрой Диевной и двухлетней дочкой Эрой выехал в Москву.

Инспекция кавалерии, как и другие инспекции и управления боевой подготовки Красной Армии, входила в состав Наркомата по военным и морским делам СССР. Работая в этой инспекции, Георгий Константинович готовил проекты боевого устава конницы Красной Армии. Именно здесь он близко соприкасался с М. Н. Тухачевским, мог полнее оценить значение его деятельности.

Жуков, несомненно, очень расширил свой кругозор во время работы и над уставами, и вообще в инспекции, при всем том он очень томился без строевой работы. Окружающие это понимали. И когда однажды

заместитель инспектора кавалерии И. Д. Косоков сказал Жукову, что есть возможность выдвинуть его на должность командира 4-й кавалерийской дивизии, Жуков немедленно согласился. Вскоре приказ о назначении Жукова был подписан, и его вызвал к себе Буденный. Семен Михайлович подчеркнул, что 4-я дивизия всегда была одной из самых прославленных дивизий Первой конной армии и что такой же она должна остаться — новое назначение налагает на Жукова большую ответственность.

Вот с таким напутствием Жуков возвращается на любимую им строевую работу.

Не случайно выбор пал на Жукова, одного из лучших кавалерийских командиров. Дело в том, что эта прославленная дивизия раньше размещалась в прекрасных условиях в Ленинградском военном округе, в бывших конногвардейских казармах, в Гатчине, Петергофе, в Детском Селе. По оперативным соображениям ее спешно передислоцировали в Белорусский округ, в город Слуцк, поближе к границе. Передислокация всегда дело сложное, отрицательно влияющее на ход боевой подготовки, а тут дивизия перешла на новое место, причем такое, где вообще не было необходимых условий. Ей пришлось самой строить казармы, конюшни, штабы, жилые дома, склады, всю учебную базу. В результате блестяще подготовленная дивизия превратилась в простую рабочую воинскую часть, что плохо отразилось на ее общем состоянии, боевой готовности.

Вот такой увидел эту дивизию весной 1933 года командующий Белорусским военным округом командарм 1-го ранга И. П. Уборевич и доложил об этом наркомом обороны К. Е. Ворошилову, чье имя носила дивизия. Ворошилов информировал С. М. Буденного о том, что ему доложил И. П. Уборевич, и предложил подыскать нового командира.

Этим командиром и стал Жуков, который прибыл к новому месту службы и, прямо скажем, попал в такие условия, из которых не так-то просто можно было найти выход. К тому же это был совершенно новый коллектив для Георгия Константиновича. А когда тебя не знают и ты никого не знаешь, трудности еще больше увеличиваются.

Хочу отметить характерный штрих, показывающий, как жили тогда наши военные даже такого высокого ранга, как командир дивизии. «Мне с семьей, — сказано в воспоминаниях маршала, — пришлось временно поселиться в 8-метровой комнате... Все мы понимали трудности с жильем, и никто не претендовал на лучшее, пока это «лучшее» мы сами не построим. Через полчаса я был уже в штабе дивизии...

Вот так: два часа на сборы для переезда, 8-метровая комната для семьи, и через полчаса уже на работе и в действии. Это типично по-жуковски.

Командуя 4-й кавалерийской дивизией, Г. К. Жуков благодаря своей огромной работоспособности и требовательности вывел эту дивизию в число лучших в Красной Армии. Это было отмечено для тех времен, прямо скажем, небывалым образом — награждением всей дивизии и командира орденом Ленина. Получить в 1935 году такую награду — событие выдающееся!

О РЕПРЕССИЯХ

Это самая трудная глава не только в книге, но и в истории нашей страны и народа. В первой ее части имя Жукова не упоминается, но все, о чем пойдет разговор, касается судьбы Георгия Константиновича самым прямым образом. Эти события и годы, в которые он жил, служил, политическая атмосфера тех лет влияли на формирование его личности, в конце концов и сам Жуков чуть не попал в кровавый круговорот репрессий, и только счастливая случайность спасла его от гибели.

Но поведем рассказ по порядку.

И здесь невозможно обойти молчанием роль Сталина в нашей жизни, потому что в его руках оказались рычаги, которые приводили в движение миллионы людей, направляя их на различные большие и малые дела, ведущие к победам или провалам, а чаще заводившие в такие социальные дебри или тупики, что мы по сей день не можем разобраться, как и почему такое произошло.

Казалось бы, после XX съезда партии, когда был официально развенчан культ Сталина, когда все прояснилось и получило соответствующую оценку, должно было наступить одинаковое понимание дел и личности «вождя» и отношение к ним. Однако этого не произошло.

После публикации моей книги «Полководец», в которой тоже затронут этот сложный для нашей истории вопрос, я получил сотни писем от читателей разных возрастов, профессий. И взгляды на деятельность Сталина, оценки ее в них были очень разные.

Да и сейчас, когда мы получили столько вопиющих доказательств преступлений Сталина, есть много людей, которые не могут внутренне освободиться от газетных и журнальных стереотипов тех лет: Сталин — «вождь и учитель», «продолжатель дела Ленина», «корифей революции», «отец родной» и особенно — «великий полководец всех времен и народов». Ведь все это повторялось миллионы раз ежедневно, ежечасно в газетах, журналах, по радио, на плакатах, в кино, на собраниях, митингах, просто в разговорах, и это оказалось вбитым в сознание множества людей. С его именем связывались все наши трудовые свершения в мирные дни и победы в годы Великой Отечественной войны. Уж так повелось, так приучили мыслить людей — где Сталин, там победа, где ошибки или неудачи — там виноваты те, кто отошел от линии Сталина, не соблюдал его указаний. Те, кто высказывал малейшее сомнение по поводу заслуг или личности Сталина, исчезали немедленно и навсегда. Это отучило остальных не только говорить, но даже слушать «крамолу».

Беда началась в 30-х годах, она пагубно отразилась на всей жизни нашей страны. Сталин решил не только захватить всю власть в свои руки, но и войти в историю вторым после Ленина. А для этого надо было создать себе авторитет и соответствующее прошлое. Ему надо было доказать свою руководящую роль в революции, которой, как известно, он в действительности не играл. Осуществлял это решение Сталин сначала осторожно, не торопясь, оттеснял соратников Ленина не только с руководящих постов, но и в описании революционных

событий — при создании учебников, при отработке официальных партийных документов.

Появились подхалимы, которые уловили желание вождя и начали, фальсифицируя историю, писать статьи, брошюры и даже целые книги, в которых роль Сталина в революции изображалась так, как ему хотелось бы. В этом особенно преуспел Ворошилов. Если в написанных им ранних работах о революции Сталин даже не упоминался, то в более поздней — «Сталин и Красная Армия» — Сталину уже полностью приписывается роль создателя Красной Армии и организатора почти всех побед в революции и гражданской войне.

Сталин взял на своеобразный учет всех соратников Ленина, участников революции и гражданской войны, которые в своих трудах почти не упоминали его и не говорили о какой-то выдающейся его роли в гражданской войне. Затем этих людей, знающих правду, он начинает истреблять.

Вот лишь несколько примеров для хотя бы приблизительного подсчета.

Известно, что после XVII съезда ВКП(б), состоявшегося в 1934 году, из 1966 делегатов было уничтожено 1108 человек, был уничтожен почти весь состав ЦК: было избрано 139, репрессировано — 110 членов и кандидатов в члены ЦК, из них расстреляно 98 человек. Только в Московской городской и областной партийных организациях из 146 секретарей райкомов к 1939 году были арестованы и расстреляны 136.

Шло массовое истребление старых работников в аппарате ЦК. Были арестованы почти все наркомы, их заместители и руководящие работники наркоматов, видные ученые, дипломаты, писатели, конструкторы, деятели искусства, работники судов, прокуратуры, комсомола, профсоюзов. И все это не только в центре, но и во всех республиках, городах и селах страны.

Затем прокатилось несколько волн истребления работников НКВД, милиции; недавно в «Правде» было сказано: «В годы репрессий погибло более двадцати тысяч чекистов».

Истребив многих большевиков ленинской гвардии, Сталин с опасением поглядывал на армию. В ней служили многие участники гражданской войны, которые знали о нем правду. Об этом свидетельствовали опубликованные ими воспоминания, статьи к юбилейным датам, к годовщине Красной Армии, к годовщине Октябрьской революции и по другим поводам. Так, например, С. С. Каменев, который с 1919 по 1924 год был Главнокомандующим вооруженными силами республики, написал «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», М. Н. Тухачевский — «Первая армия в 1918 году» и «Курган — Омск», И. Э. Якир — «10 лет тому назад», Я. К. Берзин — «Этапы в строительстве Красной Армии», В. М. Примаков — «Борьба за Советскую власть на Украине», А. С. Бубнов — «История одного партизанского штаба», В. К. Путна — «Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь» и «Кронштадт — 16—18 марта 1921 года», Е. И. Ковтюх — «Последний бой за Царицын», В. К. Блюхер — «Победа храбрых», А. И. Корк — «Взятие Перекопско-Ишуньских позиций войсками 6-й армии в ноябре 1920 года», П. Е. Дыбенко — «На подступах к Царицыну» и «Штурм мятежного

Кронштадта», Г. Д. Гай — «Боевые эпизоды», Р. П. Эйдеман — «Об одном неудавшемся плане Деникина», А. И. Егоров — «Разгром Деникина, 1919 год».

Сталин писал и говорил в выступлениях, будто бы Ленин сам не занимался военными вопросами, а поручал это «молодым цекистам», то есть прежде всего ему, Сталину. Но в вышеупомянутых книгах выдающиеся командиры, вспоминая тяжелые годы гражданской войны, не приводят ни одного факта, подтверждающего этот вымысел Сталина. Наоборот, авторы, которых никак нельзя заподозрить в какой-либо предвзятости, писали, что у руля руководства Красной Армией стоял Центральный Комитет партии во главе с Лениным. Причем в этих работах не обсуждается специально вопрос, какова была роль Сталина, тогда ведь этот вопрос даже и не возникал, в них просто рассказывается о реальном ходе событий, о том, что и как произошло, и каковы были итоги тех или иных операций, и кто и в какой степени принимал участие в них. Если Сталин там и упоминался, то совсем не так, как ему хотелось бы, а лишь в том качестве, в каком он действительно участвовал в том или другом деле.

Сталин искал, как подступиться к военачальникам, он побаивался их, потому что этот довольно организованный, да к тому же вооруженный коллектив мог оказать сопротивление. И вот, действуя уже проверенными методами, Сталин начинает готовить удар по военным, в основном по руководящим кадрам Красной Армии.

Однако ему не сразу удалось подмять военных, особенно Тухачевского.

«ДЕЛО» ТУХАЧЕВСКОГО

Еще в 30-х годах Тухачевский предупреждал, что наш враг номер один — это Германия, что она усиленно готовится к большой войне, и безусловно в первую очередь против Советского Союза. Он внимательно следил за развитием военной теории на Западе, изучал состояние и вооружение армий возможных противников, особенно Германии и Японии, соотносил, сравнивал с нашими вооруженными силами и промышленным потенциалом. Выводы были не в нашу пользу. Все это прямо и весьма обоснованно Тухачевский доложил Генеральному секретарю партии Сталину. Сталин всегда относился к Тухачевскому настороженно, не доверял ему, видимо, втайне завидовал его таланту, интеллигентности и популярности.

Однако после доклада Тухачевского по военным вопросам на Политбюро было принято решение о модернизации Красной Армии с таким расчетом, чтобы вывести ее по оснащению техникой и вооружению на уровень передовых современных армий. Было также введено предложенное Тухачевским положение о воинских званиях. Все это происходило не без споров и дебатов. Об этих дебатах и настойчивом вмешательстве Сталина в военные дела Михаил Николаевич в кругу друзей рассказывал в юмористических тонах, но зачастую и с нескрываемой горечью. Особенно когда что-либо просто копировалось из того, что делалось у немцев.

Ниже я перескажу несколько фрагментов из книги

дальней родственницы маршала Лидии Норд «Маршал М. Н. Тухачевский», опубликованной в Париже (издательство «Лев») и пока недоступной нашим читателям.

— Мне совершенно непонятно германофильство Сталина, — говорил Михаил Николаевич. — Сначала я думал, что у него только показной интерес к Германии, с целью показать «свою образованность»... Но теперь я вижу, что он скрытый, но фанатичный поклонник Гитлера. Я не шучу. Это такая ненависть, от которой только один шаг до любви... Стоит только Гитлеру сделать шаг к Сталину, и наш вождь бросится с раскрытыми объятиями к фашистскому. Вчера, когда мы говорили частным порядком, то Сталин оправдал репрессии Гитлера против евреев, сказав, что Гитлер убирает со своего пути то, что мешает ему идти к своей цели, и с точки зрения своей идеи Гитлер прав. Успехи Гитлера слишком импонируют Иосифу Виссарионовичу, и если внимательно приглядеться, то он многое копирует у фюрера. Немалую роль, по-моему, играет и зависть к ореолу немецкого вождя... Как ни говорите, и «чином» Гитлер выше — все-таки был ефрейтором, а наш даже солдатом не был. Стремления первого лезть в полководцы оправданны — «плох тот капрал, который не мечтает стать генералом», а вот когда бывший семинарист хочет показать, что он по меньшей мере Мольтке, — это смешно, а при нынешнем положении вещей и очень грустно. И еще печальнее то, что находят-ся люди, которые вместо того, чтобы осадить его, делают в это время восторженные физиономии, смотрят ему в рот, как будто ожидают гениальных мыслей...

Модернизацией Красной Армии, как я уже говорил, поручили руководить Тухачевскому, причем и само решение о преобразованиях и все мероприятия, связанные с ними, Политбюро обязало всех держать в строгом секрете. И вдруг вскоре после этого поступили сведения, что иностранные разведки, а особенно германская, уже знают о принятом решении по модернизации и усиленно добывают информацию о том, как она осуществляется.

Тухачевский дал задание выяснить, где произошла утечка сведений о наших секретных мерах. В результате проведенного расследования выяснилось, что сведения были получены иностранными дипломатами от самого Сталина, который в полуофициальной беседе с чешскими представителями похвастался, что проводимая под его руководством реорганизация Красной Армии не только поставит Советские Вооруженные Силы на один уровень с европейскими, но и превзойдет последние. Он хотел приписать себе и заслуги модернизации.

Узнав об этом, Михаил Николаевич пошел к В. В. Куйбышеву, занимавшему в то время пост первого заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Совета Труда и Оборона. Куйбышев был, кроме того, и членом Политбюро. Выслушав Тухачевского, Куйбышев позвонил Г. К. Орджоникидзе, который был тоже членом Политбюро и наркомом тяжелой промышленности. Григорий Константинович, узнав о поступке Сталина, коротко сказал: «ишак». Он согласился с мнением Куйбышева, что вопрос о нетактичном поведении Сталина, о вмешательстве Генерального секретаря партии в государственные дела без достаточной ком-

петенции во многих отраслях, как, например, военной, да и научной тоже, надо поставить на закрытом заседании Политбюро. Валериан Владимирович Куйбышев взял на себя подбор всех фактов, которые должны были быть поставлены в упрек Сталину. Тухачевский попросил Куйбышева и Орджоникидзе также ускорить постановление ЦК и Совнаркома о вводе новых воинских званий, так как он считал, что лучше объявить теперь о них официально, дабы пресечь разные слухи, которые будут пущены за рубежом.

Разговор Тухачевского с Куйбышевым и Орджоникидзе произошел в середине сентября 1934 года. В конце того же месяца на закрытом заседании Политбюро Сталину пришлось не только выслушать много неприятных вещей, но и вдруг почувствовать некоторую шаткость своего положения.

Весьма возможно, что это заседание ускорило ход дальнейших событий. Сталин, наверное, решил, что не стоит подвергать себя подобной опасности в будущем.

Правда, за несколько месяцев до этого злополучного заседания умер член ЦК ВКП(б), председатель ОГПУ Вячеслав Рудольфович Менжинский. И Сталин конечно же не мог не знать, что он был связан дружескими отношениями с Чичериным, Рыковым, Куйбышевым, Межлауком, Караханом, Луначарским и Бухариным, что за одиннадцать лет работы в ГПУ, сначала заместителем Дзержинского, а после смерти последнего председателем этого учреждения, Менжинский, вероятно, имел в руках немало компрометирующего материала о нем, о том, как он пробил себе дорогу к посту Генерального секретаря партии, о его методах борьбы со своими политическими противниками. И вполне возможно, рассуждал Сталин, что Менжинский мог передать такие материалы противникам. И хотя на место Менжинского был назначен менее образованный, но более услужливый Ягода, не соратник, не друг тех, кого Сталин намеревался отправить на тот свет, вождь не мог оставаться спокойным.

1 декабря 1934 года произошло убийство С. М. Кирова, одного из наиболее популярных в партии членов Политбюро. Само убийство, а главное — последовавшие сразу после него аресты людей, известных ветеранов революции, которых объявили заговорщиками и троцкистами, вызвало волнение и возмущение у некоторых членов Политбюро. В. В. Куйбышев открыто заявил, что подоплека убийства и методы ведения следствия вызывают сомнения. Он потребовал создания специальной комиссии от ЦК партии, которая имела бы право параллельно со следственными органами вести допросы убийцы Кирова — Николаева и других арестованных.

Это предложение было внесено на заседании Политбюро в конце декабря, а через месяц, 25 января 1935 года, Куйбышев скоропостижно скончался. Утром работал, а вечером принял лекарство и через полчаса умер. Официально было объявлено, что он умер от тромбоза. И уже через долгий промежуток времени, на процессе Бухарина, «вдруг выяснилось на следствии», что Куйбышев был отравлен, но вину, конечно, свалили на «зиновьевско-бухаринское охвостье».

Однажды Тухачевскому позвонил Поскребышев и сообщил, что «хозяин» хочет видеть Михаила Николае-

вича и будет ожидать его в Кремле к шести часам вечера.

— Какой хозяин? — возмутился Тухачевский. — Значит, выходит, что мы его холуи? Для меня он является генсеком партии, но в холуях я быть не намерен...

Поскребышев стал оправдываться, что это только шутовское прозвище, но больше никогда в разговоре с Тухачевским не называл Сталина «хозяином».

В 1936 году произошло событие, окончательно решившее участь маршала: в Испании началась гражданская война. Сталин предложил послать туда советские войска. Ворошилов, привыкший безоговорочно подчиняться, поддержал это предложение.

Тухачевский заявил, что не видит надобности посылать войска в Испанию, что, наоборот, это будет чревато неприятными последствиями в будущем, и наша армия еще вовсе не так богата квалифицированными кадрами, чтобы можно было без ущерба для нее посылать туда лучших летчиков, артиллеристов и танкистов. Сталин был явно недоволен, однако Михаил Николаевич был не из таких, кто обращает внимание на впечатление «начальства». Он продолжил свою аргументацию:

— Наша армия, в общей массе, пока еще не такая, чтобы ее можно было показывать Западу. У нас есть очень большие достижения, но наряду с этим и большие недостатки, которые сразу бросаются в глаза западным военным и снизят наш престиж. Пропаганда — это одно, а с действительностью тоже надо считаться...

— Так что же вы делали все эти годы, если не смогли поднять армию на нужный уровень? — грубо спросил Сталин.

— Из трех лет, запланированных на реорганизацию наших вооруженных сил, минимум полтора ушли на второстепенные и даже третьестепенные дела не по вине руководства армии, — возразил маршал, — и вам, товарищ Сталин, это известно больше, чем кому другому. Второе: наша армия непрерывно растет численно, и для такого роста у нас остро не хватает командного состава, особенно старшего и высшего. Из-за этого у нас слишком быстро идут повышения, и во главе отдельных частей оказываются хотя и способные люди, но недостаточно опытные. Во всех армиях военные кадры проходят военное воспитание и науки с детства, а у нас больше сорока процентов старших командиров не имеют даже законченного общего среднего образования. Как они ни тянутся сами и как их ни тяни, а пробелы остаются пробелами. Для самообразования плюс усовершенствования военных знаний нужен большой срок...

— В гражданскую войну у нас семьдесят пять процентов старших и высших командиров не имели ни среднего, ни военного образования, а победили образованную кадровую царскую армию, состоявшую из офицерских частей, — с усмешкой заметил Сталин.

— Простите, это не совсем верно, — снова возразил Тухачевский. — В гражданскую войну помимо того, что во главе большинства дивизий и армий стояли старые военные специалисты со стажем и даже академическим образованием, при выдвинувшихся военачальниках-самородках были опытные начальники штабов,

опять-таки в большинстве генштабисты. И нельзя нам всю жизнь ориентироваться только на опыт гражданской войны — кататься в карете прошлого, когда кареты уже сданы в утильсырье и вся Европа ездит в автомобилях последней марки. Военная стратегия, военная мысль не должны отставать от эпохи. Опыт гражданской войны хорош, но если мы будем воевать, применяя ту же стратегию в будущей войне со внешним врагом, то будем быстро разбиты наголову...

— Что же вы предлагаете конкретно, товарищ зам. наркома? — холодно перебил генсек.

— Конкретно я все изложил в сорока шести параграфах моего проекта, но из них пока утверждены только шестнадцать.

— И еще шестнадцать вы сумели уже провести без утверждения, — ядовито заметил Сталин. — Остается примерно четырнадцать параграфов. В одном из них вы предлагали еще восстановить и старую царскую армейскую форму с погонами?

— Да, предлагал и предлагаю, — спокойно подтвердил Тухачевский. — Форма удобная и красивая. И форма обязывает командира держаться соответственно. «Честь мундира» — это не пустые слова...

— И мундир с золотым погоном?

— Можно сделать его без погона, — вмешался Калинин. — Но в основном, мне думается, что товарищ Тухачевский прав... мундир надо бы ввести...

— Я считаю, — оборвал дискуссию Сталин, — что вопрос о форме мы можем обсудить потом. Сейчас у нас есть куда более важное дело — это помощь нашим испанским братьям... И меня просто поражает, как товарищ Тухачевский, коммунист, мог возражать против оказания им помощи?

— Я не возражал против оказания помощи испанским революционерам. Вполне согласен, что им надо помочь вооружением, медикаментами и прочим. Но я, как военный, учитываю, что посылка наших войск туда вызовет немедленную реакцию со стороны Германии и Италии, которые пошлют на помощь Франко свои силы. В этой ситуации, помимо того, что война эта может затянуться на годы и будет стоить нам больших жертв, существующие еще в нашей армии недостатки неминуемо вскроются перед глазами настоящих и будущих врагов. Это первое. Второе: реорганизация армии затянется на более продолжительное время, и армия, теряя лучших командиров на испанской земле, будет не крепнуть, а ослабевать. Я считаю, что если нужно будет помочь испанским борцам людьми, то у нас многие поедут туда в качестве добровольцев. Среди них найдутся и командиры запаса, как опытные, так и такие, которым полезно будет приобрести боевой опыт. Я полагаю, что запись добровольцев найдет широкий отклик среди советского народа.

Большинство согласилось с маршалом.

В тот же вечер у Тухачевских собралась компания его сослуживцев: Егоров, Локтионов, Алкснис и другие. За ужином разговор, конечно, коснулся минувшего совещания. Все были согласны с Михаилом Николаевичем, что посылка частей в Испанию — это «авантюра хозяина», и порицали слабавольного Клина Ворошилова. Тухачевский чувствовал себя победителем, но

Алкснис выразил опасение, что Сталин не сдаст так быстро своих позиций и будет еще настаивать на своем.

Все эти разговоры в своем кругу становились известны Сталину. В стране, во всех «нужных» местах, была установлена подслушивающая аппаратура, и все, интересующее Сталина, немедленно ему докладывалось. До гигантских размеров выросла сеть осведомителей-стукачей. Люди, запуганные арестами, желая доказать свою лояльность, давали подписку о сотрудничестве без долгих уговоров: отказ означал сопротивление или принадлежность к вражеским элементам и тоже приводил к быстрому аресту. В те времена говорили: если разговоривают трое — один непременно стукач.

Репрессии все нарастали. В январе 1937 года начался очередной политический процесс. Одним из подсудимых был Карл Радек. Во время заседания 24 января он, когда его допрашивал Генеральный прокурор СССР Вышинский, произнес фамилию Тухачевского. Вышинский тут же «зацепился» и спросил: знал ли Тухачевский о контрреволюционной деятельности Радека?

Радек ответил:

— Естественно, Тухачевский не знал о моей преступной деятельности.— Но тут же, после небольшой паузы, добавил: А вот Путна вместе со мной участвовал в заговоре.

После этих слов Радека на некоторое время в зале воцарилась напряженная тишина, потому что все присутствующие знали, что комкор Путна работал под непосредственным руководством Тухачевского, был его подчиненным, всем было понятно, какие последствия может иметь это заявление Радека. Путна в это время уже был арестован и находился во внутренней тюрьме на Лубянке.

Тут необходимо немного вернуться назад, вспомнить историю, чтобы была понятна связь дальнейших событий.

В 1922 году в Италии состоялась международная Генуэзская конференция. Здесь ставился вопрос о выплате советской властью долгов царской России западным державам, о компенсации за реквизированные предприятия владельцам-иностранцам. В то же время представители Англии, Франции и других стран уже готовы были признать законность права Советской России на получение репараций с побежденной Германии. И вот когда это уже стало особенно четко проявляться, Германия решительно пошла на сближение с нами. И 16 апреля в Рапалло, в предместье Генуи, был подписан договор между Германией и РСФСР. По этому договору восстанавливались дипломатические отношения между двумя странами. Советская Россия отказывалась от претензий на репарации, а Германия, в свою очередь, отказывалась от получения старых долгов и от претензий на немецкую частную собственность, оставшуюся на территории Советской России. Германское правительство заявляло также о своей готовности оказать поддержку и помощь немецким частным фирмам в развитии их деловых связей с советскими организациями.

Вот этот последний пункт и имеет самое непосредственное отношение к возникновению «дела Тухачев-

ского», к Путне и другим, кто был позднее осужден на процессах как немецкие шпионы.

Дело в том, что эти взаимные хозяйственные дела включали в себя среди прочего и заказы на военную технику со стороны Германии предприятиям России, ибо Германия по Версальскому договору имела право на ограниченную (100 тыс) армию и на производство легкого вооружения. А Россия, в свою очередь, заказывала немецкой промышленности нужные стратегические материалы и оборудование.

Руководил работой, касающейся военных заказов, Тухачевский. Как начальник Штаба РККА, он в 20-е годы встречался с иностранными офицерами и генералами, подписывал соответствующие бумаги, обменивался деловыми письмами. А его подчиненным, который непосредственно занимался этими контактами, был Витовт Казимирович Путна. Это был образованный бывший офицер царской армии, участник первой мировой войны, в которую он командовал батальоном; в революционное движение включился еще будучи на фронте, сразу же после революции вступил в Красную Армию. С сентября 1918 года по май 1919-го был уже комиссаром 1-й Смоленской дивизии. Затем командовал полком, бригадой и, наконец, дивизией. За успешные действия против Колчака на Восточном фронте награжден орденом Красного Знамени, за бои с белополяками получил второй, третий — за участие в ликвидации кронштадтского мятежа. В 1923—1927 годах работал в Штабе и в центральных управлениях РККА. В эти годы он и выезжал несколько раз в командировки в Германию, занимаясь теми военными заказами, которые осуществлялись между двумя странами согласно Рапалльскому договору. С 1927 по 1931 год Путна был военным атташе в Японии, Финляндии и Германии, затем опять три года командовал корпусом и в 1934—1936 годах, то есть до дня своего ареста, был военным атташе в Великобритании.

В общем, зацепка уже была и готовились улики для организации «дела Тухачевского». Путна подвергался истязаниям во внутренней тюрьме, из него выбивали показания против Михаила Николаевича.

Параллельно с этими событиями в Париже бывший царский генерал Скоблин передал представителю немецкой разведки «сведения» о том, что командование Красной Армии готовит заговор против Сталина и что во главе этого заговора стоит маршал Тухачевский. И еще: Тухачевский и его ближайшие соратники находятся в контакте с ведущими генералами немецкого верховного командования и немецкой разведывательной службы.

Эта информация поступила к шефу полиции безопасности Гейдриху, который был одним из самых доверенных людей рейхсфюрера СС Гимmlера. По профессии Гейдрих бывший морской офицер, он запутался в каких-то нечистоплотных делах и был вынужден в связи с этим уйти из флота. А после прихода фашистов к власти его взяли в гестапо, где он благодаря тонкому, изворотливому уму и абсолютной небрезгливости быстро продвинулся по службе и стал, по сути дела, правой рукой Гимmlера. Вот к нему-то и поступили эти материалы. Мастер сложных интриг, он тут же стал искать возмож-

ность использовать ценную информацию. Понимая, что можно заварить очень крупное дело, Гейдрих решил доложить об этом самому Гитлеру. Он рассуждал так: если эти сведения достоверны и действительно в случае мятежа власть возьмет «Красный Наполеон» Тухачевский, это будет крайне невыгодно для Германии; но возможно, что эти сведения — дезинформация, направленная на то, чтобы возбудить подозрения против гитлеровских генералов. Однако, если это даже так, то надо перевернуть эту информацию и, соответственно ее переработав, довести до Сталина, обратив всю эту интригу против советских военачальников. Гитлер дал согласие на разработку этой акции, и Гейдрих начал действовать.

Долгое время в нашей стране было известно — и то только в самых общих чертах, — что сведения о наличии военного заговора в военных кругах в Советском Союзе Сталину поступили от президента Чехословацкой Республики Эдуарда Бенеша.

Но шло время, старели, уходили на пенсию многие участники когда-то засекреченных событий, они писали мемуары, вспоминали о тех акциях, в которых им доводилось действовать.

Хеттль, бывший адъютант начальника управления безопасности Кальтенбруннера, опубликовал в 1950 г. книгу, под псевдонимом В. Хаген, «Тайный фронт». Позднее Хеттль переиздал ее уже под своим именем. В этой книге Хеттль рассказал о том, как в недрах немецких разведывательных органов были сострепаны документы, предназначенные для того, чтобы скомпрометировать высшее советское военное командование. Об этой фальсификации рассказано и в посмертно изданных мемуарах руководителя одного из отделов имперского управления безопасности В. Шелленберга, и в некоторых других книгах.

Среди них кажется особенно достоверной «Человек, который начал войну». Эта книга об Альфреде Наужоксе, который после разгрома Германии был в числе подсудимых в Нюрнберге как один из военных преступников. Этот Наужокс приложил руку ко многим сложным делам разведслужбы, возглавляемой Гейдрихом, в том числе и к изготовлению документов о якобы существующем в Советском Союзе военном заговоре.

Эта операция готовилась в большой тайне, знали о ней всего несколько человек. Гейдрих действовал осторожно и в то же время, прямо скажем, рискованно. В секретных архивах верховного командования вермахта (ОКВ) были дела «спецотдела Р». В этих папках хранились документы, касающиеся деловых взаимоотношений между Советским Союзом и Германией по вопросам вооружения в период с 1923 по 1933 год, то есть до прихода Гитлера к власти. Среди других бумаг находились письма Тухачевского и официальные документы, которые он подписывал. Гейдрих приказал своим секретным агентам выкрасть эти папки. А для того чтобы пропажа не была замечена, агенты Гейдриха устроили пожар в штабе вермахта, комната, где хранились эти документы, почти вся выгорела, и, таким образом, концы были спрятаны.

Далее Наужокс под руководством штандартенфюрера СС Беренса приступил к фабрикации необходимых фальшивок. В подшивку старых бумаг были добавлены

новые фальшивые документы, в некоторых местах в подлинные документы были вставлены фразы, компрометирующие Тухачевского и других, кто поддерживал официальные связи с немецкими руководителями. Были скопированы подпись Тухачевского (известна и фамилия гравера, подделавшего подпись, — Франц Путциг), печать Штаба РККА и перенесены на новые фальшивые документы.

Теперь надо было найти способ, как эти фальшивки подsunуть Сталину, именно ему лично, учитывая его большую подозрительность.

Я не думаю, что Гейдрих и германская разведка в те дни уже имели сведения или догадывались о том, что Сталин готовит против военных руководителей репрессии. Видимо, немецкая разведка вела свою игру, но она точно совпала с интересами Сталина.

Зная о добрых отношениях между Чехословакией и Советским Союзом, учитывая, что независимость Чехословакии во многом зависит от поддержки Советской страной, именно сюда направил Гейдрих своих агентов. В своих мемуарах Бенеш рассказал, как чехословацкий посланник в Берлине Мастный прислал ему зашифрованную телеграмму, в которой сообщил: один немецкий дипломат намекнул ему, что в Советском Союзе скоро произойдут большие изменения, что в Красной Армии есть очень сильная группировка военных, которая готовит смену правительства в Москве.

Получив такие сведения, президент Бенеш немедленно пригласил к себе советского посла в Праге С. Александровского и изложил то, что ему стало известно. С. Александровский, получив такие архисекретные сведения, немедленно вылетел в Москву.

Гейдрих был опытный разведчик, он понимал, что этим сведениям так вот сразу, с ходу, в Москве могут и не поверить. И предпринял еще несколько акций, подкрепляющих эту фальшивку. Через несколько дней после того, как Александровский привез сведения в Москву, наша разведка стала их проверять. На одном из дипломатических приемов в Париже военный министр Франции Даладье отвел к окну советского посла В. Потемкина и, убедившись, что его никто не подслушивает, доверительно сказал, что Франция обеспокоена имеющейся у нее информацией о возможной перемене политического курса в Москве. Что он располагает сведениями о том, будто бы между генералами вермахта и высшими военными руководителями Красной Армии существуют какие-то определенные договоренности. Потемкин немедленно передал срочную шифровку в Москву об этом разговоре. Каким образом и кто подsunул эту фальшивку Даладье, сейчас уже установить трудно, но так или иначе Даладье невольно стал одним из источников дезинформации.

Гейдрих между тем энергично подбрасывал материал для того, чтобы дело выглядело еще более убедительным. Он направил в Прагу из своего ведомства штандартенфюрера СС Беренса, того самого, который участвовал и в подготовке этого фальшивого досье.

В Праге Беренс встретился с личным представителем президента Чехословакии и сообщил ему о том, что существуют и документальные улики против Тухачев-

ского. Как и предполагал Гейдрих, Бенеш тут же информировал об этом Сталина.

На очередной беседе представитель Бенеша предложил Беренсу вступить в деловые отношения с сотрудником советского посольства в Берлине Израйловичем. Встреча состоялась, представитель Гейдриха показал Израйловичу два подлинных письма Тухачевского и сообщил при этом, что у него есть целое досье по этому вопросу.

Очередная встреча состоялась уже с уполномоченным лицом, то есть с человеком, который мог принимать решение на месте. Это был представитель наркома внутренних дел Ежова... Беренс подал ему небольшую папочку. На подложном письме были подлинные штампы абвера — «Совершенно секретно», «Конфиденциально», была и подлинная резолюция Гитлера — приказ организовать слежку за немецкими генералами вермахта, которые будто бы связаны с Тухачевским. Это письмо, в котором за подписью Тухачевского было сказано, что он договорился со своими единомышленниками избавиться от опеки гражданских лиц и захватить власть, было главным документом, всего же досье содержало 15 листов; кроме письма в нем были различные документы на немецком языке, подписанные генералами вермахта.

Бегло перелистав досье, не сказав ни слова, представитель кивнул головой в знак согласия приобрести это досье и спросил: сколько? Беренс назвал три миллиона рублей: Гейдрих приказал для правдоподобия «заломить» такую сумму, а потом уступить. (В статье Ф. Сергеева в «Неделе», № 7, 1989 г., сумма, заплаченная на досье, указана в 500 тыс. марок.) Представитель Ежова, не торгуясь, тут же выразил свое согласие. Наверное, в истории разведки и всяких тайных махинаций при оплате услуг за получаемые сведения еще никогда не выплачивалась такая крупная сумма. Кстати, в своих мемуарах Шелленберг, причастный к этой операции, писал, что ему пришлось «лично уничтожить почти все деньги, полученные от русских за досье, поскольку они состояли из крупных купюр, номера которых, очевидно, были заранее переписаны ГПУ. Как только кто-нибудь из наших агентов пытался воспользоваться этими деньгами в Советском Союзе, его в скором времени арестовывали».

Однако как бы хитро ни была сострепана фальшивка, правда состоит в том, что наши известные военачальники были расстреляны не столько благодаря стараниям гитлеровского гестапо, а главным образом потому, что Сталин решил с ними расправиться еще до получения фальшивки. Следователи с Лубянки «работали» не хуже гейдриховских «мастеров», фабрикуя обвинения и выбивая его подтверждения из арестованных. Фальшивка же гестаповцев была для Сталина уликой, облегчающей проведение давно задуманной и готовящейся акции. Всего через три недели после того, как было куплено это досье, 11 июня 1937 года, уже было официально сообщено в газетах о том, что маршал Тухачевский и семь других его соратников приговорены к смертной казни Верховным Судом СССР за шпионаж, измену Родине и другие антигосударственные дела. Всего три недели потребовалось на то, чтобы аресто-

вать их всех, допросить, оформить дела уже на Лубянке, подготовить процесс, провести его и расстрелять совершенно невиновных людей.

В ноябре — декабре 1989 года в «Неделе» была опубликована серия статей Леонида Михайлова, в них приведены факты, проясняющие связь ежовских подручных, а скорее самого Ежова (настолько это было сверхсекретно), с подготовкой провокации против Тухачевского.

В моем повествовании выше сказано о том, что импульс о наличии заговора к гитлеровцам пришел из Парижа, от русского белоэмигранта генерала Скоблина. Были предположения о том, что Скоблин не просто так сказал о заговоре, а это — продуманная, спланированная и порученная ему акция.

Теперь такое предположение подтверждается документальными материалами, опубликованными Л. Михайловым. В них подробно рассказано, как бывший офицер царской армии Николай Владимирович Скоблин покинул Россию с разбитой армией Врангеля. Он эмигрировал вместе с женой, известной в те годы певицей Надеждой Плевицкой. Продолжая службу в Российском общевоинском союзе, дослужился до генерала.

Бесперспективность белого движения, ностальгия позволили советской разведке завербовать Скоблина и его жену. Так в 1930 году он стал агентом ОГПУ, ЕЖ/13, под псевдонимом «Фермер».

Я опускаю подробности непростой вербовки и многие дела, которые совершил по заданию ОГПУ этот очень ценный агент. Он-то и подсунил дезинформацию о заговоре Тухачевского гитлеровской разведке, которую гестапо так умело разработало и осуществило. Но идея всей этой операции родилась в кабинете Ежова, а может быть, и у самого Сталина.

Несомненную принадлежность Скоблина к агентуре ОГПУ я подтверждаю лишь одним документом, собственноручно написанным Скоблиным.

«ЦИК СССР. Николая Владимировича Скоблина

Заявление

12 лет нахождения в активной борьбе против советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с ним даю обещание не выступать как активно, так пассивно против советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г.

Н. Скоблин».

Резолюция начальника Иностранного отдела ОГПУ: «Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом «Фермер» — ЕЖ/13».

После исчезновения главы РОВС генерала Кутепова в 1930 году эту самую крупную и активную белоэмигрантскую организацию возглавил соратник Колчака, генерал Миллер Евгений Карлович. В 1936 году Скоблин участвовал в похищении и этого руководителя РОВС. Его тайно вывезли из Гавра на советском корабле. В Советском Союзе судили и расстреляли. Однако на этом похищении карьера Скоблина как агента ЕЖ/13 закончилась. Слишком много оказалось против него улик. С помощью нашей агентуры он бежал в Испанию, где тогда шла гражданская война. Но там Скоблин исчез навсегда при неизвестных по сей день обстоятельствах. Скорее всего, был убит по приказу Ежова. Так бесславно погиб русский генерал, который из патриотических побуждений хотел быть полезным Родине, но Ежов сделал его причастным к одному из подлейших преступлений, которое погубило многих советских военачальников. Кстати, были истреблены все работники НКВД, которые участвовали в подготовке фальшивки о заговоре Тухачевского, — даже такие крупные, как сам Ежов, его заместитель Артузов, начальник иностранного отдела ОГПУ (а затем НКВД) Слуцкий, его заместитель С. Шпигельглас и многие другие.

Жену Скоблина, после его бегства, судили во Франции за шпионаж в пользу СССР и соучастие в похищении генерала Миллера. Ее приговорили к 20 годам, и она умерла в тюрьме в 1940 году.

Теперь мы с вами вытянули еще одну нить из сложного клубка фальсификации заговора. Попробуем размотать и остатки этого клубка.

Монументальное казенное здание Верховного Суда СССР находится на той же улице Воровского, где и Союз писателей СССР, который размещен в старинном особняке. Верховный Суд — почти наискосок, но как нелегко и непросто попасть в то строгое здание и получить доступ к документам, даже тем, о которых уже десятки раз писалось в наших газетах и журналах. Вот хотя бы к этому «делу» о «заговоре Тухачевского». Подробности его рассказал мне генерал-лейтенант юстиции Б. А. Викторов, он участвовал в пересмотре «дела» и реабилитации погибших военачальников. Но самому мне никак не удавалось посмотреть бумаги, которые, возможно, лежали в доме почти напротив. Почему-то было «нельзя». Кто произносил это категорическое «нельзя» — оставалось неизвестным. Хотя сам Председатель Верховного Суда СССР В. И. Тербилов относился ко мне доброжелательно.

Но я считал, что обязательно должен ознакомиться с этим делом, с которого началось массовое истребление командного состава Красной Армии и которое повлияло на судьбы многих, в том числе и Жукова.

И вот наконец-то на столе передо мной это «дело» о «крупнейшем военном заговоре в СССР». Папка судебного заседания и приговора. В ней уже пожелтевшие бумаги. Страшно подумать — бумаги эти сломали жизнь Маршалу Советского Союза Тухачевскому и еще семи крупным военачальникам, ничего, кроме добра, не

сделавшим своему народу. Помимо осужденных, были репрессированы, тоже ни за что, все члены семей, ближние и дальние родственники, знакомые и сослуживцы. Как снежный ком покатилося это дело с горы, породив огромный обвал смертей.

Листаю страшные страницы. Жуть берет от их казенной обычности!

«Стенограмма-протокол.

Заседание специального судебного присутствия Верховного Суда СССР по делу Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М., Путны В. К.

Судебное заседание от 11 июня 1937 года. 9 часов утра.

Слушается дело

по обвинению в измене Родине, шпионаже и подготовке террористических актов (далее опять перечисляются фамилии всех обвиняемых)...

Дело рассматривается в закрытом судебном заседании...

Подсудимым объявляется состав суда:

председательствующий — Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР армвоенюрист т. Ульрих В. В. Члены присутствия: зам. наркома обороны СССР, начальник воздушных сил РККА командарм т. Алкснис Я. И., Маршал Советского Союза т. Буденный С. М., Маршал Советского Союза т. Блюхер В. К., начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга т. Шапошников Б. М., командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1-го ранга т. Белов И. П., командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга т. Дыбенко П. Е., командующий войсками Северо-Кавказского военного округа командарм 2-го ранга т. Каширин Н. Д. и командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса имени Сталина комдив т. Горячев Е. И.».

Подсудимым разъяснено: дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года (это означало — участие защитников в судебном процессе исключается, приговор окончательный и обжалованию не подлежит).

Может быть, увидев такой состав суда, подсудимые даже обрадовались, потому что перед ними были их товарищи по гражданской войне, которые хорошо знали об их боевых делах и с которыми они и после войны были в добрых, дружеских отношениях. Но, однако, как видим, приговор был беспощадный и однозначный. Даже из краткой стенограммы видно, что бывшие боевые товарищи добивались от подсудимых признания. Видимо, это объясняется тем, что до начала заседания судьи были ознакомлены работниками НКВД с той фальшивкой, которая была подброшена гестапо. И они поверили ей, читая выглядевшие абсолютно подлинными письма Тухачевского, в которых он излагает планы заговора по свержению существующей власти. Только этим я могу объяснить их единодушную беспощадность.

Как видно из стенограммы, материалы, изложенные в агентурных сведениях, на процессе не фигурировали. В деле их тоже нет, их по правилам контрразведывательных органов нельзя было рассекречивать.

Но в то же время в протоколе и нет никаких конкретных фактов, подтверждающих те статьи уголовного кодекса, по которым предъявлено обвинение. Какие конкретные секретные данные были переданы иностранным разведкам? Какие факты вредительства раскрыты? Ничего конкретного, только простое название преступлений, предусмотренных статьями уголовного кодекса, и ничего больше.

Хитро обдуманый суд над Тухачевским и его соратниками был построен на контрастах. Одна часть подсудимых — Тухачевский, Якир — поначалу категорически не признавали себя виновными, другая, признаваясь во всем, «уличала» остальных. НКВД хорошо знал характер маршала Тухачевского, учел, что, оскорбленный до глубины души, он будет вести себя на суде вызывающе стойко. Зато были отлично обработаны Эйдеман, Уборевич, Фельдман, Путна, Примаков.

— Вид у Эйдемана, Уборевича, Путны и Фельдмана был очень странный, — рассказывал позже один из присутствовавших на суде, — внешне они выглядели неплохо, но была какая-то странная апатичность и в голосе и в движениях, и это ненатуральное хладнокровие, с каким они признавали все обвинения, топили себя и других. Противоположностью им являлись Тухачевский, Якир и Корк, которые вначале казались ошеломленными, сбитыми с толку поведением других подсудимых, а потом озлобились, стали чересчур резки. Ульрих часто обрывал их и угрожал выводом из зала.

— Кто кого судит? — крикнул он Тухачевскому. — Не забываете, что вы подсудимый. Трибунал не интересуется, что вы думаете об Уборевиче и Путне, нас интересуют ваши преступления перед партией и советским народом, в которых уличают вас ваши же единомышленники и друзья.

— Да они ненормальные! — крикнул со своего места Якир. — Мы не знаем, что вы с ними сделали...

— Подсудимый Эйдеман, — спрашивает прокурор. — Вы себя чувствуете нездоровым или ненормальным?

— Нет, я здоров и чувствую себя вполне хорошо, — отвечает Эйдеман, глядя на прокурора пустым спокойным взглядом.

— Вы даете показания без давления с чьей-либо стороны?

— Да.

— А вы, Уборевич?

— Я тоже здоров.

— Вы, Путна?

Путна поднимает бледное лицо и смотрит, как будто не понимая вопроса. Прокурор отдельно повторяет его.

— Я здоров, — говорит тот флегматично. — Признаю себя виновным без давления со стороны следствия и трибунала...

Один из главных вопросов к Тухачевскому был о его встречах с немецкими генералами. На него Тухачевский отвечал так:

— Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, военными атташе в СССР, то они были, носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность

наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащении. Но все это имело место до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились.

Очень активно допрашивал подсудимых Буденный, выясняя, почему они недооценивали и старались принизить значение конницы. Якира, например, Буденный спросил:

— С какой целью вы настаивали на объединении мотополка с кавалерийской дивизией?

Якир ответил:

— Я настаиваю и сейчас...

Якир, будучи серьезно подготовленным военачальником, понимал значение моторизованных и танковых войск, поэтому и здесь, на суде, отстаивал свою точку зрения.

Как вредительство со стороны Тухачевского и поддерживающих его в свое время Уборевича и Якира расценивалось их упорное отстаивание своих взглядов, касающихся формирования танковых и механизированных соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию, которую они считали уже отживающей, утратившей боевую мощь. Эту точку зрения резко осуждал, выступая на суде, Буденный.

Так же активно вели себя на суде и задавали вопросы Блюхер, Белов и в особенности Алкснис. А когда Тухачевский или Якир пытались разъяснить свою позицию и взгляды на механизацию современной армии, Ульрих обрывал их:

— Вы не читайте лекцию, а давайте показания!

На вопрос о том, был ли у подсудимых сговор по поводу отстранения Ворошилова от руководства Красной Армией, подсудимые чистосердечно и откровенно сказали, что у них были разговоры о необходимости заменить Ворошилова, человека недалекого и не очень грамотного даже в военных вопросах. При угрозе надвигающейся войны и при необходимости сложной подготовки армии к предстоящим боевым действиям в новых современных условиях Ворошилов им казался неспособным выполнить такую ответственную задачу. При этом подсудимые говорили, что они никакого сговора относительно Ворошилова между собой не имели, а намеревались прямо и открыто сказать об этом Политбюро и правительству.

Однако все это судом было перевернуто и расценено как террористические намерения по отношению к Ворошилову.

Весь процесс длился один день! Сразу же после вынесения приговора, в тот же день, 11 июня 1937 года, все осужденные, прекрасные, честнейшие люди, были расстреляны! Торопился, очень торопился Сталин! То, что все это вершилось по его прямому указанию, не вызывает сомнения. Но как же так безропотно могли вершить неправый суд над боевыми товарищами судьбы — такие же, как и они, коммунисты? Но вспомним о «подлинных», собственноручно подписанных Тухачевским письмах в фашистскую разведку! Как им было не поверить? А как они могли отнестись к последнему слову командарма, героя гражданской войны Примакова? Вот что он сказал, глядя прямо в лица судьям и соседям по скамье подсудимых (привожу стеногра-

фическую запись из протокола судебного заседания):

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя в руках Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели?.. Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план?.. Я назвал следствию более 70 человек заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора...

Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора — из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»

Вот как давно началось это — стремление разложить, разрушить наше единство, товарищескую общность разными провокационными националистическими приманками, вернее, обманками!

Знали бы они, члены суда, поддавшиеся этим провокациям, что очень скоро большинство из них пересядет из судейских кресел на эту же скамью подсудимых и так же безвинно будет осуждено и расстреляно! Только маршал Блюхер не дожидется расстрела и умрет в тюрьме от зверских истязаний. Да уцелеют из судей Буденный и Шапошников и, конечно же, Ульрих — самый беспринципный и хладнокровный палач из всего племени представителей этой профессии.

Через четыре дня после суда над группой Тухачевского был расстрелян и комбриг Медведев, который за месяц до ареста Тухачевского дал показания, что в центральных учреждениях Красной Армии существует военно-фашистский центр. В его деле, кроме «признательных показаний» о том, что он разделял взгляды троцкистов, никаких других доказательств не было. Во время заседания Военной коллегии, которая рассматривала его дело под председательством того же Ульриха, Медведев заявил, что дал ложные показания, что его вынудили на это истязаниями. Но кого теперь это интересовало? Тухачевского и других участников «заговора» уже расстреляли. И Медведева постигла та же участь.

Наивно после всего, что мы узнали после XX съезда партии, было бы спрашивать, как могло случиться, что Медведев, Примаков, да и многие другие обвиняе-

мые, попав в застенки, признавали себя виновными и оговаривали других. И все-таки я задал такой вопрос генерал-лейтенанту Борису Алексеевичу Викторову, о котором я писал выше, опытнейшему работнику военной прокуратуры. После XX съезда он возглавлял группу прокуроров и следователей, которой было поручено проверить и подготовить к реабилитации дела очень многих жертв сталинского произвола, в том числе и Тухачевского.

Борис Алексеевич о многом рассказал и даже дал выписки из некоторых документов, с которыми, мне кажется, необходимо ознакомить читателей.

— Мы не только разбирали следственные и судебные материалы, — сказал Викторов, — мы разыскали следователей, которые готовили эти дела, и тех, кто заслуживал, привлекли к ответственности. Вот, например, что показал привлеченный к ответственности за фальсификацию дел следователь центрального аппарата НКВД Шнейдеман:

— Авторитет Ежова в органах НКВД был настолько велик, что я, как и другие работники, не сомневался в виновности лица, арестованного по личному указанию Ежова, хотя никаких компрометирующих данное лицо материалов следователь не имел. Я был убежден в виновности такого лица еще до его допроса и потому на допросе стремился любым путем добыть от этого лица признательные показания...

А вот передо мной выписка из дела другого осужденного, следователя Радзивиловского:

«Я работал в УНКВД Московской области. Меня вызвал Фриновский (начальник следственного управления НКВД СССР.— В. К.) и поинтересовался: проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные? Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева, занимавшего большую должность в Генштабе, он был уволен из армии и исключен из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Фриновский дал мне задание: «Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслугу Ежова перед ЦК». Я принял это задание к исполнению. Не сразу, конечно, но я добился от Медведева требуемых показаний о наличии в РККА заговора и о его руководителях. О полученных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев заявил Ежову и Фриновскому, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть Медведева любыми способами к прежним показаниям. Что и было сделано. А заявление Медведева об отказе от показаний и о пытках не фиксировалось. Протокол же с показаниями Медведева, добытый под новыми физическими воздействиями на него, был доложен Ежовым в ЦК...»

Опираясь на показания Медведева, первым арестовали Б. М. Фельдмана. Допрашивать было поручено следователю по особо важным делам Ушакову, он же Ушиминский.

Борис Алексеевич открывает другие свои записки и продолжает мне рассказывать:

— Разыскали мы этого Ушакова — Ушиминского. Вот что он показал: «Арестованный Фельдман кате-

горически отрицал участие в каком-либо заговоре, тем более против Ворошилова. Он сослался на то, что Климент Ефремович учил, воспитывал и растил его. Я взял личное дело Фельдмана и в результате его изучения пришел к выводу, что Фельдман связан личной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом других крупных командиров. Я понял, что Фельдмана надо связать по заговору с Тухачевским. Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним в кабинете, и к вечеру 19 мая Фельдман написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других...

Что происходило в этом «запертом» кабинете, трудно себе представить, но, несомненно, что-то ужасное, если военный человек, полный сил и в здравом рассудке, ломался за такое короткое время и начинал оговаривать себя и других.

А генерал Викторов продолжает пересказ показаний Ушакова:

...25 мая мне дали допрашивать Тухачевского, который уже 26-го у меня сознался... Я, почти не ложась спать, вытаскивал из них побольше фактов, побольше заговорщиков. Я буквально с первых дней работы поставил диагноз о существовании в РККА и флоте военно-троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия и первый получил такое показание от бывшего командующего Каспийской военной флотилией Закупнева. Я так же уверенно шел на Эйдемана и тут также не ошибся...

Викторов замолк, видно, нелегко ему было все это вспоминать, затем, листая свои записки, сказал:

Таких следователей-преступников, как Шнейдеман, Ушаков, Радзивиловский, оказалось немало. Продолжая поиск, мы нашли и того, кто так «подготовил» Примакова. Вот некоторые выдержки из его объяснения: «Примаков сидел как активный троцкист. Потом его дали мне. Я стал добиваться от него показаний о заговоре. Он не давал. Тогда его лично допросил Ежов, и Примаков дал развернутые показания о себе и о всех других организаторах заговора. Перед тем как везти подсудимых на суд, мы все, принимавшие участие в следствии, получили указание от руководства побеседовать с подсудимыми и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии. Я лично беседовал с Примаковым. Он обещал подтвердить показания. Кроме охраны арестованных сопровождали и мы — следователи. Каждый из подсудимых со своим следователем сидел отдельно от других. Я внушал Примакову, что признание его в суде облегчит его участь. Таково было указание руководства...

В моих беседах с Молотовым на его даче заходил разговор о репрессиях. Однажды я спросил:

— Неужели у вас не возникали сомнения, ведь арестовывали людей, которых вы хорошо знали по их делам еще до революции, а затем в гражданской войне?

— Сомнения возникали, однажды я об этом сказал Сталину, он ответил: «Поезжайте на Лубянку и проверьте сами, вот с Ворошиловым». В это время в кабинете был Ворошилов. Мы тут же поехали. В те дни как раз у нас были свежие недоумения по поводу ареста Постышева. Приехали к Ежову. Он приказал

принести дело Постышева. Мы посмотрели протоколы допроса: Постышев признает себя виновным. Я сказал Ежову: «Хочу поговорить с самим Постышевым». Его привели. Он был бледный, похудел и вообще выглядел подавленным. Я спросил его — правильно ли записаны в протоколах допроса его показания? Он ответил — правильно. Я еще спросил: «Значит, вы признаете себя виноватым?» Он помолчал и как-то нехотя ответил: «Раз подписал, значит, признаю, чего уж тут говорить...»

Вот так было дело. Как же мы могли не верить, когда человек сам говорит?

В другой раз я спросил Молотова о «заговоре» Тухачевского:

— Крупнейшие военачальники, в гражданской войне столько добрых дел свершили, вы всех хорошо знали, не было ли сомнения насчет их вражеской деятельности?

Молотов твердо и даже, я бы сказал, жестко ответил:

— В отношении этих военных деятелей у меня никаких сомнений не было, я сам знал их как ставленников Троцкого — это его кадры. Он их насаждал с далеко идущими целями, еще когда сам метил на пост главы государства. Очень хорошо, что мы успели до войны обезвредить этих заговорщиков, если бы это не сделали, во время войны были бы непредсказуемые последствия, а уж потерь было бы больше двадцати миллионов, в этом я не сомневаюсь. Я всегда знал Тухачевского как зловещую фигуру...

Кривил душой в этом разговоре Вячеслав Михайлович? Возможно. Потому что был соучастником в репрессиях. Желание отвести от себя вину в его ответах ощущается.

Но познакомьтесь с любопытнейшим совпадением мнения Троцкого с тем, что говорил Молотов. Цитирую из его книги «Сталин».

Троцкий в этом месте пишет о себе в третьем лице, сообщаю об этом, дабы читатели не усомнились в подлинности цитаты.

«Все те, которые возглавляли Красную Армию в сталинский период — Тухачевский, Егоров, Блюхер, Якир, Уборевич, Дыбенко, Федько, — были в свое время выделены на ответственные военные посты, когда Троцкий стоял во главе военного ведомства, в большинстве случаев им самим, во время объезда фронтов и непосредственного наблюдения их боевой работы. Именно они отстаивали революцию и страну. Если в 1933 г. выяснилось, что Сталин, а не кто-либо другой строил Красную Армию, то на него, казалось бы, падает и ответственность за подбор такого командного состава. Из этого противоречия официальные историки выходят не без трудностей, но с честью: назначение изменников на командные посты ложится ответственностью целиком на Троцкого; зато честь одержанных этими изменниками побед безраздельно принадлежит Сталину».

Логика на стороне Троцкого. Но и слова Молотова о том, чьи это кадры, Троцкий фактически подтверждает.

Предвижу много возражений по поводу вышеизложенного. Однако, перед тем как будут написаны обвинительные письма в мой адрес, прошу обратить внимание на два обстоятельства: первое — оценки, приведенные выше, не мои, второе — я обещал писать, ничего не утаивая.

ИСТРЕБЛЕНИЕ КОМАНДИРОВ, ПОЛИТРАБОТНИКОВ

В свое время, сокращая расходы на армию и выкраивая деньги на восстановление хозяйства, Ленин говорил в докладе на VIII съезде Советов: «Мы рассчитываем, что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная Армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качества. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу»¹

Сокращение военных расходов было вынужденной мерой, и практическое ее осуществление привело к тому, что, по словам Фрунзе, «собственно боевых элементов армии» оставалось очень мало. Фрунзе подчеркивал (это было сказано им в 1925 году): «При таком положении ясно, настоящей армии в истинном смысле этого слова... у нас нет. У нас есть только кадры, только остов будущей армии».

И вот этот действительно остов, состоявший из грамотных, хорошо подготовленных командиров, способных принять на себя развертывание армии на случай войны, почти весь этот остов в период сталинских репрессий был уничтожен. Более 40 тысяч командиров, от маршалов до командиров полков и ниже, в течение трех лет, 1937—1939 годы, были репрессированы, и большинство из них было расстреляно. Почти все командиры старшего и высшего командного состава имели опыт первой мировой и гражданской войн.

7 июня 1937 года, еще до того, как прошел процесс Тухачевского и других, Ворошилов издал приказ НКО № 072. В нем сообщалось, что с 1 по 4 июня 1937 года в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при Народном комиссариате обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан и обсужден доклад Ворошилова о раскрытой НКВД «предательской, контрреволюционной, военно-фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии». Дальше Ворошилов называл фамилии всех тех, которым еще только предстояло предстать перед судом. В конце приказа говорилось: «Нет уверенности в том, что все заговорщики выявлены».

21 июня 1937 года, после того как состоялся процесс, был издан совместный приказ НКО и НКВД № 082 «Об освобождении от ответственности военнослужащих участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без

утайки рассказавших обо всем ими совершенной и своих сообщниках». Этот приказ был доведен до всего личного состава армии и флота. Напомню также, что Сталин в своих неоднократных выступлениях в 1937 году перед многими аудиториями требовал до конца выкорчевать «врагов народа», «сигнализировать» об их действиях. Само собой разумеется, что после таких приказов и призывов пошел поток доносов, писем, анонимок, которые в НКВД принимали без всякой проверки. Начались повальные аресты.

Военные при службе в частях и при перемещениях из округа в округ, из соединения в соединение всегда получали соответствующие аттестации. Эти аттестации давались и подписывались старшими военачальниками. И вот как только этот старший военачальник попадал в тюрьму, то его добрые слова, написанные в аттестации по адресу того или иного подчиненного, воспринимались как похвала «врага народа». Теперь очень легко было приписать любому из командиров связь с «врагом народа», что и делали работники НКВД.

Кроме арестов шла еще чистка армии по политическим соображениям, которой, кстати, занимались и те, кому вскоре предстояло самим стать жертвами репрессий.

Так, например, начальник Управления кадров командного состава комкор Б. М. Фельдман, расстрелянный в июне 1937 года, докладывал в январе этого же года заместителю наркома обороны СССР Я. Б. Гамарнику (застрелившемуся через несколько месяцев) проект документа «О введении условного шифра «О. У.» (особый учет.— В. К.) в отношении лиц начсостава, увольняемых по политико-моральным причинам...». Если на приказе об увольнении командира из армии стоял этот секретный шифр, такие лица брались «на особый учет с тем, чтобы не приписывать их к войсковым частям, не зачислять в переменный состав территориальных частей, не призывать в РККА по отдельным заданиям и нарядам и не направлять в войска в начальный период войны». С таким шифром были уволены из армии тысячи командиров, и почти все они сразу же по прибытии на место жительства арестовывались, как только местные органы НКВД видели на их документах шифр «О. У.»; он, собственно, был сигналом для ареста.

В конце декабря 1937 года по указанию Ворошилова из округов были затребованы списки на всех немцев, латышей, поляков, эстонцев, литовцев, финнов, корейцев, китайцев и лиц других национальностей, не входивших тогда в Советский Союз. Кроме того, в этом приказе говорилось: «Выявить всех родившихся, проживавших или имеющих родственников в Германии, Польше и других иностранных государствах и наличие связи с ними».

Списки такие были получены, и все эти командиры вне зависимости от их честности, опыта работы, партийности, участия в гражданской войне, отличий по защите Родины были уволены из Красной Армии. И кроме того, по приказанию Ворошилова списки этих уволенных в запас командиров направлялись в НКВД. Нетрудно догадаться об их дальнейшей судьбе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: Т. 42. С. 130—131

Одним из уволенных по этому приказу был комдив Сердич Данило Федорович, которого высоко ценил и любил Жуков. Сердич командовал дивизией, в годы гражданской войны он проявил себя исключительно храбрым человеком, был награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным оружием. В дни Октябрьской революции он командовал сводным отрядом Красной гвардии в Петрограде и был одним из активнейших участников революции. Член партии с 1918 года, рабочий, это был прекрасный во всех отношениях человек. Но по национальности он был серб, и этого оказалось достаточно, чтобы под общую метелку его уволили. Ну а как только он с этим злополучным шифром «О. У.» вышел из рядов армии, его тут же арестовали и расстреляли.

Назначенный в январе 1937 года начальником Политического управления Красной Армии Л. З. Мехлис был особо доверенный человек Сталина, он работал у него помощником и убедил «хозяина» в своей беспредельной преданности. Мехлис был человек энергичный, предельно самоуверенный и грубый. Он создал в Красной Армии обстановку сплошного недоверия. Мехлис произвел буквально опустошение в округах, частях да и в центральном аппарате Наркомата обороны. Ему по установленному им графику шли доклады о чистке в армии.

Вот только одно из многих донесений, которые направлялись Мехлису. Комиссар одной механизированной бригады докладывал ему, что только за июнь — июль месяцы 1938 года в бригаде было разоблачено и арестовано 13 врагов народа, «оказавшихся шпионами разных государств». И далее: «представлено на увольнение, как не внушающих политического доверия, только одних «зарубежников» и связанных с зарубежьем 52 человека». «Не внушали доверия» — один потому, что был близок с Уборевичем, другой — потому, что поляк по национальности, третий — потому, что у него жена полька. У человек сорока начсостава — беспартийных, а также коммунистов — родственники его или жены оказались арестованными, «некоторые из них замкнулись, перестали быть активными» — они, естественно, тоже уже не внушают политического доверия. И это только в одной бригаде! По одному этому письму нетрудно представить, какая обстановка сложилась в тот период во многих частях, соединениях и штабах.

В Академии Генерального штаба в 1937 году были арестованы крупнейшие ученые, создатели военных трудов, в том числе и военно-исторических, — Верховский, Вакулич, Свечин, Алкснис, Баторский, Алафузо, Малевский, Жигур, Михайлов, Циффер и другие. Такие же повальные аресты были учинены и в других академиях и воинских частях. Арестованы и расстреляны почти все командующие военными округами.

Генерал Тодорский, сам просидевший много лет в тюрьмах и лагерях, а после освобождения принимавший участие в работе комиссии по пересмотру и реабилитации многих военачальников, сделал страшные подсчеты. Эта таблица опубликована много раз, но я привожу ее, учитывая достоверность этих данных.

В Красной Армии перед войной

было:	репрессировано:
— пять Маршалов Советского Союза	— трое (Тухачевский, Егоров, Блюхер);
— два армейских комиссара первого ранга	— оба;
— два флагмана флота 1 ранга	— оба;
— два флагмана флота 2 ранга	— оба;
— шесть флагманов 1 ранга	— все шестеро;
— пятнадцать флагманов 2 ранга	— девять;
— четыре командарма 1 ранга (что соответствует современному званию генерала армии)	— два;
— двенадцать командармов 2 ранга	— двенадцать;
— пятнадцать комиссаров 2 ранга	— пятнадцать;
— 67 командиров корпусов	— шестьдесят;
— 28 корпусных комиссаров	— двадцать пять;
— 199 командиров дивизий	— 136;
— 97 дивизионных комиссаров	— 79;
— 397 командиров бригад	— 221;
— 36 бригадных комиссаров	— 34.

Я очень советую перечитать воспоминания генерала А. В. Горбатова, опубликованные в свое время А. Твардовским в «Новом мире». Заместитель (в 1937 году) командира корпуса, которым командовал Жуков, А. В. Горбатов входит одной единицей в числа, приведенные в таблице Тодорского. А когда прочтете, каким издевательствам и истязаниям он подвергался, как умудрился выстоять и как он, чудом освобожденный, потом замечательно руководил войсками в крупнейших операциях на Курской дуге, при форсировании Днепра, был — после Берзарина — комендантом Берлина, еще раз вернитесь к этой потрясающей статистике, перечитайте ее медленно, помня, что каждый, из кого сложились эти цифры, прошел такие же пытки, а может быть, и более тяжкие, и понимая при этом, сколько таких же замечательных людей погибло в сталинских застенках... Погибли самые опытные, талантливые и преданные Родине защитники, которые в годы войны принесли бы огромную пользу.

Горбатов в своих мемуарах пишет, что, когда грянула война, его «до пота прошибли прежние опасения: как же мы будем воевать, лишившись столько опытных командиров еще до войны? Это, несомненно, была по меньшей мере одна из главных причин наших неудач, хотя о ней не говорили или представляли дело так, будто 1937—1938 годы, очистив армию от «изменников», увеличили ее мощь».

Как «увеличилась» ее мощь, можно судить и по уже

приведенным фактам и цифрам, и по тем, о которых я скажу дальше.

Так, на сборах командиров полков, проведенных летом 1940 года, из 225 командиров полков ни один не имел академического образования, только 25 окончили военные училища и 200 — курсы младших лейтенантов! В 1940-м, предвоенном году более 70 процентов командиров полков, 60 процентов военных комиссаров и начальников политотделов соединений работали в этих должностях около года. Значит, все их предшественники (а порой не по одному на этих должностях) были репрессированы.

Всего в 1937 и 1938 годах из армии и военно-морского флота было уволено около 44 тысяч человек командно-начальствующего состава, в том числе более 35 тысяч из сухопутных войск, около трех тысяч из военно-морского флота и более 5 тысяч из ВВС. Почти весь высший и старший командный состав и политические работники этого уровня были после ареста расстреляны, а многие умерли в заключении.

Шли такие повальные аресты, что в одном из документов, написанных после XX съезда партии, сказано: «Точных данных о количестве арестованных в 1937—1938 гг. в вооруженных силах не найдено».

Репрессии приобретали такие гигантские размеры, что Центральный Комитет уже не мог на это не реагировать. В январе 1938 года был проведен Пленум по вопросу «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Постановление требовало прекратить огульные репрессии и тщательно разбирать каждое отдельное обвинение, выдвинутое против члена партии. Этим постановлением Сталин вводил в заблуждение партию и народ, делая вид, будто он не знал о массовых репрессиях, а теперь вот, узнав, восстанавливает справедливость. Многие верили этому, да и в наши дни кое-кто верит.

Однако снежный ком уже был пущен с горы, решения этого Пленума не выполнялись. Кровавая вакханалия продолжалась вплоть до последних дней Сталина, то есть до 1953 года.

Пытаясь выполнить решение январского Пленума 1938 года, начальник Управления по командному и начальственному составу РККА Е. А. Щаденко создал комиссию и поручил ей подготовить материалы о пересмотре ответов на жалобы в соответствии с решением Пленума. Так вот, в представленных ему материалах говорилось: «В настоящее время имеется: 20 тысяч совершенно не рассмотренных жалоб, 34 тысячи не разрешенных окончательно жалоб... за последние 4 месяца только в аппарат ГВП РККА поступило свыше 100 тысяч жалоб». В результате работы комиссии какая-то небольшая часть командиров была восстановлена в армии, в их числе, кстати, был комдив К. К. Рокоссовский, комдивы В. А. Юшкевич — командир 13-го стрелкового корпуса; А. А. Трубников — командир 59-й стрелковой дивизии; В. Д. Цветаев — командир 57-й стрелковой дивизии; дивизионный инженер И. П. Граве — преподаватель артиллерийской академии и другие.

Только за один 1938 год на вышестоящие должности в армии — от командующих войсками округов до командиров батальонов и дивизионов — было выдвинуто 38 тысяч 702 человека. Вынуждены были назначать командиров небольших звеньев сразу на очень ответственные должности. Так, например, капитан Ф. Н. Матыкин, бывший командир батальона, был назначен сразу командиром стрелковой дивизии; капитан И. Н. Нескубо, начальник полковой школы, назначен сразу командиром стрелковой дивизии; майору К. М. Гусеву, командиру эскадрильи, присвоено звание комдива; и он сразу же был назначен командующим ВВС Белорусского военного округа; старший лейтенант И. И. Копец получил воинское звание полковника и был назначен зам. командующего ВВС Ленинградского военного округа, а к началу войны он уже генерал — командовал ВВС Западного фронта. В первый день войны, увидев огромные потери нашей авиации от бомбежки немцев, Копец не выдержал потрясения и застрелился.

К середине 1938 года в армии накопилось столько «временно исполняющих должности», что нарком обороны был вынужден издать приказ «О ликвидации вридства... Этим приказом нарком разрешал утверждать в должности всех «временно исполняющих», проработавших на этом месте не менее двух месяцев.

За 1937—1938 годы были сменены все (кроме Буденного) командующие войсками округов, 100 % заместителей командующих войсками округов и начальников штабов округов, 88,4 % командиров корпусов и 100 % их помощников и заместителей; командиров дивизий и бригад сменилось 98,5 %, командиров полков — 79 %, начальников штабов полков — 88 %, командиров батальонов и дивизионов — 87 %, состав облвоенкомов сменился на 100 %; райвоенкомов — на 99 %.

К началу войны Красная Армия и Военно-Морской Флот пришли с почти истребленным основным костяком армии, на который Ленин и Фрунзе надеялись опереться при развертывании армии в случае войны. В целом в период сталинских репрессий было истреблено высшего и старшего командного состава больше, чем мы потеряли его за все четыре года войны.

Широко известен у нас маршал Рокоссовский — яркий талант, светлый, высокоинтеллигентный ум, обаятельный и в то же время решительный и твердый военачальник. Не сомневаюсь, немало таких же было среди тысяч погибших в сталинских застенках и лагерях оклеветанных «врагов народа». Рокоссовский тоже носил эковский бушлат; и блестящий талант полководца и внешняя, чисто человеческая его красота могли погибнуть в «лагерной пыли» или в лубяном подвале, как это случилось с Тухачевским, Уборевичем, Егоровым и десятками тысяч других, так не хватавших нам в годы войны офицеров и генералов.

Десятки тысяч! И это только военных!

1 февраля 1954 года по требованию Н. С. Хрущева была составлена для него справка о репрессированных по контрреволюционным обвинениям за период с 1921 года до 1 февраля 1954 года. Этот документ был подписан Генеральным прокурором Р. Руденко, ми-

нистром внутренних дел СССР С. Кругловым и министром юстиции СССР К. Горшениным.

В справке указано: за этот период было приговорено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания 642 980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220 человек, к ссылке и высылке — 765 180 человек. Из общего числа репрессированных только 877 000 осуждены судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией. Судьба остальных — около 2 900 000 человек — решалась внесудебным порядком — Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием.

Существуют и другие подсчеты с еще более астрономическими цифрами. Но даже этот официальный документ вопиет:

— Только чума или холера в давние времена производили подобные опустошения в народе!

ГЛАВА, ИЗЪЯТАЯ ИЗ РУКОПИСИ

Читая первое издание книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», я удивлялся, что Георгий Константинович, называя своих командиров — Уборевича, Сердича и многих других, говорит об их высоких командирских качествах, прекрасных отношениях с ними и на этом ставит точку. А о том, что они были расстреляны, он, прямой и смелый человек, упоминает вскользь или вообще умалчивает. Все это выглядело тем более странно, что книга была написана им уже после XX съезда КПСС — первое ее издание вышло в 1969 году, когда вроде бы не было причин для недомолвок или умолчания.

Все прояснилось, когда на моем письменном столе оказался наконец-то первый вариант воспоминаний Жукова¹

Знакомясь с рукописью Георгия Константиновича, я нашел на ее полях замечания «руководящих товарищей», которые высказывали пожелания не только по поводу репрессий, но и по поводу освещения тех или иных боевых действий, оценок некоторых генералов и т. д.

Были, например, такие строгие вопросы: «Надо ли это ворошить?», «В этом нельзя кого-либо отдельно обвинять». Жуков на эти замечания писал короткие ответы, под каждым расписывался и ставил дату. Таких «перебранок» на полях рукописи много. Вот одна, характерная. Сначала приведу замечание, на которое Жуков реагировал: «Что касается оценок действий генералов — ради бога, сведите их к минимуму... невозможно над всеми «и» поставить точки... Ведь все это так или иначе описано в Истории, как полной, так и краткой... Я думаю — оставлять только принципиально важное, находить мажорное (ведь было же оно) при общем бедствии, которое уже сто раз описано...»

В десятом издании книги Г. К. Жукова, вышедшем в 1990 году в издательстве АПН, эта глава впервые опубликована полностью. (Примеч. автора.)

Жуков перевернул эту страницу, на полях ему было тесно, и размахистым своим почерком ответил:

«1) Я пишу то, что было, и не стараюсь подделаться под тех, кто писал Историю.

2) Писать только мажорное — значит допускать большие погрешности против правдивости. Прилизанная и приглаженная история сослужит отрицательную роль в раскрытии хода Отечественной войны».

Жуков, как видим, сопротивлялся, а «правщики» и члены специальных «комиссий», выполняя указания «всесильных», убрали из текста целые страницы, особенно то, что касается репрессий. В этом я окончательно убедился, прочитав главу «Командование 3-м кавалерийским и 6-м казачьим корпусами». Опубликованный в книге Г. К. Жукова текст не совпадает с текстом его рукописи.

Я приведу рукописный текст с некоторыми сокращениями, и, думаю, без объяснений читателям станет ясно и отношение Жукова к сталинским репрессиям, и то, как он сам едва не стал одной из жертв этого истребительного беззакония.

Вот что писал об этом Жуков:

«1937 год в истории советского народа и Советских Вооруженных Сил занимает особое место. Этот год был тяжелым испытанием идейной крепости советского народа, идущего под знаменем марксизма-ленинизма вперед к коммунизму.

Двадцать лет существования Советской власти, двадцать лет тяжелой борьбы и славных побед, одержанных советским народом в борьбе с внутренней контрреволюцией и внешними врагами, развитие экономики и культуры, успехи, достигнутые на всех участках строительства социализма, продемонстрировали величие идей Октябрьской революции...

...Своей борьбой, своей кровью народ доказал непоколебимую преданность делу нашей ленинской партии. Однако советскому народу и партии пришлось тяжело поплатиться за беспринципную подозрительность политического руководства страны, во главе которой стоял И. В. Сталин.

В Вооруженных Силах было арестовано большинство командующих войсками округов и флотов, членов Военных советов, командиров корпусов, командиров и комиссаров соединений, частей. Шли массовые аресты и среди крупных честных работников органов государственной безопасности.

В стране создалась жуткая обстановка. Никто никому не доверял. Люди стали бояться друг друга, избегали встреч и разговоров, а если нужно было — старались говорить в присутствии третьих лиц — свидетелей. Страх породил небывалую по размерам клеветническую эпидемию. Клеветали зачастую на кристально честных людей, а иногда на своих близких друзей. И все это делалось из-за страха оказаться человеком, подозреваемым в нелояльности. И эта тяжелая обстановка продолжала накаляться.

Большинство людей от мала до велика не понимало, что происходит, почему так широко распространились среди нашего народа аресты. И не только члены партии, но и беспартийные люди с недоумением и внутренним страхом смотрели на все выше подни-

мающуюся волну арестов, и, конечно, никто не мог открыто высказать свое недоумение, свое неверие в то, что арестовывают действительных врагов народа и что арестованные действительно занимались какой-либо антисоветской деятельностью или состояли в контрреволюционной организации. Каждый честный советский человек, ложась спать, не мог твердо надеяться на то, что его не заберут этой ночью в тюрьму по какому-нибудь клеветническому доносу.

По существующему закону и по здравому смыслу органы должны были бы вначале разобраться в виновности того или иного лица, на которого поступила анонимка, сфабрикованная ложь или клеветническое показание арестованного, вырванное под тяжестью телесных пыток, применяемых следственным аппаратом по особо важным делам органов государственной безопасности. Но в то тяжелое время существовал другой порядок — вначале арест, а потом разбирательство дела. И я не знаю случая, чтобы невиновных людей тут же отпускали обратно домой. Нет, их держали долгие годы в тюрьмах, зачастую без дальнейшего ведения дел, как говорится, без суда и следствия.

В 1937 году был арестован как «враг народа» командир 3-го конного корпуса Данило Сердич. Что же это за «враг народа»?

Д. Сердич, по национальности серб, с первых дней существования Красной Армии встал под ее знамена и непрерывно сражался в рядах Первой Конной армии с белогвардейщиной и иностранными интервентами. Он был храбрейшим командиром, которому верили, и смело шли в бой за ним прославленные бойцы-конармейцы. Но вот и Сердича арестовали. Кто из хорошо знавших Сердича мог поверить в его виновность?

Через несколько недель после ареста комкора Сердича я был вызван в город Минск, в вагон командующего войсками округа.

Явившись в вагон, я не застал командующего войсками округа, обязанность которого в то время выполнял комкор Мулин, который месяца через два сам был арестован как «враг народа», хотя он был старым большевиком и многие годы просидел в царской тюрьме за свою революционную деятельность. В вагоне меня принял только что назначенный член Военного совета округа Голиков Филипп Иванович (ныне Маршал Советского Союза)...

Задав мне ряд вопросов биографического порядка, он спросил, нет ли у меня родственников или друзей, которые арестованы. Я ответил, что не знаю, так как не держу никакой связи со своими многочисленными родственниками. Что же касается близких родственников — матери и сестры, то они живут в настоящее время в деревне в Угодско-Заводском районе и работают в колхозе в деревне Стрелковка. Из знакомых и друзей много арестованных. Голиков спросил:

— Кто именно?

Я ответил:

— Хорошо знал арестованного Уборевича, комкора Сердича, комкора Вайнера, комкора Ковтюха, комкора Кутякова, комкора Косогова, комдива Бориса Верховского, комкора Грибова, комкора Рокоссовского.

— А с кем из них вы дружили? — спросил Голиков.

— Дружил с Рокоссовским и Данилой Сердичем. С Рокоссовским учился в одной группе на Курсах усовершенствования командного состава кавалерии в Ленинграде и совместно работал в 7-й Самарской кавдивизии. Дружил с комкором Косоговым и комдивом Верховским при совместной работе в инспекции кавалерии. Я считал этих людей патриотами нашей Родины и честнейшими коммунистами, — ответил я.

— А сейчас вы о них такого же мнения? — глядя на меня в упор, спросил Голиков.

— Да, и сейчас.

Голиков резко встал с кресла и, побагровев, грубо сказал:

— А не опасно ли будущему комкору восхвалять врагов народа?

Я ответил, что не знаю, за что их арестовали, но думаю, что произошла какая-то ошибка. Я почувствовал, что Голиков настроился по отношению ко мне на недоброжелательный тон, видимо, он не был удовлетворен моими ответами. Порывшись в своей объемистой папке, он достал бумагу и минут пять ее читал, а потом сказал:

— Вот в донесении комиссара 3-го конного корпуса Юнга сообщается, что вы бываете до грубости резким в обращении с подчиненными, командирами и политработниками и что иногда недооцениваете роль и значение политических работников. Верно ли это?

— Верно, но не так, как вам пишет Юнг, — ответил я. — Я бываю резок не со всеми, а только с теми, кто халатно относится к выполнению порученного ему дела и безответственно несет свой долг службы. Что касается роли и значения политработников, то я не ценю тех, кто формально выполняет свой партийный долг, не работает над собой и не помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач; тех, кто занимается критиканством требовательных командиров, занимается демагогией там, где надо проявить большевистскую твердость и настойчивость.

— Есть сведения, что без вашего ведома ваша жена крестила в церкви у попа вашу вторую дочь Элли. Верно ли это? — продолжал Голиков.

Я ответил:

— Это очень неумная выдумка. Поражаюсь, как мог Юнг, будучи неглупым человеком, сообщить такую чушь, тем более что он, прежде чем писать, должен был бы произвести расследование.

Дальнейший разговор был прерван приходом в вагон исполняющего должность командующего войсками округа Мулина. Раньше я никогда не встречался с Мулиным, но слышал о нем немало хорошего... После предварительного короткого разговора Мулин сказал:

— Военный совет округа думает назначить вас на должность командира 3-го конного корпуса. Как вы лично относитесь к этому предложению?

Я ответил:

— Готов выполнять любую работу, которая мне будет поручена.

— Ну вот и отлично, — сказал Мулин.

Член Военного совета Голиков молча протянул Му-

лину донесение комиссара 3-го конного корпуса Юнга, отдельные места которого были подчеркнуты красным карандашом.

Мулин прочитал это донесение и, немного подумав, сказал:

— Надо пригласить Юнга и поговорить с ним. Я думаю, что здесь много наносного.

Голиков молчал.

— Езжайте в дивизию и работайте. Я свое мнение сообщу в Москву. Думаю, что вам скоро придется принять 3-й корпус.

Распростившись, я уехал в дивизию и принялся за работу.

Прошло не менее месяца после встречи и разговора с Голиковым и Мулиным, а решение из Москвы все не поступало. Я считал, что Ф. И. Голиков, видимо, сообщил обо мне в Москву свое отрицательное мнение, которое у него сформировалось на основе лживого донесения Юнга. Откровенно говоря, я отчасти даже был доволен тем, что не получил назначения на высшую должность, так как тогда шла какая-то особо активная охота на высших работников со стороны органов государственной безопасности. Не успеют выдвинуть на высшую должность, глядишь, а он уже взят под арест как «враг народа» и пропал, бедняга, в подвалах НКВД. С другой стороны, дела в 4-й кавалерийской дивизии шли по-прежнему хорошо, и я радовался за дивизию...

Однако вскоре все же был получен приказ наркома обороны о назначении меня командиром 3-го конного корпуса...

Через две недели мне удалось детально ознакомиться с состоянием дел во всех частях корпуса, и, к сожалению, должен был признать, что в большинстве частей корпуса в связи с арестами резко упала боевая и политическая работа командного состава, понизилась его требовательность к личному составу, а как следствие понизилась дисциплина и вся служба. В ряде случаев демагоги подняли голову и пытались терроризировать требовательных командиров, пришивая им ярлыки «вражеского подхода» к воспитанию личного состава...

Пришлось резко вмешаться, кое-кого решительно одернуть и поставить вопрос так, как этого требовали интересы дела. Правда, при этом лично мною была в ряде случаев допущена повышенная резкость, чем немедленно воспользовались некоторые беспринципные работники дивизии. На другой же день на меня посылались донесения в округ с жалобами Голикову — члену Военсовета, письма в органы госбезопасности «о вражеском воспитании кадров» со стороны командира 3-го конного корпуса Жукова Г. К. и т. п.

Вскоре после принятия корпуса мне позвонил командир 27-й кавалерийской дивизии Белокосков Василий Евлампиевич и сообщил, что в его частях резко упала дисциплина. Спрашиваю:

А что делает лично командир дивизии Белокосков?

Он ответил, что командира дивизии сегодня вечером разбирают в парторганизации, а завтра наверняка посадят в тюрьму. По телефонному разговору я понял, что Василий Евлампиевич Белокосков серьез-

но встревожен, если не сказать больше. Подумав, я ему сказал:

— Сейчас же выезжаю к вам в дивизию. Через два часа буду.

В штабе дивизии меня встретил В. Е. Белокосков. Я поразился его внешнему виду. Он был чрезмерно бледен, под глазами залегли темные впадины, губы нервно подергивались после каждой фразы. Я спросил:

— Василий Евлампиевич, что с вами? Я ведь вас хорошо знаю по 7-й Самарской кавдивизии, где вы отлично работали, были уважаемы всей парторганизацией, а теперь вас просто не узнать. В чем дело?

— Идемте, товарищ командир корпуса, на партсобрание, — ответил он, — там сегодня меня будут исключать из партии, а что будет дальше — мне все равно. Я уже приготовил узелок с бельем.

Началось партсобрание. Повестка дня: персональное дело коммуниста Белокоскова Василия Евлампиевича. Докладывал секретарь дивизионной парткомиссии. Суть дела: коммунист Белокосков был в близких отношениях с врагами народа Сердичем, Рокоссовским, Уборевичем и так далее, а потому он не может пользоваться доверием партии. Кроме того, Белокосков недостаточно чутко относится к командирам, политработникам, слишком требователен по службе. Обсуждение заняло около трех часов. Никто в защиту Белокоскова не сказал ни единого слова. Дело явно шло к исключению его из партии. Исполняющий должность комиссара корпуса Новиков по существу поддержал выступавших и сделал вывод, что Белокосков не оправдал звание члена партии.

Я попросил слова и выступил довольно резко. Я сказал:

— Давно знаю Белокоскова как примерного члена партии, чуткого товарища, прекрасного командира. Что касается его связей с Уборевичем, Сердичем, Рокоссовским и другими, то эти связи были чисто служебными, а кроме того, пока еще неизвестно, за что они арестованы, Сердич и Рокоссовский. А так как никому из нас не известна причина ареста, зачем же мы будем забегать вперед соответствующих органов, которые по долгу своему должны объективно разобраться в степени виновности арестованных и сообщить нам, кто с ними был связан по вопросам, за которые их привлекли к ответственности. Что касается других вопросов, то это очевидные мелочи и они не имеют принципиального значения, а товарищ Белокосков сделает для себя соответствующие выводы.

В этом выступлении было что-то новое, и члены партии загудели:

Правильно, правильно.

Председатель спросил, будет ли кто еще выступать. Кто-то сказал:

— Есть предложение комкора Жукова ограничиться обсуждением.

Других предложений не поступало. Постановили: предложить В. Е. Белокоскову учесть в своей работе замечания коммунистов.

Когда мы шли с партсобрания, я видел, как Василий Евлампиевич украдкой вытер глаза. Я уверен, что он плакал от сознания того, что остался в рядах нашей

славной большевистской партии и может продолжать в ее рядах работу на благо нашего народа, на благо нашей великой Родины. Я не подошел к нему, считая, что лучше пусть он наедине с собой переживет миновавшую тяжелую тревогу за свою судьбу и душевную радость за справедливость партийной организации.

Прощаясь, мы крепко пожали друг другу руки, я сделал вид, что не заметил следов слез на его лице. Он не сказал мне ни слова, но его горячее рукопожатие было убедительнее и дороже всяких слов. Я был рад за него и не ошибся в В. Е. Белокоскове.

Всю свою жизнь (он умер в 1961 году) Василий Евлампиевич был достойнейшим коммунистом, скромным тружеником и умелым организатором всех дел, которые ему поручались... Был всегда спокойным и надежным товарищем, а не заступись я за него в 1937 году, могло быть все иначе.

К сожалению, многие честные коммунисты погибли, не получив товарищеской помощи при обсуждении их в партийных организациях, а ведь от партийной организации много тогда зависело, так как после исключения из партии тут же, как правило, следовал арест.

3-м конным корпусом я командовал месяцев семь. В связи с назначением командира 6-го казачьего корпуса Елисея Ивановича Горячева заместителем командующего войсками Киевского Особого военного округа мне была предложена должность командира 6-го казачьего корпуса. Я принял предложение...

Жизнь моего предшественника Е. И. Горячева закончилась трагически. Сразу после назначения заместителем С. К. Тимошенко ему пришлось, как и многим другим, перенести тяжелую душевную трагедию. На одном из крупных партсобраний ему предъявили обвинение в связях с «врагами народа» Уборевичем, Сердичем и другими, и дело клонилось к аресту. Не желая подвергаться репрессиям органов безопасности, он покончил жизнь самоубийством. Очень жаль этого командира. С первых дней существования Советской власти он героически сражался в рядах Красной Армии, последовательно командовал эскадроном, полком, бригадой и на всех командных должностях был умелым и отважным военачальником. Его любили и уважали бойцы и командиры конармейцы.

В 6-м корпусе мне пришлось столкнуться с большой оперативной работой... В этот период командование войсками округа осуществлял командарм 1 ранга И. П. Белов, который энергично руководил боевой подготовкой войск округа. Осенью 1938 года им были хорошо подготовлены и умело проведены окружные маневры, на которых в качестве гостей присутствовали немецкие генералы и офицеры немецкого генерального штаба. За маневрами наблюдали нарком обороны Ворошилов и начальник Генерального штаба Шапошников.

Вскоре командующего войсками И. П. Белова постигла та же трагическая участь, что и предыдущих командующих,— он был арестован как «враг народа», хотя всем было хорошо известно, что И. П. Белов, бывший батрак, старый большевик, храбрый, способнейший командир, положил все силы на борьбу с

белогвардейщиной и иностранной интервенцией, не жалея себя при выполнении задач, которые перед ним ставили партия и правительство. Как-то не вязалось: Белов — и вдруг «враг народа». Конечно, никто этому не верил...

Разве можно забыть тех, кто, выйдя из рабочих и крестьян, был обучен и воспитан в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, обучен нашей ленинской партией и кто был сердцем военных кадров нашей Родины? Нет! Их забыть нельзя, как и нельзя забыть преступления тех, на чьей совести лежали ничем не оправданные кровавые репрессии и аресты и высылка членов семей в «места столь отдаленные».

Как-то вечером ко мне в кабинет зашел комиссар корпуса Фомин. Он долго мялся, ходил вокруг да около, а потом сказал:

— Знаешь, завтра собирается актив коммунистов 4-й дивизии, 3-го кавкорпуса и 6-го кавкорпуса, будут тебя разбирать в партийном порядке:

— Что же такое я натворил, что такой большой актив будет меня разбирать? — спросил я.— А потом, как же меня будут разбирать, не предъявив заранее никаких обвинений, чтобы я мог подготовить соответствующее объяснение?

— Разговор будет производиться по материалам 4-й кавдивизии и 3-го корпуса, я не в курсе поступивших заявлений,— сказал Фомин.

— Ну что же, посмотрим, в чем меня хотят обвинить.

На другой день действительно собрались человек 80 коммунистов и пригласили меня на собрание. Откровенно говоря, я волновался, мне было как-то не по себе, тем более что в то время очень легко пришивали ярлык «врага народа» любому честному коммунисту. Собрание открылось чтением заявлений некоторых командиров и политработников 4-й дивизии, 24-й дивизии, 7-й кавдивизии. Они жаловались, что я многих командиров и политработников незаслуженно наказал, грубо ругал и не выдвигал их на высшие должности. Меня обвиняли в том, что, якобы умышленно «замораживая» опытные кадры, я этим сознательно наносил вред нашим Вооруженным Силам. Короче говоря, дело шло к тому, чтобы назвать меня «врагом народа», я обвинялся в том, что при воспитании кадров применял вражеские методы. После зачитания этих заявлений начались прения.

Как и полагалось, в первую очередь выступили те, кто подал заявления. Спрашиваю:

— Почему же раньше об этом молчали? Ведь прошло уже полтора-два года со времени событий, о которых упоминается в заявлениях?

Мы боялись Жукова, а теперь время другое, теперь нам открыли глаза арестами,— последовал ответ.

Дальше — больше:

— Объясните ваши отношения с Уборевичем, Сердичем, Вайнером и другими врагами народа?

— Почему Уборевич при проверке дивизии обедал лично у вас, товарищ Жуков?

— Почему к вам всегда так хорошо относились враги народа Сердич, Вайнер и другие?

Наконец, слово взял начальник политотдела 4-й кав-

дивизии Сергей Петрович Тихомиров. Все присутствующие коммунисты ждали от него, от политического руководителя дивизии, принципиального выступления, принципиальной политической оценки деятельности командира-единоначальника, с которым он несколько лет проработал в одной дивизии.

Но, к сожалению, его речь была ярким примером приспособленчества. Он лавировал между обвинителями и обвиняемым, в результате чего получилась беспринципная попытка уйти от прямого ответа на вопросы: в чем прав и в чем не прав Жуков?

Я сказал коммунистам, что ожидал от Тихомирова оценки своей деятельности, но он оказался не на высоте своего положения, поэтому я сам скажу, в чем был не прав, чтобы не повторять своих ошибок, а в чем был прав, от чего не отступлю и надуманных обвинений не приму. Первое — о грубости. В этом вопросе, должен сказать прямо, у меня были иногда срывы, и я был не прав, резко разговаривая с теми командирами и политработниками, которые здесь жаловались и обижались на меня. Я не хочу оправдываться тем, что в дивизии было много недочетов в работе с личным составом, много проступков, много чрезвычайных происшествий, — все это я пытался устранить. Вы правы в том, что как коммунист я прежде всего обязан был быть выдержаннее в обращении с подчиненными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозности. Добрый совет, хорошее слово сильнее всякой брани. Что же касается обвинения в том, что у меня обедал Уборевич — «враг народа», то я должен сказать, что у меня обедал командующий войсками округа Уборевич, а не «враг народа» Уборевич. Кто из нас знал, что он «враг народа»? Никто. Относительно хорошего отношения ко мне со стороны Сердича и Вайнера могу сказать, что мы все должны бороться за хорошие отношения между начальниками и подчиненными. Разве это наша цель — пропагандировать плохие взаимоотношения между начальниками и подчиненными? Нет, вы не должны обвинять меня за то, что ко мне хорошо относились мои начальники Сердич и Вайнер... Что касается замечания начальника политотдела 4-й кавдивизии С. П. Тихомирова о том, что я недооцениваю политработников, то должен сказать прямо, да, действительно, я не люблю и не ценю таких политработников, как, например, Тихомиров, который плохо помогал мне в работе в 4-й кавдивизии и всегда уходил от решения сложных вопросов, проявляя беспринципную мягкотелость, нетребовательность, даже в ущерб делу... Вы все слышали речь Тихомирова. И, думаю, поняли, что он далек от совершенства.

Очевидно, моя речь произвела должное действие: собрание не поддержало тех, кто хотел вынести мне партийное взыскание. Меня резко критиковали именно за те недостатки, в которых я сам прекрасно отдавал себе отчет. В решении партактива было сказано: «Ограничиться обсуждением вопроса. Товарищу Жукову Г. К. принять к сведению критику».

Откровенно говоря, для меня выступление начальника политотдела 4-й кавалерийской дивизии Тихомирова было совершенно неожиданным. С Тихомировым мы работали вместе около четырех лет... Он всегда под-

черкивал, что как единоначальник я являюсь полноценным политическим руководителем и пользуюсь настоящим партийным авторитетом у офицерского состава, в том числе и у политработников.

Когда кончилось собрание партийной организации, я не утерпел и спросил Тихомирова:

— Сергей Петрович, вы сегодня обо мне говорили не то, что говорили всегда, когда мы работали вместе в дивизии. Что соответствует истине — ваши прежние суждения обо мне или та характеристика, которая была дана вами сегодня?

— Безусловно, та, что всегда говорил, — ответил он. — Но то, что сегодня сказал, надо было сказать.

Я вспыхнул:

— Очень сожалею, что когда-то считал вас принципиальным человеком, вы просто гнилой интеллигент и приспособленец.

С тех пор при встречах с ним я отвечал только на служебные вопросы...

Хорошо, что парторганизация тогда не пошла по ложному пути и сумела разобраться в существе вопроса. Ну а если бы парторганизация послушала совета Тихомирова и иже с ним — что тогда могло получиться? Ясно, моя судьба была бы решена в резиденциях Берии, как судьбы многих других наших честных людей...»

И в самом деле — тучи над головой Жукова собирались не раз. В его личном деле я обнаружил вот такой документ, привожу его текст полностью:

«Сов. секретно.

Выписка

из донесений ПУОКРА и политорганов ЛВО на лиц ком. и нач. состава, проявивших отрицательные настроения и о которых поступили те или другие компрометирующие заявления военнослужащих.

Московский военный округ.

Жуков — командир 4-й кавдивизии (БВО).

Группа слушателей Академии им. Фрунзе из БВО и 4-й кд прямо заявляет, что Жуков был приближенным Уборевича, во всем ему подражал, особенно по части издевательства над людьми.

ВРИД начальника ОРПО ПУ РККА дивизионный комиссар Котов.

10 августа 1937 года».

Вот такого документа в те дни было достаточно для того, чтобы человек был арестован и расстрелян.

К нашему счастью, этого не произошло. Даже наоборот — за короткое время Жуков, как и многие другие уцелевшие в те годы, несколько раз подряд получал новые высокие назначения. Он девять лет командовал полком, четыре года кавалерийской дивизией, около двух лет кавалерийским корпусом и в течение двух лет прошел должности от заместителя командующего округом и командующего округом до начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны. Счастье, что мы не потеряли талантливейшего полководца, сыгравшего одну из решающих ролей в достижении победы в Отечественной войне.

Пользуясь тем, что внимание всего мира было в это время устремлено на события, происходящие в Европе, Япония осуществляла свои захватнические планы в Китае, Маньчжурии и уже дошла до границ Монголии. В мае 1939 года японские войска нарушили границу МНР и стали продвигаться к реке Халхин-Гол. Это была довольно крупная провокация, в ней участвовали и артиллерия, и самолеты. Наши войска в соответствии с Протоколом о взаимной помощи, подписанном в 1936 году, вступили в Монголию и совместными действиями с монгольскими войсками выбили нарушителей за пределы монгольско-китайской границы.

В июне японцы предприняли уже более крупную операцию с твердым намерением захватить на западном берегу реки Халхин-Гол плацдарм и на нем закрепиться для дальнейшего расширения действий — планировалось построить здесь сильно укрепленный рубеж и прикрыть им новую стратегическую железную дорогу, которую хотели вывести к границе нашего Забайкалья.

Основательно подготовив операцию, в которой участвовало 38 тысяч солдат и офицеров, 310 орудий, 135 танков, 225 самолетов, японцы потеснили советско-монгольские войска и вышли на восточный берег реки Халхин-Гол.

В своей книге воспоминаний Жуков подробно описывает подготовку и ход боевых действий, поэтому я не буду пересказывать это его описание, интереснее, мне кажется, познакомить читателей с более поздними материалами — я беру их из выступлений Жукова, из его статей и особенно из послевоенных бесед маршала, записанных Константином Симоновым, который сам побывал на Халхин-Голе и там познакомился с Жуковым. В этих беседах ярко проступают темперамент и характер Жукова давних лет. Вот что он рассказывал:

— На Халхин-Гол я поехал так, — мне уже потом рассказали, как это все получилось. Когда мы потерпели там первые неудачи в мае и июне, Сталин, обсуждая этот вопрос с Ворошиловым в присутствии Тимошенко и Пономаренко, тогдашнего секретаря ЦК Белоруссии, спросил Ворошилова: «Кто там, на Халхин-Голе, командует войсками?» — «Комбриг Фекленко». «Ну а кто этот Фекленко? Что он из себя представляет?» — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что не может сейчас точно ответить на этот вопрос, лично не знает Фекленко. Сталин недовольно сказал: «Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Надо туда назначить кого-то другого, чтобы исправил положение и был способен действовать инициативно. Чтобы не только мог исправить положение, но и при случае надавать японцам». Тимошенко сказал: «У меня есть одна кандидатура, командир кавалерийского корпуса Жуков». — «Жуков... Жуков...» — сказал Сталин. — «Что-то я помню эту фамилию». Тогда Ворошилов напомнил ему: «Это тот самый Жуков, который в тридцать седьмом году прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекают к партийной ответственности». «Ну и чем дело кончилось?» — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что выяснилось — для привлечения к партийной ответственности оснований не было... Тимошенко сказал, что я человек решительный, справлюсь. Пономаренко тоже подтвердил, что для выполнения поставленной задачи это хорошая кандидатура. Я в это время был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, был в округе на полевой поездке. Меня вызвали к телефону и сообщили: завтра надо быть в Москве. Я позвонил Сусайкову. Он был в то время членом Военного совета Белорусского округа. Тридцать девятый год все-таки, думаю, что значит этот вызов? Спрашиваю: «Ты стороною не знаешь, почему вызывают?» Отвечает: «Не знаю. Знаю одно: утром ты должен быть в приемной Ворошилова». — «Ну что ж, есть». Приехал в Москву, получил приказание лететь на Халхин-Гол — и на следующий день вылетел. Первоначальное приказание было такое: «Разобраться в обстановке, доложить о принятых мерах, доложить свои предложения». Я приехал, в обстановке разобрался, доложил о принятых мерах и о моих предложениях и получил в один день одну за другой две шифровки: первая — что с выводами и предложениями согласны. И вторая: что назначаюсь вместо Фекленко командующим стоящим в Монголии особым корпусом...

Вступив в командование, Жуков принял решение: удерживая захваченный нами плацдарм на восточном берегу Халхин-Гола, одновременно готовить контрудар, а чтобы противник не разгадал подготовку к нему, сосредоточивать войска в глубине. Решение вроде бы правильное, но неожиданно обстоятельства сложились так, что такие действия могли привести к катастрофе, и вот почему. На плацдарме и поблизости от него наших войск было немного, главные силы в глубине. И вдруг 3 июля японцы, скрытно сосредоточив войска, переправились через Халхин-Гол, захватили гору Баин-Цаган и стали закрепляться здесь.

Жуков так рассказывал о тех событиях:

— Создалось тяжелое положение. Кулик потребовал снять с того берега, с оставшегося у нас плацдарма, артиллерию: пропадет, мол, артиллерия! Я ему отвечаю: если так, давайте снимать с плацдарма все, давайте и пехоту снимать. Я пехоту не оставляю там без артиллерии. Артиллерия — костяк обороны, что же, пехота будет пропадать там одна? В общем, не подчинился, отказался выполнить это приказание... У нас не было вблизи на подходе ни пехоты, ни артиллерии, чтобы воспрепятствовать тем, кого японцы переправили через реку. Вовремя могли подоспеть лишь находившиеся на марше танковая и бронетанковая бригады. Но самостоятельный удар танковых и бронетанковых частей без поддержки пехоты тогдашней военной доктриной не предусматривался...

Взяв вопреки этому на себя всю полноту особенно тяжелой в таких условиях ответственности, Жуков с марша бросил танковую бригаду Яковлева и бронетанковую бригаду на только что переправившиеся японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону. Танковой бригаде Яковлева надо было пройти 60 или 70 километров. Она прошла их напрямик по степи и вступила в бой.

Жуков рассказывал:

— Бригада была сильная, около 200 машин. Она

развернулась и пошла в атаку. Половину личного состава бригада потеряла убитыми и ранеными и половину машин, даже больше. Еще больше потерь понесли бронеприкрытия, которые поддерживали атаку. Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулось 36 танков, и вскоре 24 из них уже горело. Но зато мы раздавили японскую дивизию. Стерли!..

Нетрудно предположить, что бы произошло, если бы атака танковой бригады после таких потерь была отбита японцами. В военном отношении — японцы прочно закрепились бы на плацдарме и развили боевые действия в глубь Монголии. Ну а в чисто человеческом плане — Жукова, наверное, разжаловали бы и расстреляли потому, что Кулик поднял бы скандал в связи с невыполнением Жуковым его приказа. Он в то время был зам. наркома, и Жукову, не имевшему еще авторитета, не устоять бы против его обвинений. Но на этот раз восторжествовала поговорка «Победителей не судят!». В этом эпизоде Жуков победил. Но впереди еще предстояли тяжелые бои.

Получив подкрепление, которое он попросил у наркома, Жуков к 20 августа скрытно создал наступательную группировку, имевшую задачей окружение и уничтожение японских войск. На флангах были сосредоточены главные силы, которые в 5 часов 45 минут 20 августа после мощной артиллерийской подготовки и особенно авиационной обработки перешли в наступление. В воздухе было 150 бомбардировщиков, и прикрывало их около 100 истребителей. Удар авиации был настолько силен и точен, что он деморализовал противника, который в течение полутора часов не мог ответить даже организованным артиллерийским огнем.

Жуков продолжал рассказ:

— На третий день нашего августовского наступления, когда японцы зацепились на северном фланге за высоту Палец и дело затормозилось, у меня состоялся разговор с Г. М. Штерном. По приказанию свыше роль Штерна заключалась в том, чтобы в качестве командующего фронтом обеспечивать наш тыл, обеспечивать группу войск, которой я командовал, всем необходимым. В том случае, если бы военные действия перебросились на другие участки, перерастая в войну, предусматривалось, что наша армейская группа войдет в прямое подчинение фронту. Но только в том случае. А пока мы действовали самостоятельно и были непосредственно подчинены Москве.

Штерн приехал ко мне и стал говорить, что он рекомендует не зарываться, а остановиться, нарастить за два-три дня силы для последующих ударов и только после этого продолжать окружение японцев... Я сказал ему в ответ на это, что война есть война, на ней не может не быть потерь и что эти потери могут быть и крупными, особенно когда мы имеем дело с таким серьезным и ожесточенным врагом, как японцы. Но если мы сейчас из-за этих потерь и из-за сложностей, возникших в обстановке, отложим на два-три дня выполнение своего первоначального плана, то одно из двух: или мы не выполним этого плана вообще, или выполним его с громадным промедлением и с громадными потерями, которые из-за нашей нерешительности в конечном итоге в десять раз превысят те потери, кото-

рые мы несем сейчас, действуя решительным образом. Приняв его рекомендации, мы удешевим свои потери.

Затем я спросил его: приказывает ли он мне или советует? Если приказывает, пусть напишет письменный приказ, но я предупреждаю его, что опротестую этот письменный приказ в Москве, потому что не согласен с ним. Он ответил, что не приказывает, а рекомендует и письменного приказа писать не будет. Я сказал: «Раз так, то я отвергаю ваше предложение. Войска доверены мне, и командую ими здесь я. А вам поручено поддерживать меня и обеспечивать мой тыл. И я прошу вас не выходить из рамок того, что вам поручено». Был жесткий, нервный, не очень-то приятный разговор. Штерн ушел. Потом, через два или три часа, вернулся, видимо, с кем-то посоветовавшись за это время и сказал мне: «Ну что же, пожалуй, ты прав. Я снимаю свои рекомендации».

Когда мы окружали японцев, рванулся вперед со своим полком майор Ремизов и прорвался вглубь. Японцы сразу бросили на него большие силы. Мы сейчас же подтянули туда бронеприкрытие, которая с двух сторон подошла к Ремизову и расперла проход. (При этом Жуков показал руками, как именно бригада расперла этот проход.) Расперли проход и дали ему возможность отойти. Об этом один товарищ послал кляузную докладную в Москву, предлагал Ремизова за его самовольные действия предать суду и так далее... А я считал, что его не за что предавать суду. Он нравился мне. У него был порыв вперед, а что же за командир, который в бою ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево, ни на что не может решиться? Разве такие нам нужны? Нам нужны люди с порывом. И я внес контрпредложение — наградить Ремизова. Судить его тогда не судили, наградить тоже не наградили. Потом уже, посмертно, дали Героя Советского Союза.

Командир танковой бригады комбриг Яковлев тоже был очень храбрый человек и хороший командир. Но погиб нелепо. В район нашей переправы прорвалась группа японцев, человек триста. Не так много, но была угроза переправе. Я приказал Потапову и Яковлеву под их личную ответственность разгромить эту группу. Они стали собирать пехоту, организовывать атаку, и Яковлев при этом забрался на танк и оттуда командовал. И японский снайпер его снял пулей, наповал. А был очень хороший боевой командир.

Японцы за все время только один раз вылезли против нас со своими танками. У нас были сведения, что на фронт прибывает их танковая бригада. Получив эти сведения, мы выставили артиллерию на единственном танкодоступном направлении в центре, в районе Номон Хан-Бурд-Обо. И японцы развернулись и пошли как раз в этом направлении. Наши артиллеристы ударили по ним. Я сам видел этот бой. В нем мы сожгли и подбили около ста танков. Без повреждений вернулся только один. Это мы уже потом, по агентурным сведениям, узнали. Идет бой. Артиллеристы звонят: «Видите, товарищ командующий, как горят японские танки?» Отвечаю: «Вижу-вижу...» — одному, другому... Все артиллерийские командиры звонили, все хотели похвастаться, как они жгут эти танки.

Танков, заслуживающих этого названия, у японцев,

по существу, не было. Они сунулись с этой бригадой один раз, а потом больше уже не пускали в дело ни одного танка. А пикировщики у японцев были неплохие, хотя бомбили японцы большей частью с порядочных высот. И зенитки у них были хорошие. Немцы там у них пробовали свои зенитки, испытывали их в боевых условиях.

Японцы сражались ожесточенно. Я противник того, чтобы о враге отзывались уничижительно. Это не презрение к врагу, это недооценка его. А в итоге не только недооценка врага, но и недооценка самих себя. Японцы дрались исключительно упорно, в основном пехота. Помню, как я допрашивал японцев, сидевших в районе речки Хайластин-Гол. Их взяли там в плен, в камышах. Так они все были до того изъедены комарами, что на них буквально живого места не было. Я спрашиваю: «Как же вы допустили, чтобы вас комары так изъели?» Они отвечают: «Нам приказали сидеть в дозоре и не шевелиться. Мы не шевелились». Действительно, их посадили в засаду, а потом забыли о них. Положение изменилось, их батальон оттеснили, а они все еще сидели, уже вторые сутки, и не шевелились, пока мы их не захватили. Их до полусмерти изъели комары, но они продолжали выполнять приказ. Хочешь не хочешь, а приходится уважать их...

26 августа, разгромив фланговые группировки противника, заходящие клещи окружения наших войск сомкнулись. В окружении остались все силы 6-й японской армии. К 30 августа окруженная группировка противника была полностью уничтожена или взята в плен.

Жуков в своих воспоминаниях отмечает отличную боевую работу наших летчиков во главе с Героем Советского Союза Я. В. Смушкевичем. В его подчинении было еще 20 Героев Советского Союза, получивших боевой опыт в Испании. Воздушные бои на Халхин-Голе иногда были такой интенсивности, что с обеих сторон участвовало больше чем по 100 самолетов. Наши летчики по мастерству и по храбрости превосходили противника. В течение четырех дней, с 22 по 26 июня, они сбили 64 японских самолета. Жуков говорит о Смушкевиче: «Это был великолепный организатор, отлично знавший боевую летную технику и в совершенстве владевший летным мастерством. Он был исключительно скромный человек, прекрасный начальник и принципиальный коммунист. Его искренне любили все летчики».

К несчастью, еще до начала Отечественной войны Смушкевич был арестован, невинно осужден, а затем и расстрелян в октябре 1941 года, в дни тяжелых боев, когда немцы штурмовали Москву. Как много бы он сделал для ее защиты! Добавлю еще, что Яков Владимирович был членом партии с 1918 года, в годы гражданской войны был комиссаром батальона и стрелкового полка, а с 1922-го — комиссаром эскадрильи и авиабригады. В 1931 году окончил Качинскую военную школу летчиков и был назначен командиром и комиссаром авиабригады. В 1936—1937 годах был в Испании добровольцем, где за мужество и отвагу в боях был удостоен звания Героя Советского Союза. За прекрасные действия в боях на Халхин-Голе Смушкевичу было присвоено

звание дважды Героя Советского Союза, он был назначен начальником Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

С большой теплотой Жуков вспоминает своего заместителя в этих боях, комбрига Михаила Ивановича Потапова, который благодаря своему спокойствию, уравновешенности и большим знаниям в военном деле очень помогал Жукову в этой операции. Позднее Жуков с ним встретится в первые же дни войны у самой границы на Юго-Западном фронте, когда Потапов командовал 5-й армией. Высоко отзывается Жуков о боевых качествах Ивана Ивановича Федюнинского, который в начале боевых действий на Халхин-Голе был заместителем командира полка по хозяйственной части, а затем был назначен командиром 24-го моторизованного полка и командовал им так умело, что Жуков запомнил его надолго и впоследствии брал его с собой на Ленинградский фронт, да и в других операциях тоже встречался с Федюнинским как со старым боевым товарищем.

16 сентября боевые действия были прекращены. Японское командование обратилось к Советскому правительству с просьбой о перемирии. В боях на Халхин-Голе японо-маньчжурские войска потеряли около 61 тысячи человек убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов и большое количество другого оружия и военной техники. Советско-монгольские войска потеряли 18,5 тысячи человек убитыми и ранеными и 207 самолетов.

Небольшая по размаху армейская операция на Халхин-Голе имела большие политические последствия. Она подействовала отрезвляюще на японское командование. Об этом свидетельствует такой факт: вскоре после этих боев в ответ на нажим германских союзников, желавших, чтобы Япония одновременно с Германией вступила в войну с Советским Союзом, принц Коноэ признался германскому послу Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, которые показала Советская Армия в боях в районе Халхин-Гола». Японцы обещали вступить в войну и поддержать Германию только в случае захвата немецкими войсками Москвы. Это дало нам возможность привлечь максимум сил с Дальнего Востока на Западный фронт.

Для самого Жукова это была первая крупная армейская операция, которую он задумал и осуществил сам. Несомненно, для полководца, только вступающего на стезю боевых действий, это имеет большое значение, придает ему уверенность в своих силах, создает популярность — качество, тоже необходимое военачальнику. После этой победы о Жукове заговорили не только в нашей стране, но и в военной среде всего мира. Кроме того, победа на Халхин-Голе и все, что с ней связано, давала еще опыт и расширяла кругозор политического мышления Георгия Константиновича. Это было связано уже с международными отношениями государств, с большой политикой, с которой он раньше в практике своей работы не соприкасался. Ну и еще одно, для того времени очень важное последствие этой победы — Жуков показал свой талант, свои способности, чем снискал расположение Сталина, а это очень много значило тогда, может быть, это и спасло его от участи многих других

военачальников, репрессированных в те годы. Халхин-Гол спас Жукова от ареста, который назревал перед его отъездом в Монголию. После одержанной победы вопрос об аресте снимался, хотя в этом отношении действия Сталина были непредсказуемы.

Сам Жуков говорил об этом так:

— В тридцать седьмом и тридцать восьмом годах на меня готовились соответствующие документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то бегал с портфелем, в котором они лежали. В общем, дело шло к тому, что я мог кончить тем же, чем тогда кончили многие другие. И вот после всего этого — вдруг вызов и приказание ехать на Халхин-Гол. Я поехал туда с радостью. И вспоминаю об этом тоже с радостью. Не только потому, что была удачно проведена операция, которую я до сих пор люблю, но и потому, что я своими действиями там как бы оправдался, как бы отбросил от себя все те наветы и обвинения, которые скапливались против меня в предыдущие годы и о которых я частично знал, а частично догадывался.

После завершения боевых действий, в мае 1940 года, Жукова вызвали в Москву, его принял Сталин. На беседе присутствовали Калинин, Молотов и другие члены Политбюро.

— Как вы оцениваете японскую армию? — спросил Сталин.

— Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнитель и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед харакири. Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону.

Далее Жуков охарактеризовал вооружение японской армии, артиллерию, танки, самолеты и особенно подчеркнул:

— Когда же к нам прибыла группа летчиков Героев Советского Союза во главе с Смушкевичем, наше господство в воздухе стало очевидным.

Как действовали наши войска?

Жуков в первую очередь особенно подчеркнул:

— Если бы в моем распоряжении не было двух танковых и трех мотоброневых бригад, мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить 6-ю японскую армию. Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооруженных сил бронетанковые и механизированные войска...

— Теперь у вас есть боевой опыт, — сказал Сталин. — Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

...Возвратясь в гостиницу «Москва», я долго не мог заснуть, находясь под впечатлением этой беседы. Внешность И. В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с каким он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление».

Этими словами кончается глава, в которой Жуков вспоминает о Халхин-Голе в своей книге. Но в рукописи

его было и продолжение, которое посчитали нужным снять. Вот что было еще сказано о Сталине: «Если он всегда со всеми такой, непонятно, почему ходит упорная молва о нем как о страшном человеке?»

Тогда не хотелось верить плохому».

Под записью стоит дата — 20.9.1965 г.

Написав эти слова спустя десять лет после XX съезда, Георгий Константинович, видимо, хотел точно передать свое мироощущение предвоенных лет, не внося в него позднейшего понимания.

...В дни, когда Жуков проводил первую в своей полководческой жизни успешную крупную операцию на Востоке, в Европе произошли события колоссальной исторической значимости — был заключен Пакт о ненападении между СССР и Германией, а 1 сентября гитлеровцы напали на Польшу, и запыхал пожар второй мировой войны.

Далее я подробно излагаю эти события, потому все они имеют непосредственное отношение к войне, да и к людям, с которыми судьба сведет Жукова в ближайшие дни.

НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЗАКУЛИСНЫЕ СГОВОРЫ

Все свои агрессивные акции Гитлер тщательно готовил при помощи дипломатов, а также так называемой «пятой колонны», имевшейся почти в каждой стране. Последняя распространяла «нужные» слухи — чаще всего это были слухи о миролюбии Германии, о том, что Гитлер и его правительство заботятся только о том, чтобы восстановить то положение страны, которое существовало до Версальского договора.

Приведу лишь один пример того, как Гитлер сам участвовал в такой подготовительной работе. Этот эпизод известен историкам, дипломатам, военным, но он, наверное, представит интерес и для широкой читательской аудитории, так как многое проясняет в таком историческом событии, каким является начало второй мировой войны.

В городе Данциге находился верховный комиссар Лиги Наций Буркхардт, его обязанностью было следить за выполнением статуса вольного города Данцига. Буркхардт, постоянно живший в Швейцарии, по профессии был историком, а по взглядам — сторонником того, что происходило в третьем рейхе. Впоследствии он написал мемуары. 10 августа 1939 года на квартиру Буркхардта позвонил лидер местных фашистов Форстер и сказал:

— Фюрер желает видеть вас завтра в четыре часа дня у себя в Оберзальцберге.

— Но это невозможно! Мое положение... И к тому же как я могу попасть туда за такой короткий срок?

Все предусмотрено. Фюрер предоставляет вам личный самолет... Сегодня в полночь аэродром будет оцеплен. О вашем отъезде никто не узнает...

Буркхардт, естественно, сообщил об этом приглашении в Лондон и Париж. Английский министр иностранных дел Галифакс попросил Буркхардта поговорить с Гитлером обстоятельно, явно намекая на то, чтобы он

узнал каковы его реальные планы на ближайшее будущее.

В назначенный час Буркхардт прилетел в Оберзальцберг, там его ждала машина, на которой по горному серпантину он двинулся к резиденции Гитлера «Бергхоф», вилле, сооруженной на высокой скале.

С первых же слов Гитлер обрушился на Польшу:

— Польша прибегает к угрозам в отношении Данцига! Польские газеты заявляют, что это именно тот язык, которым надо со мной разговаривать! Если вновь возникнет малейший инцидент, я без предупреждения разгромлю поляков, так что от них не останется и следа!

— Но это будет означать всеобщую войну,— сказал Буркхардт.

— Пусть так! Если мне суждено вести войну, я предпочитаю, чтобы это было сегодня, когда мне пятьдесят лет, а не когда будет шестьдесят! О чем, в сущности, идет речь? Только о том, что Германия нуждается в зерне и лесе. Для получения зерна мне нужна территория на востоке, для леса — колония, только одна колония. Все остальное ерунда. Я ничего не требую от Запада ни сейчас, ни в будущем. Раз и навсегда: ничего! Все, что мне приписывают,— выдумки. Но мне нужна свобода рук на востоке. Повторяю еще раз — вопрос идет только о зерне и лесе.

В конце концов Гитлер прямо сказал:

Все, что я предпринимаю, направлено против России. Мне нужна Украина, чтобы нас не могли морить голодом, как в прошлую войну.

Он еще и еще повторял эту мысль, словно для того, чтобы Буркхардт все лучше запомнил и поточнее передал тем, на кого был мастерски рассчитан весь этот разговор. Провожая Буркхардта, Гитлер заявил:

— Я хочу жить в мире с Англией. Я готов гарантировать английские владения во всем мире и заключить с ней пакт об окончательном урегулировании.

Он даже выразил согласие встретиться с этой целью с кем-либо из английских руководящих лиц.

После встречи Буркхардт немедленно вылетел в Базель и в секретном разговоре передал английским и французским представителям министерств иностранных дел заманчивые предложения Гитлера, причем ни он, ни его собеседники не подозревали, что все это было предпринято фюрером ради маскировки удара по Польше, дабы изолировать ее от западных союзников, связать им руки этими своими обещаниями!

Именно в эти дни в Москву прибыли военные миссии западных держав, и Гитлер, опасаясь, чтобы Англия и Франция не договорились с Советским Союзом о заключении совместного оборонительного пакта, решил подбросить западным союзникам уверения, что он никогда не будет с ними воевать и никаких намерений на Западе у него абсолютно нет.

Для того чтобы читатели могли воочию убедиться в хитрости и вероломстве Гитлера, я обращаю внимание на несколько фактов и дат. Разговор, который приведен выше, состоялся 11 августа. Планы войны против Польши к тому времени уже были полностью отработаны, все документы об этом подписаны, и войска находились в состоянии боевой готовности. 5 августа, то есть за

шесть дней до этого разговора, шеф службы безопасности Гейдрих вызвал в свою резиденцию на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине тайного агента Альфреда Наужокса, того самого, который был причастен к фабрикации фальшивок по делу Тухачевского и других советских военачальников. Гейдрих дал задание Наужоксу подготовить и провести операцию, с которой, собственно, и началось нападение на Польшу. Эта провокация широко известна, много раз описана, поэтому я напому ее в общих чертах. Переодевшись в польскую военную форму, немецкие разведчики совершили налет на свою же радиостанцию в городе Глейвице и, разгромив ее, подбросили польские документы и оставили труп заранее привезенного с собой уловника, одетого тоже в польскую форму.

Немецкие радиостанции немедленно передали сообщение о провокационном нападении «поляков», а на рассвете 1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут германские армии вторглись на территорию Польши на всем протяжении границы. Этот день в мировой истории принято считать началом второй мировой войны. Позднее, после войны, Наужокс, в свое время представший перед Нюрнбергским судом в качестве одного из военных преступников, сказал в своем предисловии к книге, написанной о нем и названной «Человек, который начал войну»: ...необходим был человек, чтобы подготовить инцидент, чтобы, так сказать, нажать курок. Я был этим человеком...

Беседа Буркхардта с Гитлером состоялась 11 августа, а 12 августа в Москве начались переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции.

Советское правительство, обеспокоенное агрессивными акциями Германии в Европе и имея данные о том, что Гитлер готовится к нападению и на Советский Союз, предпринимало попытки договориться с правительствами Англии и Франции о совместных усилиях по борьбе с агрессором. Однако некоторые руководители Англии и Франции все еще надеялись, что Гитлер, направив свой удар на восток, против Советской страны, завязнет в этой войне и, сильно ослабев в ней, станет более сговорчивым или, во всяком случае, неопасным ни для Англии, ни для Франции.

Намереваясь испугать Гитлера возможным союзом с СССР, английское и французское правительства предложили советским руководителям провести переговоры, результатом которых был бы проект договора между этими странами. Но это была лишь официальная сторона дела. В действительности же это скорее был прием для того, чтобы толкнуть Германию против СССР. Они понимали, что Гитлер предпримет все, чтобы не допустить подписания такого договора: ведь для рейха война на два фронта — против Советского Союза на востоке и против Англии и Франции на западе — была смерти подобна.

Англия и Франция подготовили свои военные миссии, но уже из того, каков был их состав и как долго они собирались, из тех инструкций, что были им даны (а они теперь известны), ясно, что переговоры были рассчитаны только на затягивание времени. Эти переговоры

дают возможность понять расстановку сил и интересы ведущих европейских государств в те годы, поэтому не случайно Жуков включил в свои воспоминания несколько абзацев о работе военных миссий Англии, Франции и СССР. Поскольку Жуков считал это важным, я приведу несколько эпизодов, расширяющих наше понимание этого отрезка истории.

В Лондоне наш посол И. Майский устроил завтрак в честь английской и французской миссий, направлявшихся в Москву. На этом завтраке посол, как и полагается опытному дипломату, хотел выяснить, хотя бы ориентировочно, настроение и намерения делегаций. Как оказалось, главой британской делегации был назначен престарелый адмирал Дрэкс. Будучи всего только комендантом Портсмута, Дрэкс никакого влияния в армии не имел, ничего собой не представлял для того, чтобы возглавить такую делегацию.

В разговоре с Дрэксом Майский спросил:

Скажите, адмирал, когда вы отправляетесь в Москву?

Это окончательно еще не решено, но в ближайшие дни.

— Вы, конечно, летите?

— О нет! Нас в обеих делегациях, вместе с обслуживающим персоналом, около сорока человек, большой багаж... На аэроплане лететь неудобно.

Может быть, вы отправитесь в Советский Союз на одном из ваших быстроходных крейсеров? Это было бы очень сильно и внушительно: военные делегации на военном корабле... Да и времени от Лондона до Ленинграда потребовалось бы немного.

— Нет, и крейсер не годится. Пришлось бы выселить два десятка офицеров из кают и занять их место... Зачем доставлять людям неудобство? Нет, нет! Мы не пойдем на крейсере.

Как оказалось, делегация после десятидневных сборов лишь 5 августа отправилась на тихоходном товарно-пассажирском пароходе «Сити оф Эксетер». В будущей же работе им предстояло руководствоваться такой инструкцией: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам. Что-нибудь вроде согласованного заявления о политике отвечало бы этой цели». И было в этой инструкции даже такое, ну, прямо скажем, совсем странное указание: «делегация должна вести переговоры очень медленно, следя за ходом политических событий».

Член французской миссии генерал Бофр позднее писал: «Можно заключить, что англичане не имели никаких иллюзий в отношении результата предстоявших переговоров и что они стремились прежде всего выиграть время. Это было далеко от того, о чем мечтало общественное мнение».

Советскую делегацию возглавлял народный комиссар обороны маршал К. Е. Ворошилов, членами являлись начальник Генерального штаба командарм 1 ранга Б. М. Шапошников, народный комиссар ВМФ флагман флота 2 ранга Н. Г. Кузнецов, начальник ВВС

командарм 2 ранга А. Д. Локтионов и заместитель начальника Генерального штаба комкор И. В. Смородинов. Этот состав явно показывает, что в делегацию были включены военные руководители первой величины и советская сторона была готова к самым серьезным решениям.

На первом же заседании глава английской миссии хотел завязать дискуссию о целях и общих принципах сотрудничества, то есть действовал в соответствии с имеющейся у него инструкцией. Однако Ворошилов довольно жестко постарался перевести разговор в конкретное русло:

— Цель у нас ясна, и теперь идет вопрос о выработке плана для достижения этой цели, вот этим я и предлагаю заняться.

Началось обсуждение того, как Англия, Франция и СССР должны совместно действовать, если начнется война с фашистской Германией. Камнем преткновения стала проблема — пропустят ли Польша и Румыния через свою территорию советские войска в случае нападения Германии на Францию, Англию или союзные с ними страны — для помощи им? Выяснилось, что миссии Англии и Франции не могли предложить никаких определенных планов по этому поводу; воздействовать же на Польшу и Румынию в соответствующем направлении они отказывались, а у СССР с этими странами никаких договоров не было.

Работа военных миссий началась в Москве 12 августа, но к 14 августа уже было ясно, что никакого результата эти переговоры не дадут, и поэтому советская военная миссия вскоре заявила следующее: «Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии. Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции... заранее обречено на неуспех». И позже: «...ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны».

По всему было видно, что все три участника переговоров не в полной мере понимали опасность, исходящую от фашизма. Это, безусловно, относится к позиции Англии и Франции, да и наша делегация далеко не все сделала, чтобы воздвигнуть барьер против фашистской агрессии. Ворошилов, не имея дипломатического опыта, вел диалог слишком прямолинейно и, по сути дела, не искал компромиссов.

Тем временем в Лондоне предпринимались различные шаги, чтобы найти пути для сговора с фашистской Германией, и если не удастся толкнуть Гитлера на войну с Советским Союзом, то залучить его в коалицию и осуществить это вместе с Англией и Францией. Прогермански настроенная группа политических деятелей Англии рассчитывала, что при всем своем безрассудстве Гитлер все-таки сделает правильный, с их точки зрения, выбор и войне на два фронта предпочтет договоренность с западными державами. 1 августа советник германского посольства Кордт направил в

министерство иностранных дел в Берлин как бы итоговое донесение о всех состоявшихся до этого в Лондоне разнообразных и напряженных переговорах.

В этих переговорах, писал он, английская сторона признавала, что «руководящие круги Германии и Великобритании должны попытаться путем переговоров, с исключением всякого участия общественного мнения, найти путь к выходу из невыносимого положения... что «Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сфер интересов...» и «обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, представленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов... Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе. Великобритания обещает прекратить в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом...».

Из этого донесения отлично видна готовность правящих кругов Англии предать Польшу. Ведь именно она подразумевается под «некоторыми государствами в германской сфере интересов», от гарантий помощи которым в случае нападения Германии Великобритания готова была отказаться и повлиять в этом отношении на Францию. Обещание же отозвать свою миссию, которая находится в СССР, еще раз подтверждает, что работой этой миссии Великобритания только пугала и привлекала на свою сторону Германию.

Однако Гитлер, не доверяя предложениям Англии, видя, что переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой, уже идут в Москве, решил предпринять энергичные шаги, чтобы договоренность между ними так и не состоялась. Он опасался этого союза, потому что тогда ему противостояла бы мощная коалиция и его агрессивные планы в Европе просто рухнули бы.

Немецкая дипломатия начинает усиленно зондировать возможность сближения с Советским Союзом, а Советский Союз, не сумев найти путей к договоренности с Англией и Францией, не стал уклоняться от этого сближения. В результате бесед с советником советского посольства в Берлине Г. Астаховым, а также нескольких бесед германского посла в СССР фон Шуленбурга с Молотовым была достигнута принципиальная договоренность о приезде министра иностранных дел Германии Риббентропа в Москву.

После переговоров на уровне послов и министров Гитлер и Сталин обменялись телеграммами. Вот телеграмма Гитлера от 20 августа 1939 года (получена в Москве 21 августа):

«Господину Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень в перестройке германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим госу-

дарствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне ваш министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый Советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время.

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, имперский министр иностранных дел не сможет остаться в Москве более чем на один-два дня. Я буду рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

Гитлер был хорошо осведомлен о том, что английская и французская миссии тянут переговоры и не имеют даже полномочий на подписание договора. Не случайно он подчеркивает, что его имперский министр может быть в Москве всего один-два дня и что он имеет полные полномочия составлять текст соглашения и подписывать сам пакт без долгих проволочек. Гитлер торопил события.

В тот же день, а именно 21 августа 1939 года, Сталин ответил Гитлеру:

«Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру.

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

Так началась сложная личная политическая «игра» между двумя диктаторами. Обычно в таких акциях говорится и пишется одно, а в действительности скрывается совсем иное. Напомню лишь одну фразу из беседы Гитлера с Буркхардтом, которая состоялась за девять дней до написания письма Сталину:

— Я хочу жить с Англией в мире. Я готов гарантировать английские владения во всем мире... Все, что я предпринимаю, направлено против России.

У нас есть возможность узнать тайные замыслы Гитлера именно этих дней не в пересказе, а от него самого. На следующий день после получения письма от Сталина, 22 августа 1939 года, Гитлер вел разговор в Оберзальцберге с командующим всеми видами вооруженных сил Германии. Фюрер был полностью откровенен, так как говорил с теми, кому предстояло осуществлять его замыслы.

Записи этого разговора были обнаружены в материалах министерства иностранных дел рейха. Вот некоторые фрагменты из них.

«С осени 1938 года... я решил идти вместе со Сталиным... Сталин и я — единственные, которые смотрим только в будущее. Так, я в ближайшие недели на германо-советской границе подам руку Сталину и вместе с ним приступлю к новому разделу мира... Генерал-полковник фон Браухич обещал мне войну с Польшей закончить в течение нескольких недель. Если бы он мне доложил, что потребуются даже два или один год для этого, я бы не дал приказа о наступлении и договор бы заключил не с Россией, а с Англией. Мы не можем вести длительную войну. Несчастливых червей — Даладые и Чемберлена я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не могут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть наша автаркия и русское сырье. Польша будет опустошена и заселена немцами. Мой договор с Польшей был только выигрышем во времени. В общем, господа, с Россией случится то, что я сделал с Польшей. После смерти Сталина, он тяжелобольной человек, мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства.

...Мы в дальнейшем будем сеять беспокойство на Дальнем Востоке и в Аравии. Мы являемся господами и смотрим на эти народы в лучшем случае как на лакированных обезьян, которые хотят почувствовать кнут.

Обстоятельства для нас благоприятные, как никогда. У меня только одна забота, что Чемберлен или какой-либо другой негодяй придет ко мне с предложениями о посредничестве. Он полетит с лестницы... Нет, уже поздно для этого. Наступление и уничтожение Польши начнется рано утром в воскресенье.

Я пушу несколько рот в польской форме на Верхнюю Силезию и протекторат. Поверит мир этому или нет — для меня безразлично. Мир верит только успеху...

Я был убежден, что Сталин никогда не примет предложений англичан. Россия не заинтересована в сохранении Польши, и Сталин знает, что его режиму придет конец независимо от того, выйдут ли его солдаты из войны победителями или побежденными. Смещение Литвинова сыграло решающую роль. Изменение отно-

шений с Россией я осуществил постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политические переговоры. Предложили заключить пакт о ненападении. Затем последовало многогранное предложение со стороны России. Четыре дня назад я сделал важный шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что готова к заключению договора. Установлен личный контакт со Сталиным. Послезавтра Риббентроп заключит договор. Теперь Польша оказалась в том положении, в каком я стремился ее видеть».

А в действительности, в открытых отношениях говорилось и вершилось совсем другое.

23 августа 1939 года Риббентроп был уже в Москве, и прямо с дороги состоялась первая его трехчасовая беседа со Сталиным и Молотовым в присутствии германского посла фон Шуленбурга. А поздно вечером в тот же день была вторая беседа, закончившаяся подписанием печально известного Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (текст договора — см. дополнение № 1).

Во время бесед Риббентропа с нашими тогдашними руководителями кроме отношений между Германией и Советским Союзом обсуждались также взаимоотношения обеих держав с другими странами мира.

В беседах с Молотовым в начале 80-х годов я спросил его, как проходило обсуждение и подписание договора. Эти рассказы, а также стенографическая запись беседы, сделанная немецким переводчиком¹, позволяют получить представление, о чем же говорилось в те вечер и ночь в Кремле.

В числе прочих тем зашел разговор о Японии. Риббентроп сказал:

— Германо-японская дружба не направлена против Советского Союза. Более того, мы в состоянии, имея хорошие отношения с Японией, внести вклад в дело улаживания разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин желает этого, то я готов действовать в этом направлении и соответствующим образом использовать свое влияние на японское правительство и буду держать в курсе событий советских представителей в Берлине.

Сталин, немного подумав, ответил:

— Советское правительство действительно желает улучшить своих отношений с Японией, но есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится войны и готов к ней. Если Япония хочет мира — это намного лучше! Конечно, помощь Германии в деле улучшения советско-японских отношений была бы полезной. Но я бы не хотел, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива этого исходит от Советского Союза.

— Разумеется, все будет сделано, как вы желаете, — сказал Риббентроп. — Я буду продолжать уже имевшие место беседы с японским послом в Берлине об улучшении советско-японских отношений. Никакой новой

¹ Эта запись входит в состав документов германского министерства иностранных дел, которые были опубликованы госдепартаментом США в 1948 году, а в 1983 году вышли там же на русском языке (издательство «Telex»).

инициативы ни с вашей стороны, ни с нашей стороны в этом вопросе не будет.

На вопрос Сталина об отношениях Германии с Турцией Риббентроп сказал:

— Мы имеем сведения, что Англия потратила пять миллионов фунтов стерлингов на распространение антигерманской пропаганды в Турции.

Сталин на это заметил:

По моей информации, суммы, затраченные Англией для подкупа турецких политических деятелей, много больше пяти миллионов фунтов. И вообще поведение английского правительства выглядит очень странным. Как вы знаете, недавно мы начали переговоры с британской миссией, и вот в течение этих переговоров британская миссия так и не высказала Советскому правительству, что же она в действительности может и чего хочет.

— Англия всегда пыталась и до сих пор пытается подорвать развитие хороших отношений между Германией и Советским Союзом,— сказал Риббентроп.— Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство.

— Британская армия слаба,— согласился Сталин.— Британский флот больше не заслуживает своей прежней репутации. Английский воздушный флот увеличивается, но Англии не хватает пилотов. Если, несмотря на все это, Англия еще господствует в мире, то это происходит лишь благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией.

Риббентроп согласился с этим мнением Сталина и, слегка понизив голос, как бы подчеркивая конфиденциальность своего заявления, сказал Сталину:

— На днях Англия снова прощупывала почву с виноватым упоминанием 1914 года. Это был типично английский глупый маневр. Я предложил фюреру сообщить англичанам, что в случае германо-польского конфликта ответом на любой враждебный акт Великобритании будет бомбардировка Лондона.

Сталин сказал:

Несмотря на свою слабость, Англия будет вести войну ловко и упрямо. А если еще учесть ее союз с Францией, то надо помнить, что Франция располагает армией, достойной внимания.

Риббентроп ответил:

— Французская армия численно меньше германской. В то время как наша армия в ежегодных наборах имеет по триста тысяч солдат, Франция может набирать ежегодно только сто пятьдесят тысяч рекрутов. К тому же наш Западный вал в пять раз сильнее, чем линия Мажино. Если Франция попытается воевать с Германией, она определенно будет побеждена.

(Добавлю здесь, что Риббентроп сильно привирал, говоря о Западном вале, иначе линии Зигфрида; в то время она существовала по большей части лишь на бумаге, так как только строилась.— В. К).

Зашел разговор и об антикоминтерновском пакте, на что Риббентроп заявил:

— Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против за-

падной демократии. Да мы по тону вашей русской прессы видели, что Советское правительство осознает это полностью.

Сталин сказал:

— Антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонское Сити и мелких английских торговцев.

Риббентроп согласился со Сталиным и даже пошутил:

— Конечно же, вы, господин Сталин, напуганы антикоминтерновским пактом меньше лондонского Сити и английских торговцев. У нас среди берлинцев ходит широко известная шутка: «Сталин еще присоединится к антикоминтерновскому пакту».— Присутствующие улыбнулись этой шутке, а Риббентроп продолжал: — Германский народ, особенно простые люди, тепло приветствует установление понимания с Советским Союзом. Народ чувствует, что естественным образом существующие интересы Германии и Советского Союза нигде не сталкиваются и что развитию хороших отношений ранее препятствовали только иностранные интриги, особенно со стороны Англии.

— И я верю в это,— сказал Сталин,— немцы желают мира и поэтому приветствуют дружеские отношения между Германским государством и Советским Союзом...

Риббентроп не сдержался и прервал Сталина:

— Германский народ, безусловно, хочет мира, но, с другой стороны, возмущение Польшей так сильно, что все до единого готовы воевать. Германский народ не будет более терпеть польских провокаций.

Сталин неожиданно предложил тост за фюрера:

— Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье!

Затем были провозглашены тосты за здоровье имперского министра иностранных дел Риббентропа и посла графа фон Шуленбурга. Молотов поднял бокал за здоровье Сталина, Риббентроп, в свою очередь, тоже предложил тост за Сталина и за благоприятное развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

Уже прощаясь, Сталин сказал Риббентропу:

— Советское правительство относится к новому договору очень серьезно. Я могу дать честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера.

31 августа на внеочередной сессии Верховного Совета СССР был ратифицирован советско-германский договор о ненападении. В своем выступлении Молотов в числе прочего сказал:

...Всем известно, что на протяжении последних шести лет, с приходом национал-социалистов к власти, политические отношения между Германией и СССР были натянутыми. Известно также, что, несмотря на различие мировоззрений и политических систем, Советское правительство стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. Сейчас нет нужды возвращаться к отдельным моментам этих отношений за последние годы, да они вам, товарищи депутаты, и без того хорошо известны. Следует, однако, напомнить о том разъяснении нашей

внешней политики, которое было сделано несколько месяцев тому назад на XVIII партийном съезде... Товарищ Сталин предупреждал против провокаторов войны, желающих в своих интересах втянуть нашу страну в конфликт с другими странами. Разоблачая шум, поднятый англо-французской и североамериканской прессой по поводу германских «планов» захвата Советской Украины, товарищ Сталин говорил тогда: «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых к тому оснований».

Как видите, товарищ Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз... Заключение советско-германского Договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение товарища Сталина блестяще оправдалось. **(Бурная овация в честь тов. Сталина.)**»

Через два года всем стало хорошо известно, что «предвидение» Сталина не только не оправдалось, а ввергло нашу страну в такие беды, что все мы вместе с нашим государством едва остались целы. Как выяснилось позже, и пакт о ненападении, и вся политика Гитлера и его дипломатов были только маскировкой готовящейся войны. Под этой дымовой завесой Гитлер собирал силы для того, чтобы удар по нашей стране был предельно мощным. А наш «дальновидный» Сталин ничего этого не понял, не разгадал, все принимал за чистую монету.

Думаю, что здесь необходимо сказать и о тех секретных соглашениях, которые служили дополнением к заключенному Договору о ненападении. Они давно опубликованы за рубежом, о них знает весь мир, сегодня они стали предметом обостренного внимания и у нас, особенно в республиках Прибалтики. В нашей прессе эти документы до сих пор не были обнародованы на том основании, что они известны только в фотокопиях, но дело в том, что все последующие события развивались так, что сомневаться в наличии этих соглашений, увы, не приходится. Фактически было осуществлено все то, что в них предусматривалось.

Мне кажется, что в период перестройки пора сказать полную правду об этих соглашениях. Не будем же мы для этого ждать еще полвека! И нам нечего бояться — ведь мы не можем нести ответственность задним числом за политическую нечистоплотность и отход от принципов интернационализма, допущенные Сталиным, Молотовым и другими руководителями.

На I Съезде народных депутатов СССР в июне 1989 года была создана специальная Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 года.

Перед принятием решения о создании комиссии М. С. Горбачев заявил: «Проблема эта стоит давно, она обсуждается, изучается и историками, и политологами, и соответствующими ведомствами. И я должен сказать: пока мы обсуждаем в научном плане, в ведомствах каких-то, уже все документы, в том числе и секретное приложение к этому договору, опубликованы

езде. И пресса Прибалтики все это опубликовала. Но все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом... Мы давно занимаемся этим вопросом. Подлинников нет, есть копии, с чего — не известно, за подписями, особенно у нас вызывает сомнение то, что подпись Молотова сделана немецкими буквами...

Видимо, М. С. Горбачева неточно информировали. На фотокопиях этих документов подписи Молотова обычные, на русском языке. Могу судить о схожести этих подписей с теми, которые стоят на фотографиях, подаренных мне Молотовым. Разумеется, подделать подпись не представляет трудностей, вспомните хотя бы фальсификацию подписи Тухачевского. Но уместен вопрос: кому и зачем понадобилось подделывать подписи под текстом якобы «несуществовавших» секретных договоров?

Что касается подписей Молотова латинскими буквами, то они были. Договоры и протоколы печатались на двух языках, Молотов подписывал русский вариант по-русски, а немецкий латинскими буквами, хотя это по протоколу и не предусматривается.

Вот секретный протокол, служивший дополнением к подписанному пакту о ненападении.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

При подписании Договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно Юго-Востока Европы, с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

Таков этот подписанный советским представителем откровенный раздел сфер влияния с фашистской Германией. К сожалению, эту политическую авантюру уже не зачеркнешь и из истории не выбросишь.

В уже упомянутой речи 31 августа Молотов говорил с трибуны Верховного Совета СССР: «Советско-германский Договор о ненападении означает поворот в развитии Европы, поворот в сторону улучшения отношений между двумя самыми большими государствами Европы. Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира...»

В типографии «Правды» еще набирали эти слова, а в ночь на 1 сентября германские бомбы уже сыпались на города Польши, и механизированные колонны фашистов мчались по польским дорогам.

2 сентября 1939 года в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС:

«Берлин, 1 сентября (ТАСС).

По сообщению Германского информационного бюро, сегодня утром германские войска в соответствии с приказом верховного командования перешли германо-польскую границу в различных местах. Соединения германских военно-воздушных сил также отправились бомбить военные объекты в Польше».

Вот такое бесстрастное заявление по поводу беды, постигшей соседнее с нами государство.

Официально в прессе царил нейтральность, а за кулисами шла другая жизнь.

9 сентября Молотов послал Риббентропу телефонограмму, которую иначе чем кощунственной не назовешь:

«Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия Правительству Германской Империи.

Молотов».

Сообщая, что немецкие войска уже «вошли в Варшаву», гитлеровцы тем самым хотели ускорить начало наступления и советских войск на оговоренную в протоколе польскую территорию. Они при этом не обманывали, но окончательно Варшава капитулировала только 27 сентября. Поэтому не случайно Молотов 14 сентября просил (после поздравления!), «чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы». Германский посол в Москве Шуленбург так докладывает об этом в министерство иностранных дел в Германии:

«Срочно! Совершенно секретно! От 14 сентября 1939 года, 18 часов 00 минут.

Молотов вызвал меня сегодня в 16 часов и заявил, что Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им (Молотовым) во время последней беседы срока. Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защита русских «меньшинств»), Советам было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши — Варшава. Молотов

поэтому просит, чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы... Я хотел бы обратить ваше внимание на сегодняшнюю статью в «Правде», к которой завтра прибавится аналогичная статья в «Известиях». Эти статьи содержат упомянутую Молотовым политическую мотивировку советской интервенции.

Шуленбург».

Когда настал момент для начала действий Красной Армии, Сталин пригласил Шуленбурга в Кремль и сделал ему заявление, о котором германский посол тут же телеграфировал в Берлин:

«Очень срочно! Секретно! 17 сентября 1939 года.

Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем ее протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска.

Во избежание инцидента Сталин спешно просит нас проследить за тем, чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток — Брест-Литовск — Лемберг¹. Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга.

Советская комиссия прибудет в Белосток завтра, самое позднее послезавтра.

Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже сегодня ночью польскому послу и копия которой в течение дня будет разослана всем миссиям, а затем опубликована. В ноте дается оправдание советских действий. Зачитанный мне проект содержал три пункта, для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет. Сталин заявил, что вопрос о публикации германо-советского коммюнике не может быть поставлен на рассмотрение в течение ближайших двух-трех дней.

В будущем все военные вопросы, которые возникнут, должны выясняться напрямую с Ворошиловым генерал-лейтенантом Кестрингом.

Шуленбург».

Необходимо, мне кажется, привести здесь и текст правительственной ноты, которая разослана всем послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР, в которой объяснялись и оправдывались действия Советского Союза в отношении Польши.

«17 сентября 1939 года.

Господин посол,

польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение 10 дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная

¹ Львов

самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может более относиться к этим фактам безразлично.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверение в совершенном к вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных дел СССР
В. Молотов».

И опять, в который уже раз, даже в таком официальном, разосланном по всему миру документе, Сталин и Молотов кривили душой и говорили неправду, особенно в той части, где они обещали «выволить польский народ из злополучной войны» и дать ему «возможность зажить мирной жизнью».

Документы, которые стали известны в наше время (я уже говорил выше о том, что это документы германского министерства иностранных дел), свидетельствуют совсем о другом. Вот телеграмма германского посла в Москве, отправленная в министерство иностранных дел Германии 25 сентября 1939 года:

«Совершенно секретно! Срочно!

Сталин и Молотов попросили меня прибыть в Кремль сегодня в 20 часов. Сталин заявил следующее. При окончательном урегулировании польского вопроса нужно избежать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом. С этой точки зрения он считает неправильным оставлять независимым остаток Польского государства. Он предлагает следующее: из территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга, должны быть добавлены к нашей (германской) порции. За это мы отказываемся от претензий на Литву.

Сталин указал на это предложение как на предмет будущих переговоров с имперским министром иностранных дел и добавил, что, если мы согласны, Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства. Сталин подчеркнул указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию.

Я ответил Сталину, что доложу своему правительству.

Шуленбург».

27 сентября Риббентроп снова прилетел в Москву, и 28 сентября им и Молотовым был подписан новый германо-советский «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией». Этот договор официально и юридически закреплял раздел территории Польши между Германией и Советским Союзом, к нему прилагалась соответствующая карта, на которой была указана новая граница, и эту карту подписали Сталин и Риббентроп.

К этому договору прилагались два дополнительных секретных протокола. В одном из них фиксировались те изменения в территориальных разграничениях, о которых еще раньше договорился Сталин: о том, что Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отходят в сферу влияния Германии, а Советскому Союзу теперь отдается вся литовская территория.

В своем комментарии при создании уже упомянутой Комиссии М. С. Горбачев еще сказал:

— Секретного протокола пока нет, и мы его оценить не можем. Я думаю, вообще комиссия такая должна быть, с этим я действительно согласился бы. Она должна выработать политическую и правовую оценку этого договора о ненападении, без упоминания секретного протокола, поскольку все архивы, что мы перерыли у себя, ответа не дали. (Хотя, я вам скажу, историки знают и могли бы вам сказать: вот то-то происходило, двигались навстречу две мощные силы, и на каких-то рубежах, так сказать, это соприкосновение совершенно остановилось. Что-то лежало в основе. Но это пока рассуждения. Поэтому тут требуется разбирательство, анализ всех документов, всей той ситуации, как она шла... Это не простой вопрос, но раз он есть, уходить, уклоняться, я думаю, не нужно... давайте братья и изучать...)

М. С. Горбачев предлагает не уклоняться. Раз для изучения вопроса нужны документы, я приведу опубликованный в США текст второго секретного протокола, и давайте попытаемся самостоятельно оценить ситуацию.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского Договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

По уполномочию

Правительства СССР В. Молотов.

За Правительство

Германии

И. Риббентроп.

Москва, 28 сентября 1939 года.

Вот так, черным по белому, зафиксирован сговор с фашистским режимом о единых действиях, препятствующих агитации и пропаганде за возрождение Поль-

ши, сговор, свидетельствующий о полной утрате тогдашними советскими руководителями интернационалистских принципов.

После того как были напечатаны эти строки в журнале, появились новые, ранее неизвестные, сведения об этих договорах. Для того чтобы завершить эту тему с наиболее возможной на сегодняшний день ясностью, приведу выдержки из исследования комиссии I Съезда народных депутатов СССР и то, что я разыскал сам как дополнение к этим исследованиям.

Почему я говорю «на сегодняшний день»? Потому что документы, касающиеся международных отношений тех дней, известны лишь германские и советские. Что касается документов, имеющих у английской и американской сторон, то Англия объявила их закрытыми до 2017 года, а США вообще не указывает срока ограничения.

Германская и советская стороны, согласно договоренности (несмотря на то что воевали не на жизнь, а на смерть), свято хранили тайну секретных соглашений.

Впервые о существовании протокола публично было упомянуто на Нюрнбергском процессе, когда военные преступники, сидевшие на скамье подсудимых, пытались перевернуть обвинение и, опираясь на секретные договоры, доказать, что советские руководители, подписавшие эти соглашения, являются равноценными соучастниками агрессии. Защитник Гесса — Альфред Зейдль представил суду показания бывшего начальника юридического отдела МИД Германии Фридриха Гауса, который сопровождал Риббентропа в поездке в Москву для подписания договора в августе 1939 года.

Вот выдержка из его письменных показаний.

При допросе в суде статс-секретаря германского МИД Вайцеккера защитник Гесса опять стал задавать ему вопросы о секретном протоколе. Вайцеккер подтвердил существование такого документа и подробно пересказал его содержание, которое полностью совпало с показаниями Гауса.

Председатель суда спросил:

Свидетель, вы видели подлинник этого секретного соглашения?

Вайцеккер ответил:

— Да, я видел фотокопию этого соглашения, может быть, я видел даже подлинник, но, во всяком случае, фотокопию я держал в руках. Один экземпляр фотокопии был заперт у меня в сейфе.

Во время объявленного перерыва Главный обвинитель от СССР Руденко заявил протест по поводу этих дебатов о секретном договоре, так как до начала процесса главные обвинители стран-победительниц договорились не касаться таких вопросов, которые могут быть использованы обвиняемыми для поворота в свою пользу. В числе прочих от советской стороны были определены не подлежащими обсуждению «советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношение».

Комитет обвинителей подтвердил Руденко. В результате трибунал отклонил протест защитника Зейдля и постановил исключить из его речи обвинения в адрес СССР и не включать их в протокол. Однако в своем

последнем слове обвиняемый Риббентроп все же коснулся этой темы:

«Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта... а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны, еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад.

Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира, в противном случае я не могу объяснить телеграмму Сталина после окончания польской кампании, которая гласила: «Дружба Германии и Советского Союза, основанная на совместно пролитой крови, имеет перспективы быть длительной и прочной».

Так существование протокола получило огласку. Краткая история немецких оригиналов такова. Пока боевые действия на фронтах развивались для Германии успешно, договор и секретный протокол хранились в сейфе МИД Германии. Но когда стало ясно, что война может быть проиграна и огромные архивы едва ли удастся куда-то увезти и спрятать, Риббентроп приказал сделать микрокопии на фотопленку с наиболее важных документов.

Весной 1945 года поступило указание уничтожить архивы. Выполняя это указание, советник Карл фон Лёш уничтожил документы, но спрятал микрофильмы (20 катушек, где заснято 9 725 страниц документов) в железную коробку, обмотал ее промасленной тканью и зарыл в землю в парке замка Шёнберг (Тюрингия), куда в то время был вывезен архив. 12 мая 1945 года фон Лёш рассказал о документах подполковнику английской армии Роберту Томсону. А тот сообщил об этом союзникам-американцам. 14 мая коробку вырыли. 19 мая доставили в Лондон, где американцы сняли дубликаты со всех микрофильмов. С этих микрофильмов и сделаны фотокопии, на издание которых ссылался я и которые сегодня известны всему свету.

Однако если прояснился вопрос об оригиналах немецкой стороны, то куда делись подлинники, принадлежащие нашей, советской стороне?

Как стало известно недавно, секретный протокол нашей стороны хранился в личном сейфе Молотова. О протоколе, подписанном от имени государства, не знал никто, кроме присутствовавших при его подписании. Не было об этом известно ни Политбюро ЦК партии, ни Верховному Совету СССР.

В печати содержание протокола впервые было опубликовано 23 мая 1946 года (газета «Сан-Луи пост диспетч»), а позднее во многих сборниках документов.

В советской печати о протоколе не только не упоминалось, но даже отрицалась возможность его существования, если появлялось какое-нибудь сообщение за рубежом.

В 1989 году I Съезд народных депутатов СССР поручил созданной под председательством А. Н. Яковлева комиссии дать «политическую и правовую оценку советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года». Комиссия ознакомилась с архивами МИД, Министерства обороны, КГБ,

Главного архивного управления, Общего отдела ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма. Запрашивала немецкие документы через посольство ФРГ. Нигде оригиналы секретного протокола не найдены.

Дальше я привожу обоснование комиссий, почему она все же считает возможным признать существование протокола, несмотря на отсутствие подлинников.

«Действительно, оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Тем не менее комиссия считает возможным признать, что секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал.

Первое. В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым — Подцеробу. Таким образом, оригиналы у нас были, а затем они исчезли. Куда они исчезли, ни комиссия, никто об этом не знает. Вот текст этой записки: «Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего Секретариатом товарища Молотова Смирнов и старший помощник Министра иностранных дел Подцероб, сего числа первый сдал, второй принял следующие документы особого архива Министерства иностранных дел СССР.

1. Подлинный секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года на русском и немецком языках плюс 3 экземпляра копии этого протокола».

Дальше не относящиеся к этому делу, в одном случае 14, а в другом — еще несколько документов. Подписи: «Сдал Смирнов; принял Подцероб».

Следующий факт. Найдены заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР

Третье. Криминалисты провели экспертизу подписи Молотова в оригинале договора о ненападении, подлинник которого, как вы сами понимаете, у нас есть, и в фотоконии секретного протокола. Эксперты пришли к выводу об идентичности этих подписей.

Четвертое. Оказалось, что протоколы, с которых сняты западногерманские фотоконии, были напечатаны на той же машинке, что и хранящийся в архивах МИД СССР подлинник договора. Как вы понимаете, таких совпадений не бывает.

И наконец, пятое. Существует разграничительная карта. Она напечатана, завизирована Сталиным. Карта разграничивает территории точно по протоколу. Причем на ней две подписи Сталина. В одном случае — общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин красным карандашом делает поправку в нашу пользу и еще раз расписывается на этой поправке.

Таким образом, дорогие товарищи, эти соображения не вызывают малейших сомнений в том, что протокол такой существовал».

Таково заключение комиссии.

А теперь я расскажу о дополнительных сведениях, на мой взгляд, тоже убедительно подтверждающих существование протокола. Я удивляюсь, как не пришло в голову никому из членов комиссии воспользоваться таким достоверным источником.

Просматривая свои материалы о тех далеких днях, перечитывая текст договора, вглядываясь в подписи под ним, рассматривая фотографии Нюрнбергского процесса, я размышлял о том, что участники тех событий — Сталин, Гитлер, Молотов, Риббентроп, Геринг, Гесс и другие — сошли с исторической сцены, никто уже не может рассказать, что и как тогда произошло. И вдруг я вспомнил. Еще жив один человек, который нередко бывал рядом со всеми этими деятелями, не только слышал их разговоры, но и помогал объясниться, — это переводчик Павлов Владимир Николаевич.

Бросив все дела, я немедленно стал добывать телефон и адрес Павлова. Именно добывать — в Москве найти нужного человека не так просто.

И вот я у Павлова. Меня встретила его жена — общительная и, сразу видно, властная дама. Она тут же предупреждает, что Владимир Николаевич не дает интервью, не пишет мемуаров, а со мной будет беседовать из уважения, которое испытывает ко мне как писателю. Маленький магнитофон, который я хотел использовать как записную книжку, она взяла и вынесла в прихожую.

— Будем говорить без этого...

В гостиную вошел Владимир Николаевич, непохожий на того, каким я видел его на многих фотографиях: там он небольшого роста, худенький и, я бы сказал, не выделяющийся, всегда сбоку или позади тех, кому помогает вести разговор. Теперь он пополнел, блондин от природы, стал совсем светлый, даже не седой, а какой-то выцветший. Ему за восемьдесят, но очень здоров, но память светлая, видимо, по профессиональной привычке не берет на себя инициативу разговора, а лишь отвечает на вопросы. Ему бойко помогает супруга.

Для знакомства я попросил Владимира Николаевича коротко рассказать о себе.

— Я никогда не собирался быть переводчиком, окончил энергетический институт, занялся научной работой, хотел увеличить прочность лопастей турбин. А языками увлекался для себя. Как сегодня говорят, это было хобби. Нравилось и легко давалось. Видно, от природы мне это было отпущено, свободно владел немецким, английским, а позднее французским и испанским. И вот в 1939 году меня вызывают в ЦК ВКП(б). Представляете? Я всего кандидат в члены партии. В ЦК со мной беседовали два человека на немецком языке в присутствии какого-то работника ЦК. Как выяснилось, они должны были выяснить, как я знаю язык. И выяснили, сказав: «Он знает немецкий лучше нас». Тут же мне было сказано, чтобы я ехал в Наркоминдел к товарищу Молотову. Его только что назначили наркомом вместо Литвинова, и он обновлял аппарат.

Все это было как во сне, я не хотел быть дипломатом, мне было 24 года, все мои мысли были в науке. Я об этом честно сказал Молотову на первой же беседе. Но он коротко и четко отрезал:

Вы коммунист и обязаны работать там, где нужнее.

Так я стал помощником наркома иностранных дел

СССР. Я переводил на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом. Был с Молотовым на его встречах с Гитлером. Был заведующим Центральным европейским отделом наркомата. Работал как переводчик на всех конференциях в годы войны — Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской. С 1974 года на пенсии в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла.

— Расскажите подробнее о подписании договора о ненападении с Германией.

— Да, я тогда переводил разговор Сталина, Риббентропа и Молотова.

— В наши дни много пишут и говорят о секретном дополнении к договору — протоколе. Даже в докладе Яковлева Съезду народных депутатов, после изложения всех косвенных доказательств о существовании протокола, все же сказано — подлинников нет. Если вы были при подписании договора и этого секретного приложения, то на сегодня вы единственный живой свидетель происшедшего в тот день — 23 августа 1939 года. Скажите четко и прямо: был ли секретный протокол?

— Да, был. И еще добавлю такую подробность, в которую сегодня вообще трудно поверить. Инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с нашей стороны.

— Это действительно очень неожиданно слышать.

— Ничего удивительного. Секретный протокол сегодня осуждают, а по тем временам, в той международной обстановке, его расценивали как мудрый поступок Сталина. Гитлеру нужен был спокойный тыл. Он очень снисходительный к подписанию договора. Оставалось несколько дней до нападения на Польшу, а позднее на Францию. Не допустить открытия фронта на востоке, обеспечить тыл было заветной мечтой Гитлера. Риббентроп привез только текст основного договора, Сталин, Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин вдруг заявил: «К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем». Сталин, понимая, что ради спокойного тыла Гитлер пойдет на любые уступки, тут же изложил эти дополнительные условия: Прибалтийские республики и Финляндия станут сферой влияния Советского Союза. Кроме того, Сталин заявил о нашей заинтересованности в возвращении Бессарабии и объединении украинских и белорусских западных областей с основными территориями этих республик.

Риббентроп растерялся от таких неожиданных проблем, сказал, что не может их решить сам, и попросил разрешения позвонить фюреру. Получив такое разрешение, он из кабинета Сталина связался с Гитлером и изложил ему пожелания Сталина. Фюрер уполномочил Риббентропа подписать дополнительный протокол. Он и не мог не согласиться. У него войска были сосредоточены — через неделю начнется война, любые обещания он готов дать, понимая, что все они будут нарушены и не выполнены, когда в этом появится необходимость. (Кстати, этот разговор подтверждает в своих показаниях на Нюрнбергском процессе бывший начальник юридического отдела МИД Германии Фридрих Гаус: «Рейхсминистр по этим пунктам... приказал разговор по телефону с Гитлером... Гитлер

уполномочил Риббентропа одобрить советскую точку зрения». — В. К.)

После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен «Секретный дополнительный протокол». Его отредактировали, отпечатали и подписали.

Все это я видел своими глазами, слышал и переводил разговор участников переговоров. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено.

Подтверждение рассказа Павлова я нашел в показаниях самого Риббентропа на Нюрнбергском процессе.

Цитата из последнего слова Риббентропа на Нюрнбергском процессе, которую я уже привел в этой главе (см. с. 48), на мой взгляд, убедительно подтверждает достоверность рассказа Павлова.

Не буду приводить другие подробности моей беседы с Павловым, она была очень интересной, мой рассказ о договорах и так затянулся. Я на это решился только потому, что все это имеет отношение к деятельности Жукова, потому что в какой-то степени объясняет убеждение Сталина в том, что он «переиграл» Гитлера и отодвинул опасность войны. Это же объясняет, почему Сталин не разрешил военным принять все меры к отражению возможного нападения Германии. Сталин верил Гитлеру, верил в подписанные договоры. И получилось в конечном счете, что не он «переиграл» Гитлера, а, наоборот, фюрер обманул Сталина, усыпив его бдительность и обеспечив себе благоприятные условия для захвата Польши, разгрома Франции и удара по нашей стране и армии, не изготовившейся для отпора.

Как известно, после нападения Германии на Польшу Англия и Франция, в соответствии с заключенными ранее договорами, объявили войну Германии.

Но это была «странная война», как ее называли, потому что никаких активных действий ни Англия, ни Франция практически не предпринимали.

Сталин в узком кругу, среди членов Политбюро, ходил сияющий и торжественный, он считал, что достиг огромного успеха. Ну как же! Германия стала дружественным нам государством, а Англия и Франция втянулись в войну с ней. Таким образом, война от наших границ отодвинута далеко на запад, империалистические страны теперь решают свои проблемы с оружием в руках, а Советский Союз, мол, благополучно остался в стороне!

Никита Сергеевич Хрущев в своем докладе на XX съезде так вспоминал о тех днях: «Сталин воспринимал этот договор как большую удачу. Он ходил буквально гоголем. Ходил, задравши нос, и буквально говорил: «Надул Гитлера, надул Гитлера!»

Однако история показала, что Сталин оказался недальновидным политиком. Вспомните слова Гитлера о том, что «все, что я делаю, направлено против России». Благодаря договоренности со Сталиным Гитлер развязал себе руки и стал захватывать в Европе одну страну за другой, собирая силы для большой войны

против Советского Союза. А Сталин из-за той же договоренности объективно даже помогал Гитлеру в этих его акциях.

Напомню строки из секретного протокола к договору о том, что договаривающиеся стороны не допустят на своей территории какой-либо агитации, которая несет вред территории другой стороны. Выполняя этот пункт решений, наша печать практически прекратила антифашистскую агитацию и пропаганду. Молотов на сессии Верховного Совета осенью 1939 года сказал: «Известно, что за последние несколько месяцев такие понятия, как «агрессия», «агрессор», получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл... Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются... Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию».

Кроме прекращения антифашистской пропаганды внутри нашей страны Сталин через Коминтерн направил коммунистическим партиям директиву (и она была обязательна для выполнения всеми компартиями) о том, чтобы была свернута борьба против немецкого фашизма. В этой директиве агрессором объявлялся англо-французский империализм, и именно против него требовалось направить пропаганду и агитацию всех коммунистических партий. Этот поворот политики был не только неожиданным, а просто предательским. Для всех было очевидно, что агрессивную политику ведет фашистская Германия, и вдруг директивой Сталина все становилось с ног на голову.

Представьте себе положение только двух компартий — Франции и Англии. Значит, по логике этой директивы, после нападения фашистов на Францию Французская компартия должна была вести пораженческую политику, а французские коммунисты должны были содействовать поражению своего народа, своей армии, защищающейся от фашистской агрессии? Французские коммунисты не пошли на поводу у этого распоряжения Сталина, они звали народ к защите своей родины и организовали сопротивление гитлеровцам после захвата ими французской территории. И были они совершенно правы, хотя и не выполнили директиву Коминтерна.

Как видим теперь, Сталин объективно помогал Гитлеру в войне против Франции. Да и не только объективно, а и прямо помогал, потому что такая политика, нейтрализующая и выводящая из борьбы огромные силы коммунистических партий Европы, была действенной помощью гитлеровцам. А гитлеровская пропаганда, явно со слов самого фюрера, похлопывала Сталина по плечу, похвалявая его за такую политику. Вот что писала гитлеровская газета «Мюнхенер нойсте нахрих-

тен»: «С момента заключения этого пакта Германия создала себе свободный тыл. Опыт мировой войны, когда Германия сражалась на нескольких фронтах, на этот раз был учтен. Победоносный поход в Польше, Норвегии, Голландии и Бельгии и, наконец, в Северной Франции был бы значительно более трудным, если бы в свое время не было достигнуто германско-советское соглашение. Благодаря договору успешно развивается германское наступление на западе».

Сталин в своих действиях, очевидно, исходил из такой логики, что в предвидении неизбежной военной схватки с гитлеровской Германией (неизбежность которой, вероятно, все же была ему ясна) он, «надув Гитлера», предпринял все меры для занятия выгодных позиций в этой будущей войне. Об этом должны были свидетельствовать присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии, что отодвинуло нашу границу далеко на запад, и попытки улучшить стратегическое положение Ленинграда ценой войны с Финляндией за Карельский перешеек.

Но вот о последнем необходимо сказать отдельно, потому что и сама война, и ее ход, и ее последствия принесли не только большой вред нашей стране, но и, что немаловажно, очень невыгодные для нас последствия, что не раз подчеркивал и Жуков.

ВОЙНА С ФИНЛЯНДИЕЙ

Граница Финляндии проходила не так далеко от Ленинграда, и город, в случае войны, могли обстреливать финские орудия крупных калибров. Финское правительство того времени, которое возглавлял Рюти, вело недружественную Советскому Союзу политику.

В томе Советской Военной Энциклопедии, вышедшем в 1979 году, сказано: «Правящие реакционные круги Финляндии с помощью империалистических государств превратили территорию страны в плацдарм для нападения на СССР. В приграничных районах и главным образом на Карельском перешейке, в 32 километрах от Ленинграда, при участии немецких, английских, французских и бельгийских военных специалистов и финансовой помощи Великобритании, Франции, Швеции, Германии и США была построена мощная долговременная система укреплений, «линия Маннергейма».

Это распространенное у нас объяснение возможности агрессии Финляндии против СССР выглядит крайне неубедительно. Может быть, все эти страны и были заинтересованы в столкновении Финляндии и СССР, но наступательную агрессивную доктрину характеризуют совсем другие способы подготовки к войне, нежели строительство долговременной оборонительной линии. Вести наступательные действия можно, подготовив обычную местность, на которой сосредоточивают войска и после соответствующей подготовки начинают боевые действия. Затрачивать огромный труд и миллиардные капиталы, да еще стольких государств, чтобы построить могучую линию якобы для наступления, это по военным понятиям просто безграмотно. Даже не посвященный в военное искусство человек и тот понимает наивность подобного объяснения. Конечно же, линия Маннергейма

строилась для того, чтобы защитить маленькую Финляндию от такого грозного соседа, каким ей представлялся СССР.

Летом 1939 года в Финляндии побывал начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер, особый интерес он проявил к ленинградскому и мурманскому стратегическим направлениям. У.-К. Кекконен позднее писал: «Тень Гитлера в конце 30-х годов распростерлась над нами, и финское общество в целом не может отречься от того, что оно относилось к этому довольно благосклонно».

Правительство Рюти действительно вело недружественную политику по отношению к Советскому Союзу. Президент страны в 1931—1937 годах П. Свинхувуд заявлял: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». На территории Финляндии с помощью немецких специалистов в 1939 году были сооружены аэродромы, которые способны были принимать количество самолетов во много раз большее, чем то, которым располагали финские воздушные силы. На Карельском перешейке линия Маннергейма протянулась от Финского залива до Ладожского озера. Она имела три полосы укреплений глубиной почти в 90 километров.

В октябре — ноябре 1939 года между СССР и Финляндией проходили переговоры по вопросам взаимной безопасности. Однако финское правительство, подогреваемое своими западными доброжелателями, не пошло на заключение предлагаемого оборонительного союза. Свою поддержку финнам обещали как Германия, так и Англия, Франция и даже Америка. В Германии финских представителей уверяли, что в случае войны с СССР финны только выиграют (немцы не открывали свои планы, но, видимо, имели в виду свое решение о нападении на Советский Союз). Они даже гарантировали, что помогут впоследствии Финляндии возместить возможные территориальные потери. Хочется при этом еще раз обратить внимание читателей на вероломство руководителей третьего рейха. Давая такие гарантии дружественной Финляндии, они ведь прекрасно знали, что уже подписан секретный дополнительный протокол, в котором обещано Советскому Союзу не вмешиваться в какие-либо конфликтные ситуации, которые могут у него возникнуть не только с Эстонией, Латвией и Литвой, но и с Финляндией! И действительно, когда началась советско-финская война, Германия формально соблюдала нейтралитет.

Сталин, имея секретную договоренность с Гитлером, решил воспользоваться этим и отодвинуть границу от Ленинграда, тем более что Ворошилов уверял Сталина: если дело дойдет до военного конфликта, то Красная Армия разделается с финской армией в несколько дней.

Правда, в советских руководящих кругах поначалу считали, что военного конфликта не будет, что Финляндия примет наше предложение. Предложение же состояло в том, чтобы финны мирно уступили нам часть Карельского перешейка, взяв себе взамен определенную территорию на нашем севере. Однако обмен был явно неравноценный: на Карельском перешейке находились мощные укрепления, обеспечивающие прикрытие границы, а то, что мы предлагали взамен,

было землей, не имевшей никакой ценности — ни экономической, ни военной.

Финское правительство отказалось от такого обмена. Тогда Сталин решился на военный конфликт.

Осенью 1939 года был проведен Главный Военный совет, на котором был разработан план военных действий против Финляндии. План этот был составлен под руководством начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова. Зная характер укреплений на финской границе, Шапошников учитывал в плане и те реальные трудности, которые неизбежно возникнут в связи с необходимостью их прорыва, а также силы, которые потребуются для этого. Сталин, настроенный Ворошиловым на легкую победу, резко раскритиковал этот план, и он был отвергнут. Было поручено штабу Ленинградского военного округа разработать новый. Такой план был разработан, и ориентирован он был на мнение Сталина, что война будет недолгой и победа будет одержана малой кровью. Поэтому в плане даже не предусматривалось сосредоточение необходимых резервов.

Вера в то, что война будет завершена буквально в течение нескольких дней, у Сталина была настолько сильна, что начальника Генерального штаба даже не поставили в известность о ее начале: Шапошников в это время был в отпуске.

Финское правительство открыто просило защиты у Германии, о чем свидетельствует хотя бы обращение финского посланника Вуоримаа к имперскому министру иностранных дел Германии. Он писал: «Есть основание предполагать, что Россия намерена предъявить Финляндии требования, аналогичные предъявленным прибалтийским государствам». И спрашивал: «Останется ли Германия безразличной к русскому продвижению в этом районе, и если найдутся подтверждения тому, что это не так, какую позицию намерена занять Германия?»

Как повела себя в этих условиях Германия, мы уже знаем.

Советская же сторона в соответствии с принятым планом, о котором шла речь выше, и главным образом в соответствии с желанием лично Сталина, искала предлог для военного конфликта. 26 ноября нарком иностранных дел Молотов пригласил к себе посланника Финляндии Ирие-Коскинена и вручил ему ноту правительства СССР по поводу якобы имевшего место провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями, сосредоточенными на Карельском перешейке.

Вот текст этой ноты с некоторыми сокращениями:

«Господин посланник!

По сообщению Генерального штаба Красной Армии сегодня, 26 ноября, в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое

приказание не поддаваться на провокации, воздержались от ответного обстрела... Советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к падению на советские войска и к жертвам...

Ввиду этого Советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20—25 километров и тем самым предупредить возможность повторных провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

Народный комиссар иностранных дел
В. Молотов.

26 ноября 1939 г.»

Отвести войска на Карельском перешейке на 20—25 километров — это означало оставить мощные укрепления линии Маннергейма пустыми, и как раз в тот момент, когда возникла реальная угроза вторжения — а финское правительство, несомненно, имело соответствующие разведывательные сведения. Трудно было бы ожидать этого от Финляндии, как, впрочем, и от любой другой страны.

29 ноября поступила ответная нота финского правительства. Вот несколько выдержек из нее:

«В связи с якобы имевшим место нарушением границы финское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых упоминает ваше письмо, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной полосы, близ упомянутого вами селения Майнила».

Предлагалось также, чтобы советские пограничные комиссары совместно с финскими на месте, по воронкам и другим данным, убедились, что обстреляна именно их территория. Далее в ноте говорится о том, что Финляндия согласна на то, чтобы войска были отведены, но — с обеих сторон.

Интересное свидетельство по поводу начала войны есть в воспоминаниях Н. С. Хрущева. Он говорит, что в тот день его пригласил Сталин к себе на обед. Когда он пришел, то за столом продолжался, видимо, ранее начатый разговор, и Хрущев из него понял, что уже сформировано правительство новой Финляндии, возглавил его Куусинен, и что наша Карело-Финская автономная республика объединится с ныне существующей Финляндией, и будет новая советская союзная республика.

Сталин во время обеда все ждал какого-то важного сообщения и даже сказал вдруг такую фразу: «Ну вот, сегодня будет начато дело». Как выяснилось позже, на границу с Финляндией был послан зам. наркома

обороны и начальник Главного артиллерийского управления Г. И. Кулик, который должен был произвести артиллерийский обстрел территории Финляндии. Предполагалось, что после этого обстрела Финляндия сразу же спасует и запросит пощады. Но после наших выстрелов финны тоже ответили артиллерийским огнем. По этому поводу Хрущев замечает: «Вот обычно так и бывает, говорят, что ты первый выстрелил, а противник говорит, нет, ты первый выстрелил, а на самом деле было вот так».

Однако все было не так просто, как об этом рассказывает Хрущев, он не знал многих подготовительных мероприятий, но это не значит, что их не было.

О том, что широкие боевые действия были подготовлены с нашей стороны заранее, свидетельствуют сегодня и документы, и сосредоточение войск, которые уже были готовы к активным боевым действиям.

В своих воспоминаниях маршал К. А. Мерецков пишет: «В конце июня 1939 года меня вызвал И. В. Сталин. У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О. В. Куусинена... Меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникли у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства...»

Далее К. А. Мерецков излагает известную концепцию о том, что Финляндия «легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазных империалистических группировок — немецкой и англо-франко-американской» и тем самым может превратиться в «науськиваемого на нас застрельщика большой войны...». В этой связи Мерецкову предлагалось подготовить докладную записку с «планом прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны».

Как видим, Сталин говорил Мерецкову лишь о возможном нападении финской стороны, умалчивая о том, что нападение маленькой Финляндии на такого гиганта, как Советский Союз, маловероятно, и явно скрывая, что он сам намеревается первым нанести удар. Видимо, поэтому он, предлагая Мерецкову составить докладную записку о прикрытии границы от агрессора и о контрударе как противодействии возможному нападению, при этом все-таки приказал готовить войска к боевым действиям — скрытно, не вызывая никаких подозрений у окружающих.

Далее Мерецков пишет:

«Во второй половине июля я был снова вызван в Москву. Мой доклад слушали И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. Предложенный план прикрытия границы и контрудара по Финляндии в случае ее нападения на СССР одобрили, посоветовав контрудар осуществить в максимально сжатые сроки. Когда я стал говорить, что несколько недель на операцию такого масштаба не хватит, мне заметили, что я исхожу из возможностей ЛВО¹, а надо учитывать силы Советского Союза в целом. Я попытался сделать еще одно возражение,

¹ Ленинградский военный округ.

связав его с возможностью участия в антисоветской провокации вместе с Финляндией и других стран. Мне ответили, что об этом думаю не я один, и предупредили, что в начале осени я опять буду докладывать о том, как осуществляется план оборонительных мероприятий».

В своих воспоминаниях Мерецков указывает на то, что «имелись как будто бы и другие варианты контрудара. Каждый из них Сталин не выносил на общее обсуждение в Главном Военном совете, а рассматривал отдельно, с определенной группой лиц, почти всякий раз иных». Одним из таких вариантов был уже упоминавшийся план Шапошникова. «Борис Михайлович, — подтверждает Мерецков, — считал контрудар по Финляндии непростым делом и полагал, что он потребует не менее нескольких месяцев напряженной и трудной войны даже в случае, если крупные империалистические державы не войдут прямо в столкновение».

Итак, после инцидента в Майниле, после советской ноты и ответной ноты Финляндии, 30 ноября в 8 часов утра части Красной Армии перешли в наступление.

И еще один штрих о советско-финляндской войне. Это, правда, неприятно признать, потому что не украшают подобные факты нашу историю. Но истина дороже.

30 ноября 1939 года, в день начала боевых действий, в «Правде» было опубликовано сообщение о том, что из «радиоперехвата» стало известно об обращении ЦК Компартии Финляндии к народу с призывом к образованию правительственных левых сил.

1 декабря 1939 года в занятом советскими войсками местечке Териоки (как стало известно из «радиоперехвата») было создано такое правительство во главе с финским коммунистом, секретарем Исполкома Коминтерна О.-В. Куусиненом. Оно провозгласило себя временным народным правительством Финляндской Демократической Республики.

В тот же день Советское правительство признало правительство Куусинена, с ФДР были установлены дипломатические отношения, а 2 декабря между СССР и ФДР подписан Договор взаимопомощи и дружбы.

Версия о «радиоперехватах» нужна была для создания видимости о непричастности советского руководства к образованию правительства Куусинена.

Но... вся эта дымовая завеса опрокидывается дубликатами документов «финляндского правительства» (которые хранятся в Архиве внешней политики СССР) — все они имеют правку и редактуру, сделанную рукой Молотова. Это свидетельствует о том, что до «радиоперехвата» документы лежали на столе нашего наркома иностранных дел.

Тут, как говорится, комментарии излишни.

Наше командование сосредоточило против Финляндии четыре армии на всем протяжении ее границы. На главном направлении, на Карельском перешейке, была 7-я армия в составе девяти стрелковых дивизий, одного танкового корпуса, трех танковых бригад плюс очень много артиллерии, авиации. Еще 7-ю армию поддерживал Балтийский флот.

Имея перед собой огромную протяженность фронта (всю советско-финскую границу) и располагая четырь-

мя армиями, советское командование не нашло ничего более разумного, как ударить в лоб по мощнейшим, пожалуй, самым мощным для того времени в мире сооружениям — по линии Маннергейма. За двенадцать дней наступления, к 12 декабря, армия с огромными трудностями и потерями преодолела только сильную полосу обеспечения и не смогла с ходу вклиниться в основную позицию линии Маннергейма. Армия была полностью обескровлена и не могла дальше наступать.

На севере 14-я армия продвинулась в глубь территории Финляндии на 150—200 километров, левее ее 9-я армия вклинилась на глубину до 45 километров, а 8-я армия — на 50—80 километров.

Финская армия хотя и значительно уступала нашей в силах, но, охваченная большим патриотическим подъемом, защищалась упорно и умело. Она нанесла советским частям огромные потери.

Мировая общественность отнеслась к действиям Советской страны резко отрицательно. Лига Наций исключила Советский Союз из числа своих членов и призвала все страны мира помогать Финляндии. Определенные круги в правительствах Франции и Англии надеялись, что этот конфликт разгорится в большую войну, что в поддержку Финляндии вмешается Германия и даже, может быть, Гитлер посчитает этот момент удобным для нанесения своего удара по России.

Пораженное неожиданным упорным сопротивлением маленькой страны, советское командование было вынуждено приостановить боевые действия, создать на Карельском перешейке еще одну новую — 13-ю — армию и образовать Северо-Западный фронт под командованием командарма 1 ранга С. К. Тимошенко, члена Военного совета А. А. Жданова, начальника штаба командарма 2 ранга И. В. Смородинова. Таким образом, к пополнившимся дивизиям 7-й армии прибавилась еще 13-я армия, в которую входило 9 дивизий, много артиллерии и танков.

Командование вновь созданного Северо-Западного фронта тоже не нашло никаких более гибких форм военного искусства и продолжало лобовое наступление на линию Маннергейма. Главный удар наносился смежными флангами двух армий. Артиллерии на Карельском перешейке было столько, что участники боев говорят — места для орудий не хватало, они стояли чуть ли не колесом к колесу. Почти вся советская авиация была сосредоточена здесь и наносила удары на главном направлении.

После трехдневных кровопролитных боев, понеся огромные потери, наша армия прорвала первую полосу линии Маннергейма, но вклиниться с ходу во вторую полосу ей не удалось.

Опять началась подготовка к новому удару — пополнялись обескровленные дивизии. 11 февраля советские части возобновили наступление. Наконец-то командование использовало возможность сделать обход правого фланга противника по льду замерзшего Выборгского залива. Выйдя в тыл Выборгского укрепленного района, наши части перерезали шоссе Выборг — Хельсинки. К 12 марта прорыв линии Маннергейма был завершен.

• После окончания этой тяжелейшей, кровопролитной

и самой бесславной войны, которую когда-либо вела Красная Армия, в марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором К. Е. Ворошилов доложил об итогах войны с Финляндией. На этом заседании было рекомендовано провести расширенное совещание Главного Военного совета совместно с участниками войны, что и было осуществлено. Главный Военный совет заседал в Кремле 14—17 апреля 1940 года. На нем выступил и Сталин. Он говорил о том, что командному составу необходимо изучить особенности современной войны, что культ опыта гражданской войны помешал нашему командному составу перестроиться на новый лад.

Главный Военный совет принял ряд постановлений по улучшению вооружения, оснащения, обобщению боевого опыта и другие меры по укреплению боеспособности Красной Армии.

Любопытно воспоминание Хрущева о психологическом состоянии Сталина после финской войны и разбора ее итогов на Главном Военном совете: «Сталин буквально перетрусил, он оценил в результате войны с Финляндией, что наша армия слаба, что наш командный состав слаб и что вооружением мы слабы... После войны с Финляндией Сталин буквально дрожал перед Гитлером, он, видимо, пришел к выводу, что наша армия не может противостоять гитлеровской армии...

Добавлю к этому еще одну причину растерянности Сталина — он, видимо, увидел последствия массовых репрессий среди военных. После финской кампании начался известный спад в арестах, хотя репрессии продолжались до последнего дня жизни Сталина. И еще: «вождь» убедился в полной некомпетентности в военном искусстве своего ближайшего соратника наркома обороны Ворошилова.

Как это ни странно, прорыв линии Маннергейма был объявлен выдающейся заслугой Семена Константиновича Тимошенко. Если учесть, что все население Финляндии составляло немногим более трех миллионов человек и примерно такой же численности была Красная Армия, да вспомнить огромные потери, понесенные нашей армией, то можно сказать: оценка этого периода деятельности Тимошенко явно преувеличена. Но Сталина это не смущало. Кроме звания Героя Советского Союза за действия в этой позорной войне С. К. Тимошенко было присвоено звание Маршала Советского Союза. Вызванному на заседание Политбюро Тимошенко Сталин сказал:

— Война с финнами показала слабость в подготовке высших командных кадров и резкое снижение дисциплины в войсках. Все это произошло при товарище Ворошилове. И теперь ему трудно будет в короткие сроки выправить эти крупные вопросы. А время нас поджимает: в Европе Гитлер развязал войну. Политбюро решило заменить товарища Ворошилова другим лицом и остановилось на вас.

Тимошенко стал отказываться, ссылаясь на то, что у него нет нужных знаний и государственной мудрости для работы на таком высоком и ответственном посту. Говорил он и о том, что едва ли достоин заменить товарища Ворошилова, которого не только армия, но и весь народ хорошо знает и любит.

— Все это верно,— сказал Сталин.— Но народ не знает, что у товарища Ворошилова не хватает твердости. А сейчас твердость особенно нужна во всем. У вас она есть. Беритесь прежде всего за дисциплину и за подготовку кадров. А насчет государственной мудрости — это дело наживное. Где нужно — мы вам поможем.

Так наркомом обороны был назначен С. К. Тимошенко, а для Ворошилова была создана престижная должность заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров.

Поскольку нам придется в этой книге довольно часто встречаться с Тимошенко, познакомлю читателей с краткой его биографией. Семен Константинович Тимошенко родился в 1895 году. В год назначения наркомом обороны ему было 45 лет. Боевой путь он начинал с первой мировой войны. В 1915 году был призван в царскую армию, окончил пулеметную школу, участвовал в боях на Западном фронте. С первых дней революции защищал ее с оружием в руках: в 1917 году участвовал в ликвидации корниловщины, а затем разгроме каледнинщины. Принимал участие в обороне Царицына. Командовал взводом, эскадрой, полком. С октября 1919 года командир 6-й кавдивизии в Первой Конной армии Буденного.

В дни гражданской войны в кавказских предгорьях не раз сходились в сабельной рубке Тимошенко и Шкуро. Тогда Тимошенко разбил корпус Шкуро, гнал его до моря и выбил за пределы советской земли. Награжден двумя орденами Красного Знамени. С 1925 года командовал 3-м кавалерийским корпусом, в котором служил и Жуков. Тимошенко высоко ценил Георгия Константиновича как командира полка и в дальнейшем, будучи старше по должности, всегда продвигал Жукова по службе. Фундаментального образования не имел, окончил только Высшие академические курсы в 1922 и 1927 годах, а также курсы командиров-единоначальников при Академии им. В. И. Ленина в 1930 году. Командовал военными округами — Киевским, Северо-Кавказским, Харьковским. В сентябре 1939 года командовал войсками Украинского фронта, совершавшими поход в Западную Украину.

Жуков в одной из своих позднейших бесед с К. М. Симоновым так отзывался от Тимошенко:

— Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко — старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой, образованный и в тактическом, и в оперативном отношении. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока он был, кое-что успели повернуть в армии к лучшему.

Наверное, я не ошибусь, если скажу, что на полях сражений финской войны мы показали бездарность нашего военного руководства, потеряли международный авторитет как страна, допустившая агрессивные действия. Один факт исключения Советского Союза из Лиги Наций чего стоит! И еще очень важны психо-

логические последствия этой неудачной войны. Сталин, как уже говорилось, настолько внутренне разуверился в возможностях Красной Армии, что стал всячески и во всем уступать гитлеровской Германии, которая к этому времени показала, как молниеносно она может громить очень сильных противников.

И заключение хозяйственного договора с Германией, согласно которому мы снабжали Германию многими видами стратегического сырья, Хрущев объясняет неудачей в финской войне. Говоря об охватившем Сталина страхе перед гитлеровской армией, он добавляет: «Поэтому он (Сталин.— В. К.) все делал для того, чтобы угодить Гитлеру, пунктуально выполнял договор, а выполнение договора — это поставка многих материалов, я не знаю, что там было. Ведь порядок был такой: я был членом Политбюро, но этот вопрос конкретно не обсуждался, и я этого договора не видел; я думаю, что, кроме Молотова и Сталина и, конечно, чиновников иностранных дел, которые были к этому договору непосредственно причастны, никто этого договора не видел. Сталин боялся... он буквально дрожал и требовал от всех выполнения с тем, чтобы не показать себя перед Гитлером, что он не выполняет взятых на себя обязательств».

Вот видите, об ответственных международных договорах, которые, можно сказать, решали судьбу нашего государства, не знали даже члены Политбюро. Кстати, до сих пор в нашей печати не опубликован договор о наших поставках Германии, хотя за рубежом он широко печатался. Думаю, пора уже познакомить советских людей с этим историческим парадоксом, когда мы обеспечивали стратегическим сырьем Германию перед началом войны против нас же.

13 февраля 1940 года было опубликовано «Коммюнике о заключении Хозяйственного Соглашения между Германией и СССР». «Это соглашение,— говорилось в коммюнике,— отвечает пожеланиям Правительств обеих стран о выработке экономической программы товарообмена между Германией и СССР...» Соглашение предусматривало вывоз из СССР в Германию сырья, компенсируемый германскими поставками в СССР промышленных изделий¹

Что за этим соглашением последовало, чего стоила стране недалёковидность Сталина и других тогдашних руководителей, мало кому известно. Люди видели только, что шли эшелоны в Германию вплоть до последней ночи, когда произошло нападение на нашу страну!

НА ВОСТОК ИЛИ НА ЗАПАД?

После того как была оккупирована Польша, перед Гитлером встал вопрос — осуществить нападение на СССР или же сначала разгромить Францию и Англию? Если бы Гитлер пошел на восток и овладел жизненным пространством, о необходимости которого он открыто говорил, то это усилило бы Германию до такой степени,

что Франция и Англия оказались бы неспособными ей противостоять. Они, конечно, не стали бы этого дожидаться, и, вероятно, наконец началась бы и на западе настоящая, а не «странная» война, то есть началась бы война на два фронта, то, чего так боялись и от чего предостерегали все стратеги Германии в прошлом и настоящем. Поэтому элементарная логика подсказывала Гитлеру: надо ликвидировать сначала западных противников. Но Франция не была похожа на те страны Европы, которые так легко были захвачены Гитлером до 1939 года. С Францией Германия в прошлом вела многолетние войны, причем битвы шли на равных, иногда верх одерживали французские вооруженные силы, иногда — германские. Это был серьезный противник, причем имеющий такого могучего союзника, как Англия.

К 9 октября 1939 года в ставке Гитлера была разработана «Памятная записка и руководящие указания по ведению войны на Западе». Этот секретнейший документ Гитлер доверил сначала только четверым, а именно — трем главнокомандующим видами вооруженных сил и начальнику штаба верховного главнокомандования. В этой «Памятной записке» были проанализированы возможные действия всех европейских государств в случае нападения Германии на Францию, изложены и варианты военных действий против Франции. Основной замысел заключался в том, чтобы обойти долговременные линии обороны Франции, созданные ею на своих границах, через территории Люксембурга, Бельгии и Голландии, чем избежать больших потерь и затяжных боев. Стремительным ударом танковых и механизированных войск ворваться на территорию Франции, сокрушить этим прежде всего волю противника к сопротивлению, окружить и уничтожить главные силы французской армии и экспедиционные части Англии.

На основании указаний Гитлера генеральный штаб и главнокомандующие начали разрабатывать план ведения войны, в результате чего был принят окончательный план вторжения во Францию, получивший условное название «Гельб».

10 мая 1940 года немецко-фишистские войска начали наступление в обход французской линии Мажино через территорию Голландии и Бельгии. С помощью воздушных десантов они захватили важные районы, аэродромы, мосты. 14 мая нидерландская армия капитулировала. Бельгийские войска отошли на рубеж реки Маас. На этот же рубеж выдвинулись части англо-французских войск. Но немецкая армия прорвала слабую оборону союзников и к 20 мая вышла к побережью. Особую роль сыграла танковая группа Клейста, которая прижала войска союзников к морю. Здесь произошла трагическая Дюнкеркская операция, в ходе которой англо-французско-бельгийские войска, понеся огромные потери, эвакуировались.

Быстро проведя перегруппировку сил, гитлеровская армия 5 июня начала осуществлять вторую наступательную операцию — «Рот», в которой участвовало 140 дивизий. Эта операция ставила задачу — разгром французских вооруженных сил и выведение Франции из войны окончательно.

¹ См. дополнение №2 перечень наших поставок Германии.

Французское правительство и командование были деморализованы. 14 июня по приказу Вейгана без боя был сдан Париж. Гитлеровские войска беспрепятственно продвигались в глубь страны. 17 июня на смену полностью беспомощному правительству пришел маршал Петэн и тут же обратился к командованию вермахта с просьбой о перемирии.

Гитлер упивался одержанной победой, он пожелал, чтобы подписание капитуляции Франции было оформлено в том самом вагоне, в котором 18 июня 1919 года был подписан Версальский мирный договор. Вагон разыскали, привели в порядок, пригнали в Компьенский лес, на то самое место, где он стоял в девятнадцатом году, и здесь, 22 июня 1940 года, капитуляция была подписана.

Таким образом, в течение 44-х дней, с 10 мая по 22 июня, была разгромлена французская армия и армии ее союзников — Англии, Голландии и Бельгии.

Командование союзников не смогло организовать сопротивление, хотя и обладало достаточными силами для активной обороны. Со стороны немцев в осуществлении операции «Гельб» участвовало 136 дивизий, 2580 танков, 3824 самолета, 7378 орудий. А союзники имели 147 дивизий, в том числе 23 танковых и механизированных, 3100 танков, 3800 боевых самолетов и более 14 500 артиллерийских орудий. Нетрудно заметить по этим цифрам, что силы союзников превосходили силы гитлеровской Германии. О причинах быстрого поражения французской армии правильнее всего, на мой взгляд, узнать у самих французов. Вот что писал об этом генерал Де Голль: «...командные кадры, лишённые систематического и планомерного руководства со стороны правительства, оказались во власти рутины. В армии господствовали концепции, которых придерживались ещё до окончания первой мировой войны. Этому в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что военные руководители дряхлели на своих постах, оставаясь приверженцами устаревших взглядов... Идея позиционной войны составляла основу стратегии, которой собирались руководствоваться в будущей войне. Она же определяла организацию войск, их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом».

Таким образом, быстрое поражение французской армии и армий союзников зависело не только от силы германской армии и умения ее военачальников, но также и от беспомощности командования и войск союзников. Что касается плана германского наступления на Францию, то он не представлял собой какого-то нового открытия в области военного искусства, разве только мощные удары танковых группировок отличали его от действий германской армии и в других войнах против Франции. Вот, например, что пишет Манштейн об этом плане: «Оперативные замыслы в основных чертах напоминали знаменитый план Шлиффена 1914 года. Мне показалось довольно удручающим то, что наше поколение не могло придумать ничего иного, как повторить старый рецепт, даже если он исходил от такого человека, как Шлиффен. Что могло получиться из того, если из сейфа доставали военный план, который противник уже однажды проштудировал вместе

с нами и к повторению которого он должен был быть подготовлен».

Большие опасения по поводу очень многих рискованных положений, заложенных в плане «Гельб», высказывал и командующий группой армий «Б», генерал-полковник фон Бок. Он даже написал по этому поводу официальный доклад в апреле 1940 года на имя командующего сухопутными войсками генерал-полковника фон Браухича. В этом докладе были и такие рассуждения: «Мне не даёт покоя ваш оперативный план. Вы знаете, что я за смелые операции, но здесь перейдены границы разумного, иначе это не назовешь. Продвигаться ударным крылом мимо линии Мажино, в 15 километрах от нее, и думать, что французы будут смотреть на это безучастно! Вы сосредоточили основную массу танков на нескольких дорогах в гористой местности Арденн, будто авиации не существует!.. И вы надеетесь сразу же провести операцию до побережья с открытым южным флангом, растянувшимся на 300 километров, на котором находятся крупные силы французской армии! Что вы будете делать, если французы умышленно дадут нам переправиться по частям через Маас а затем перейдут основными силами в контрнаступление против нашего-южного фланга?.. Вы играете ва-банк!»

Да, если бы союзники во главе с французским командованием осуществили хотя бы только то, что предвидел фон Бок, германское наступление против Франции захлебнулось бы. Но, как мы уже говорили, французское и английское командования оказались неспособными организовать сопротивление больших сил, находившихся в их распоряжении.

Я хочу подчеркнуть здесь и то обстоятельство, что все вышеописанные действия проходили, как говорится, на глазах и у нашего советского военного руководства, но, к сожалению, оно тоже не сделало должных выводов и не организовало подготовку частей и соединений Красной Армии для противодействия именно такой тактике гитлеровской армии.

После сокрушительного поражения Франции Гитлер и его стратеги ожидали, что Англия пойдет на заключение перемирия, однако этого не случилось — Англия продолжала войну. Поэтому Гитлер начал поиски решения английской проблемы. В цепочке стран — Франция, Англия, Советский Союз — Германия вышла, как видим, на последнюю прямую. Франция пала, и если Англия будет нейтрализована, можно будет начать осуществлять главную цель — захват восточных пространств, то есть войну против СССР.

Гитлеровское руководство искало возможности вывести Англию из игры путем политических интриг и давления. Однако это не привело к успеху. Много было по этому поводу разговоров, совещаний, предложенных вариантов, в конечном счете Гитлер склонился к мнению генерала Йодля, которое тот изложил в своей «Памятной записке» от 30 июня 1940 года «Дальнейшее ведение войны против Англии». Наиболее целесообразный и обещающий победу стратегический вариант виделся ему следующим:

1. Осада — воспрепятствование флотом и авиацией

всякому ввозу и вывозу из Англии, борьба против английской авиации и источников военно-экономической мощи страны.

2. Терроризирующие налеты на английские города.

3. Высадка десанта с целью оккупации Англии.

Вторжение в Англию он считал возможным только после завоевания немецкой авиацией полного господства в воздухе и дезорганизации экономической жизни страны. Десантирование в Англию рассматривалось как последний смертельный удар. Но даже тогда, когда были отданы распоряжения на разработку этой операции, названной «Морской лев», Гитлер не терял надежды на компромиссный мир с Англией. Однако, несмотря на все старания, политические и дипломатические, на действия пятой колонны и пропагандистские уловки, гитлеровцам все же не удалось добиться примирения с Англией. 4 и 18 июня Черчилль заявил в палате общин, что Британия будет продолжать войну до конца, даже если она останется одна.

Теперь гитлеровскому командованию оставалось только воздействовать на Англию силой. Была проделана большая — скажем так, исследовательская — работа главным командованием военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил по прикидке всевозможных вариантов вторжения в Англию. Все понимали, что это дело непростое и добиться молниеносного успеха, как это было перед тем на сухопутном театре военных действий, здесь едва ли удастся.

После многих совещаний и размышлений 16 июля 1940 года Гитлер подписал директиву ОКВ № 16 «О подготовке операции по высадке войск в Англии». В ней было сказано: «Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к взаимопониманию, я решил подготовить и, если нужно, осуществить десантную операцию против Англии. Цель этой операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если потребуется, полностью захватить ее».

Как видим, в этой даже общей установке уже нет той решительности и определенности, которая была в директивах при действии на сухопутных театрах: «если нужно осуществить десантную операцию», «если потребуется...» и еще много таких «если».

Приготовления к операции «Морской лев» намечалось завершить в середине августа. Все предыдущие военные акции были хорошо продуманы Гитлером и генеральным штабом, но на этот раз к моменту, когда были уже отданы распоряжения о подготовке операции, у Гитлера еще не было какого-либо твердого плана, поэтому он запрашивал у своих военных стратегов их мнение. Первое время поддерживал и даже пытался осуществить то, что изложил в своей записке Йодль от 30 июня. При этом Гитлер все еще ждал, что Англия пойдет на заключение мирного договора. Чтобы добиться этого, Гитлер и многие его советники надеялись поставить Англию на колени с помощью блокады с моря и с воздуха. Но вскоре Гитлер пришел к выводу, что решающих успехов от подводной войны и воздушной блокады можно добиться лишь через год-два. Это никак не соответствовало его концепции быстрого

осуществления победы. Потеря времени была не в пользу Германии, и Гитлер понимал это.

В середине мая Берлин был взбудоражен сообщением о неожиданном полете в Англию Рудольфа Гесса — первого заместителя Гитлера по руководству нацистской партией. Гесс, сам пилотируя самолет «Мессершмитт-110», вылетел 10 мая из Аугсбурга (Южная Германия), взяв курс на Даунгавел-Касл — шотландское имение лорда Гамильтона, с которым был лично знаком. Однако Гесс ошибся в расчете горючего и, не долетев до цели 14 километров, выбросился с парашютом, был задержан местными крестьянами и передан властям. Несколько дней английское правительство хранило молчание по поводу этого события. Ничего не сообщал об этом и Берлин. Только после того, как британское правительство предало этот полет гласности, германское правительство поняло, что секретная миссия, возлагавшаяся на Гесса, не увенчалась успехом. Тогда-то в штаб-квартире Гитлера в Бергхофе решили преподнести публике полет Гесса как проявление его умопомешательства. В официальном коммюнике о «деле Гесса» говорилось: «Член партии Гесс, видимо, помешался на мысли о том, что посредством личных действий он все еще может добиться взаимопонимания между Германией и Англией».

Гитлер понимал, какой моральный ущерб причинил ему и его режиму неудачный полет Гесса. Чтобы замести следы, он распорядился арестовать приближенных Гесса, а его самого снял со всех постов и приказал расстрелять, если он вернется в Германию. Тогда же заместителем Гитлера по нацистской партии был назначен Мартин Борман. Нет сомнения, однако, что гитлеровцы возлагали на полет Гесса немалые надежды. Германский империализм рассчитывал, что ему удастся привлечь к антисоветскому походу противников Германии, и прежде всего Англию.

Из документов Нюрнбергского процесса и других материалов, опубликованных после разгрома гитлеровской Германии, известно, что с лета 1940 года Гесс состоял в переписке с видными английскими мюнхенцами. Эту переписку помог ему наладить герцог Виндзорский — бывший король Англии Эдуард VIII, который из-за своего увлечения разведенной американкой вынужден был отречься от престола. В то время он жил в Испании. Используя свои связи, Гесс заранее договорился о визите в Англию. (Характерно, что документы о его пребывании в этой стране до сих пор не рассекречены.)

Очень не хотелось гитлеровскому командованию осуществлять непосредственное вторжение на территорию Англии, но после неудачного полета Гесса оно оставалось единственным способом решения задачи.

Однако при разработке различных вариантов осуществления вторжения главный морской штаб пришел к выводу, что следует отказаться от проведения операции в этом году и что даже через год он сможет осуществить десантирование необходимого количества войск лишь при условии, что немецкая авиация завоеует господство в воздухе.

Кроме того, Гитлеру доложили, что военно-промышленная подготовка к войне против Англии потре-

бует годы и не до силам Германии, если помнить о необходимости дальнейшего развития сухопутных войск для предстоящего похода на восток.

Гитлер понял, что ему не удастся осуществить операцию «Морской лев», и колебания его отразились в нескольких перенесениях срока проведения этой операции.

30 июня было принято решение провести приготовления к великой битве германской авиации против Англии. В директиве № 17 от 1 августа Гитлер говорит: «С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме. Для этого приказываю: германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию». В директиве от 2 августа перед германскими ВВС ставилась задача за четыре дня завоевать господство в воздухе над Южной Англией. Здесь также видно стремление Гитлера осуществлять свои планы молниеносно. Но воздушная стихия внесла свои коррективы: из-за плохих метеорологических условий тотальное воздушное сражение началось лишь в середине месяца. 15 августа был совершен первый крупный массированный налет, в котором участвовали 801 бомбардировщик и 1149 истребителей.

Одновременно с бомбардировками гитлеровское руководство оказывало на англичан максимальное пропагандистское воздействие, желая деморализовать население не только воздушными бомбардировками, но и угрозой предстоящего вторжения войск на английский остров, и тем самым заставить все-таки англичан пойти на подписание мирного договора.

Особое внимание с 5 сентября германские ВВС стали уделять бомбардировке Лондона, и это тоже был не только бомбовый, но и психологический нажим. Но гитлеровцам так и не удалось добиться господства в воздухе, как не удалось им сломить моральный дух англичан. 14 сентября на совещании главнокомандующих в ставке Гитлер мрачно констатировал: «Несмотря на все успехи, предпосылки для операции «Морской лев» еще не созданы».

Гитлеровцы недооценили и английскую истребительную авиацию: во время воздушных налетов немецкая авиация понесла значительные потери. Таким образом, в сентябре 1940 года уже было очевидно, что заключение мира не состоялось, что морская блокада оказалась не под силу Германии, а воздушное тотальное наступление на Англию провалилось.

Оставалась неиспробованной так называемая периферийная стратегия, которая тоже обсуждалась, и не раз. 12 августа 1940 года отдается распоряжение о переброске танковых сил в Северную Африку для наступления на Суэцкий канал. Средиземноморские позиции имели, конечно, для Англии огромное значение, здесь проходила связь метрополии с Индией, Дальним Востоком, Австралией, Восточной и Северной Африкой. Суэцкий канал выполнял роль важной стратегической коммуникации, через которую осуществлялось снабжение британской армии. Снабжение нефтью с Ближнего Востока тоже шло этими путями. Потеря средиземно-

морских коммуникаций поэтому очень чувствительно была по Англии.

12 февраля 1941 года высадился на африканском побережье корпус Роммеля. В апреле Германия оккупировала Грецию. Гитлер намеревался захватить и Гибралтар, послав туда войска с испанской территории, но Франко занял выжидательную позицию, не желая ввязываться в борьбу с великими державами. Гитлер предложил Муссолини послать на помощь итальянским войскам в Ливию один танковый корпус, на что дуче тоже долго оттягивал ответ и согласился с большой неохотой.

Все эти и другие действия на Балканах и в бассейне Средиземного моря имели целью не только ослабить Англию. Это была и маскировка самого главного, самого решающего, к чему готовились Гитлер и гитлеровский генеральный штаб,— подготовки нападения на Советский Союз. Гитлер понимал, что в Европе теперь не было государства, способного создать или организовать коалицию для открытия второго фронта против Германии, а Англия в этом смысле, находясь за морским проливом, не представляла реальной угрозы. Теперь Гитлер обеспечил себе спокойный тыл (заветная мечта всех немецких полководцев в прошлом!), он развязал себе руки. Больше пугая Англию, а самое главное — дезинформируя всю Европу и в первую очередь Советский Союз сообщениями о намерении провести операцию «Морской лев», гитлеровский генеральный штаб начал разработку плана «Барбаросса».

30 июня 1940 года, на пятый день после прекращения огня во Франции, Гальдер записал в своем дневнике: «Основное внимание — на восток... Начальник генерального штаба, хранивший свой дневник в личном сейфе, был абсолютно уверен, что в него никто никогда не заглянет, поэтому его дневник можно считать вполне достоверным документом. Эта запись была одной из самых больших тайн того времени, и она выдает подлинные планы Гитлера, о которых он, конечно, сказал начальнику генерального штаба. Генерал Кейтель в приказе ОКВ «О начале планирования десантной операции против Англии» 2 июля тоже написал: «Все приготовления должны вестись, исходя из того, что само вторжение является всего лишь планом, решение о котором еще не принято». Все мероприятия по операции «Морской лев» превратились в ширму для прикрытия подготовки агрессии против Советской страны. Маскировка эта проводилась весьма убедительно, потому что планы десантирования разрабатывались, изменялись, все время шел разговор о переправе через Ла-Манш как о действительно предстоящей. О том, что все это фикция, знали лишь немногие. Для большей убедительности на побережье проводились даже такие действия (цитирую из воспоминаний В. Крейпе): «Французские, бельгийские и голландские порты были забиты всевозможными судами. Непрерывно велась тренировка по посадке на суда и высадке десанта». Для этих тренировок были сосредоточены многочисленные суда германского военного флота и подводные лодки, а также артиллерия и авиация, которые прикрывали все эти тренировочные занятия.

Планы агрессии против государств Европы, о которых рассказывалось выше, действительно в свое время представляли для всех тайну. Но действия Гитлера и гитлеровского генерального штаба в осуществлении главного намерения были настолько последовательны, что не надо было ничего разгадывать. Главная, можно сказать, цель жизни Гитлера была изложена им в «Майн кампф», книге, которая была издана и переиздана в миллионах экземпляров, на всех языках, во всем мире. Вот что там сказано: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам... Это громадное пространство на востоке созрело для гибели... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением правильности расовой теории».

Надо, ох как надо было все это учесть нашим государственным и военным руководителям, проанализировать, оценить и готовить страну к отражению нашествия, но...

Ответ на вопрос, куда направить свои армии — на восток или на запад, был дан Гитлером четко, точно и определенно, надо было только услышать его и принять необходимые меры, но...

Этих «но» было так много, и порой так парадоксально было поведение руководства нашей страны, что даже сегодня не берусь объяснять эти «но» — оставим их историкам, идущим нам на смену. Однако давайте все же вспомним то, что известно уже сегодня и что проясняет понимание предвоенной ситуации, тем более что некоторые события ранее были закрыты плотным занавесом. Сегодня можно этот занавес приоткрыть.

Не будем терять из виду будущих противников Жукова, они за эти годы выросли в должностях, званиях, да и опыта набрались, прямо скажем, немало и очень современного.

Начнем с начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера, потому что именно он руководил непосредственной разработкой агрессивных планов войны Германии против многих стран Европы, а затем против Советского Союза.

Франц Гальдер родился в Вюрцбурге 30 июня 1884 года в семье, в которой многие поколения были военными. Получил образование в Мюнхене. Начал военную карьеру офицером в 3-м Баварском полевом артиллерийском полку. Учился в Баварском военном колледже с 1911 до 1914 года. Почти постоянно находился на штабной работе и постепенно поднялся до генерального штаба, заместителем начальника которого стал в апреле 1938 года. Некоторые сослуживцы описывают его как флегматичного человека, напоминающего профессора. На самом деле Гальдер был эмоциональным, но умел себя сдерживать. По многим источникам, когда назревал кризис с Чехословакией, Гальдер был готов пойти против Гитлера, даже искал себе поддержку среди военной верхушки, но отступил после того, как Гитлер одержал бескровную дипломатическую победу, которая необыкновенно подняла

престиж фюрера и, по мнению Гальдера, сделала невозможной в такой момент его замену. В то же время Гальдер в своем кругу высказывал замечания по поводу военного дилетантизма Гитлера. У него были споры с Гитлером из-за планов наступления на западном фронте, в Европе в конце 1939 года. Гитлер, испытывавший вообще подозрительность к генералам генерального штаба, даже запретил Гальдеру приносить с собой на совещания тетради, которые позднее стали основой его известного военного дневника.

Согласие Гальдера с гитлеровскими планами росло по мере укрепления военной силы Германии. Успехи на скандинавском и западноевропейском фронтах укрепляли его веру в Гитлера, хотя традиционные концепции старой школы Гальдера еще не раз столкнулись с волюнтаристскими концепциями Гитлера. Эти противоречия стали еще более резкими во время подготовки планов завоевания России. Гальдер не был против агрессивных планов Гитлера, но он считал, что было бы лучше, если бы Гитлер занимался политикой, а осуществление своих планов полностью передал бы военным, не мешал им.

Главнокомандующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич после первой мировой войны был инспектором артиллерии, затем командующим Восточно-Прусским военным округом. В апреле 1937 года назначен командующим 4-й армейской группой в Лейпциге. Браухич не высказывал оппозиционных настроений по отношению к Гитлеру и поэтому после чистки армии 4 февраля 1938 года был назначен главнокомандующим. Он добросовестно осуществлял все указания и планы Гитлера, командовал войсками во время нападения и оккупации Польши, Франции, Балканских стран. 19 июля 1940 года Гитлер удостоил его звания фельдмаршала. Браухич участвовал во всех подготовительных мероприятиях по нападению на Советский Союз.

Успешно складывалась и карьера Федора фон Бока. В 1935 году он был уже генералом, командиром корпуса. В 1938 году командовал войсками, оккупировавшими Австрию и Чехословакию. Возглавлял северную армейскую группу при нападении на Польшу и армейскую группу «Б» в 1940 году. В этом же плане за все одержанные победы получил звание генерал-фельдмаршала. В планах войны против СССР фон Бок был предусмотрен в качестве командующего группой армий «Центр», которая наносила главный удар на Москву.

Выросли, сформировали и апробировали свои теории нанесения сокрушительных ударов танковыми клиньями три кита бронетанковых войск гитлеровской армии: Гудериан, Клейст, Гёпнер, которым предстояло командовать танковыми группами, сыгравшими решающую роль в успехах гитлеровцев и в наших неудачах в 1941 году.

Гейнц Гудериан родился в 1888 году в семье офицера. Воспитывался в кадетском корпусе. Окончил военное училище в 1907 году, военную академию в 1914 г. В годы первой мировой войны был офицером генерального штаба в нескольких корпусах и дивизиях. В 1922 году назначен в отдел автомобильных войск министерства рейхсвера, где и начинается его рост как теоретика механизированных и танковых войск. В 1933 году он уже

полковник, начальник управления бронетанковых войск. В 1935 году командир танковой дивизии, генерал-майор. В 1938 году командир армейского корпуса, генерал-лейтенант, участвовал в оккупации Австрии, Судетской области. В ноябре 1938 года — он командующий бронетанковыми войсками.

В сентябре 1939 года в Польше, будучи командиром 19-го корпуса, он испытал на практике теорию блицкрига. Поддерживал идею о нападении на Францию. В 1940 году провел через Арденны свой бронетанковый корпус, переправил его через реку Маас и с огромной скоростью ворвался на территорию Северной Франции, чем еще раз доказал, что бронетанковые войска способны быстро и самостоятельно выполнять стратегический прорыв и окружение противника. В июле 1940 года Гудериану присвоено звание генерал-полковника. По плану «Барбаросса» Гудериан, командуя 2-й танковой группой, входившей в группу армий «Центр», должен был наносить главный удар на направлении Минск, Смоленск, Москва.

Я уже знакомил читателей со службой Эвальда Клейста в годы первой мировой войны. В 1928 году он начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии, затем 3-й кавалерийской дивизии. В 1929 году — полковник, в 1932 году — генерал-майор и командир 2-й кавалерийской дивизии. Клейст не симпатизировал нацистам и не скрывал этого, за что к нему очень плохо относился руководитель отрядов СА Хайнес. После того как Гитлер сам разгромил отряды СА, он приласкал талантливого генерала, присвоил ему звание генерал-лейтенанта, а в 1936 году — генерала кавалерии и назначил командиром 3-го корпуса в Бреслау. Но все-таки Клейст продолжал относиться к нацистам по-прежнему и в 1938 году был даже снят с должности командира корпуса. В армии за Клейстом удерживалась репутация знающего и энергичного генерала, и поэтому Гитлер вернул его на службу. В войне против Франции Клейст командовал танковой группой, в которую входили 19-й танковый корпус Гудериана, 41-й танковый корпус Рейнхардта, объединенные с 12-й полевой армией Листа. Когда отстала пехота, Клейст решил продолжать самостоятельный удар, чем, по сути дела, впервые в истории продемонстрировал успешность действий танково-механизированных войск, если их применять не как поддержку пехоты, а как самостоятельно действующий в глубине ударный кулак.

За короткий срок с 1933 по 1939 год — Гитлер привлек на свою сторону образованных и опытных генералов старой армии и создал мощные военные силы. Благодаря своей энергии и стратегической дерзости, порой переходящей в наглость, он оккупировал почти всю Западную Европу и накопил силы для осуществления главной мечты — захвата восточных пространств. В результате победных войн Гитлер приобрел огромный авторитет в своей стране и стал неограниченным диктатором.

В предвоенные годы Жуков, став генералом армии и командующим Киевским Особым военным округом, догнал и сравнялся в звании и должности с буду-

щими своими соперниками. Однако даже после победы на Халхин-Голе он не имел такого большого опыта ведения современных операций, какой получили немецкие генералы и фельдмаршалы, покорив многие страны Европы.

БЕССАРАБИЯ И ПРИБАЛТИКА

В секретном протоколе — приложении к советско-германскому договору о ненападении — есть, как вы помните, абзац: «Касательно Юго-Восточной Европы советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях».

К осуществлению этого пункта договора советская сторона приступила почти через год, в июне 1940 года. Хотелось бы, конечно, чтобы план этот осуществился мирным путем, но так как не было уверенности, что Румыния согласится вернуть эту территорию добровольно, была подготовлена армия.

В это время генерал армии Жуков был командующим Киевским Особым военным округом. На базе управления округом было создано полевое управление Южного фронта. В состав этого фронта кроме войск Киевского вошли многие части Одесского военного округа. Командующим Южным фронтом назначается Жуков.

Вот что рассказывал мне исполнявший обязанности начальника штаба 49-го стрелкового корпуса И. И. Баранов:

— В июне 1940 года наш корпус сосредоточился в районе Каменец-Подольска с задачей: быть в готовности для воссоединения Бессарабии и Северной Буковины, захваченных боярским правительством Румынии в 1918—1920 годах. Так была сформулирована нам задача в приказе. В эти дни в Москве, как мы знали, велись переговоры с румынской делегацией об освобождении Бессарабии мирным путем. Поэтому мы имели указания не переходить границы и не проявлять никаких действий против румынской армии. Однако командование корпуса, сориентированное на возможные боевые действия, проводило рекогносцировки местности и готовило части на тот случай, если придется осуществлять задачу, применив оружие. Вот в один из таких дней, когда все были на рекогносцировке, на командный пункт неожиданно приехал генерал армии Жуков. Он попросил меня доложить обстановку. Я подошел к карте и показал расположение частей и задачи, которые мы намерены им поставить в случае боевых действий. Жуков приказал: «Подготовьте разработку, и мы с вами дней через пять проведем КШУ с командирами дивизий и частей корпуса». Я подготовил разработку для проведения командно-штабного учения по выполнению предстоящей задачи, это учение состоялось, только сам Жуков не приехал, а руководил им его заместитель генерал-лейтенант Герасименко.

В Москве между тем в эти дни происходили тайные переговоры между Молотовым и послом Германии фон Шуленбургом. 23 июня Молотов в очередной раз встретился с Шуленбургом. Вот что сообщает об этом

германский посол в своей телеграмме в Берлин от 23 июня 1940 года:

«Срочно!

Молотов сделал мне сегодня следующее заявление. Разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств. Советское правительство все еще старается разрешить вопрос мирным путем, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение. Советские притязания распространяются и на Буковину, в которой проживает украинское население...

На эту телеграмму Риббентроп ответил Шуленбургу телеграммой от 25 июня 1940 года:

«Пожалуйста, посетите Молотова и заявите ему следующее:

1. Германия остается верной московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Но на этих территориях живут примерно 100 000 этнических немцев, и Германии, естественно, их судьба небезразлична, она надеется, что их будущее будет гарантировано...

2. Претензии Советского правительства в отношении Буковины — нечто новое. Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами. Судьба этих этнических немцев тоже чрезвычайно заботит Германию...

3. Полностью симпатизируя урегулированию бессарабского вопроса, имперское правительство вместе с тем надеется, что в соответствии с московскими соглашениями Советский Союз в сотрудничестве с румынским правительством сумеет решить этот вопрос мирным путем. Имперское правительство, со своей стороны, будет готово, в духе московских соглашений, посоветовать Румынии, если это будет необходимо, достигнуть полюбовного урегулирования бессарабского вопроса в удовлетворительном для России смысле.

Пожалуйста, еще раз подчеркните господину Молотову нашу большую заинтересованность в том, чтобы Румыния не стала театром военных действий...»

Не стоит думать, что последняя фраза была продиктована какими-то гуманными соображениями. Дело в том, что из Румынии Германия получала нефть и сельскохозяйственную продукцию, в которой была очень заинтересована, и поэтому опасалась, чтобы в случае военных действий этот источник сырья не пострадал.

Выполняя указания своего министра иностранных дел, Шуленбург встретился с Молотовым, о чем доложил телеграммой от 25 июня 1940 года.

«Срочно!

Инструкции выполнил, встречался с Молотовым сегодня в 9 часов вечера. Молотов выразил свою признательность за проявленное германским правительством понимание и готовность поддержать требования Советского Союза. Молотов заявил, что Советское правительство также желает мирного разрешения вопроса, но вновь подчеркнул тот факт, что вопрос крайне срочен и не терпит дальнейших отлагательств.

Я указал Молотову, что отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является

последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине Советское правительство придает важность разрешения этого вопроса одновременно с бессарабским. Молотов обещал учесть наши экономические интересы в Румынии в самом благожелательном для нас духе...

Молотов и Сталин очень торопились. Германский посол не успел еще получить ответа на свою телеграмму об очередной беседе, как его опять пригласили в Кремль. Шуленбург докладывает об этом Риббентропу в телеграмме от 26 июня:

«Очень срочно!

Молотов вызвал меня сегодня днем и заявил, что Советское правительство, основываясь на его (Молотова) вчерашней беседе со мной, решило ограничить свои притязания северной частью Буковины с городом Черновицы (Черновцы). Согласно советскому мнению граница должна пройти... (Дальше указываются пункты, через которые должна пройти граница.— В. К.) Молотов добавил, что Советское правительство ожидает поддержки Германией этих советских требований.

На мое заявление, что мирное разрешение вопроса могло бы быть достигнуто с большей легкостью, если бы Советское правительство вернуло Румынии золотой запас румынского национального банка, переданный в Москву на сохранение во время первой мировой войны, Молотов заявил, что об этом не может быть и речи, поскольку Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию».

Следует сказать несколько слов о золотом запасе румынского национального банка. Это золото было вывезено во время войны, ибо Румыния боялась, что оно будет захвачено противником. Но после революции, когда румынские войска заняли Бессарабию, Советское правительство наложило арест на это золото и заявило, что оно будет передано Румынии лишь после того, как она вернет Бессарабию. Однако, как видно из заявления Молотова германскому послу, он считал, что Румыния, владея Бессарабией до 1940 года, уже получила от этого достаточно прибыли и что о возвращении золота не может быть и речи. Много позже, уже после того как гитлеровцы были изгнаны из Румынии совместными силами румынской и советской армий, этот золотой запас был возвращен полностью правительству Румынской Народной Республики в 1948 году.

В беседе 26 июня Молотов высказал Шуленбургу следующее соображение: Советское правительство представит свои требования румынскому правительству через посланника в Москве в течение нескольких ближайших дней и ожидает, что германская империя безотлагательно посоветует румынскому правительству подчиниться советским требованиям, так как в противном случае война неизбежна.

И опять Сталин и Молотов очень спешили. Не прошло даже нескольких дней, о которых Молотов говорил Шуленбургу, как в тот же день, 26 июня, он вызывал к себе румынского посланника Г. Давидеску и заявил ему следующее: «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории — Бессарабию... Советский Союз никогда не мирился с

фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрее разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить наконец основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава».

Молотов потребовал ответа не позднее завтрашнего дня, то есть 27 июня.

После беседы с румынским посланником Молотов немедленно сообщил Шуленбургу о состоявшемся разговоре и требованиях, предъявленных Советским правительством Румынии. Шуленбург тут же телеграфировал об этом Риббентропу. Риббентроп незамедлительно позвонил в Бухарест своему посланнику и дал ему такое указание:

«Вам предписывается немедленно посетить министра иностранных дел и сообщить ему следующее:

Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям Советского правительства...»

Как известно, возвращение Бессарабии произошло без кровопролития. Румынская армия получила приказ своего правительства отходить без боя, организованно.

Но, видимо, потому, что это освобождение было результатом сговора наших государственных руководителей с Гитлером, нигде не печатались подробности освободительного похода. Как-то не полагалось об этом писать и говорить. И даже из рукописи мемуаров Жукова были изъяты страницы о его личном участии в этой бескровной операции.

Вот что он писал:

...в Киев мне позвонил нарком обороны С. К. Тимошенко и передал решение правительства о создании Южного фронта в составе трех армий для освобождения Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии. Командующим фронтом назначался я по совместительству.

В состав фронта включались две армии Киевского округа: 12-я армия под командованием генерал-майора Ф. А. Парусинова и 5-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко; третья создавалась из войск Одесского военного округа под командованием генерал-лейтенанта И. В. Болдина...

Далее Жуков описывает, как, во избежание столкновений, наше и румынское командования догово-

рились о передвижении войск по времени и по рубежам.

«При этом Румыния обязывалась оставить в неприкосновенности железнодорожный транспорт, оборудование заводов, материальные запасы.

Однако нами было установлено, что румынское правительство и командование, не выполнив обязательств, начали спешно вывозить в Румынию с освобождаемой территории все, что можно было вывезти».

Со свойственной Жукову решительностью и оригинальностью маневра он немедленно принял меры, чтобы воспрепятствовать нарушению обязательств. Меры эти были настолько неожиданны и эффективны, что румынское руководство в полной панике обратилось с жалобой к Сталину.

Жуков так излагает свой разговор со Сталиным.

«На второй день этих событий я был вызван И. В. Сталиным по ВЧ. И. В. Сталин спросил:

— Что у вас происходит? Посол Румынии обратился с жалобой на то, что советское командование, нарушив заключенный договор, выбросило воздушный десант на реку Прут, отрезав все пути отхода. Будто бы вы высадили с самолетов танковые части и разогнали румынские войска.

— Разведкой было установлено грубое нарушение договора со стороны Румынии,— ответил я.— Вопреки договоренности, из Бессарабии и Северной Буковины вывозится железнодорожный транспорт и заводское оборудование. Поэтому я приказал выбросить две воздушно-десантные бригады с целью перехвата всех железнодорожных путей через Прут, а им в помощь послал две танковые бригады, которые подошли в назначенные районы одновременно с приземлением десантников.

— А какие же танки вы высадили с самолетов на реке Прут? — спросил И. В. Сталин.

— Никаких танков по воздуху мы не перебрасывали,— ответил я.— Да и перебрасывать не могли, так как не имеем еще таких самолетов. Очевидно, отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха...

И. В. Сталин рассмеялся и сказал:

Соберите брошенное оружие и приведите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта — берегите его. Я сейчас дам указание Наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству».

Так и в мирной, бескровной операции Жуков проявил свое полководческое искусство.

Почему же так торопились Сталин и Молотов с возвращением Бессарабии? После того как капитулировала Франция, а английских солдат ни одного уже не было на материке, трудно было не увидеть, что война в Европе заканчивается, что, по сути дела, у Гитлера не осталось там противников. Вот Сталин и спешил, понимая, что после завершения войны в Европе вероятность нападения Германии на Советский Союз, о чем трубила вся мировая пресса, становится все более реальной, несмотря на имеющийся договор.

Поэтому Сталин хотел побыстрее реализовать до конца свой сговор с Гитлером.

То, что касалось Бессарабии, было осуществлено за короткое время. Но в секретном дополнительном протоколе была предусмотрена еще, как уже говорилось, передача Прибалтики в сферу влияния Советского Союза. Напомню этот пункт:

«В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами».

Посол фон Шуленбург в своем письме в министерство иностранных дел от 11 июля 1940 года среди прочего отмечал:

«Политические интересы Москвы сфокусированы сейчас целиком на событиях в Прибалтийских государствах и на отношениях с Турцией и Ираном.

Большинство западных дипломатов считают, что все три Прибалтийских государства будут преобразованы в организмы, полностью зависящие от Москвы, то есть будут включены в состав Советского Союза. Дипломатические миссии этих государств в Москве, как ожидается, будут распущены и исчезнут в самое короткое время...

Беспокойство советского руководства в стратегическом отношении по поводу Прибалтийских республик было связано с тем, что их территория в случае войны представляла собой широкий и удобный плацдарм для вторжения в нашу страну. Причем нельзя было не учитывать, что с 1919 года, когда контрреволюционные силы свергли Советскую власть в Литве, Латвии и Эстонии, там в течение двадцати лет существовали режимы, проводившие политику, враждебную Советскому Союзу. В этих странах были и профашистские круги, которые твердо держали курс на сближение с Германией, особенно после прихода Гитлера к власти.

Советский Союз в сентябре 1939 года предложил правительствам Эстонии, Латвии и Литвы подписать договоры о взаимной помощи. Такие договоры были подписаны в Москве в сентябре и октябре 1939 года. Советская сторона по этому договору обещала названным странам в случае нападения или угрозы нападения на них со стороны любой европейской державы оказать помощь всеми средствами, включая и военные. Для того чтобы выполнить это обязательство, Советский Союз получал право разместить в Прибалтийских странах свои войска и создать на их территории морские и воздушные базы.

Буржуазные правительства Прибалтийских республик конечно же не хотели дальнейшей советизации своих государств и прилагали всяческие усилия к тому, чтобы избавиться от советской опеки. Собирались секретные конференции министров иностранных дел, генеральные штабы разрабатывали планы, как действовать в случае военного столкновения с советскими частями, профашистские организации устраивали провокации против советских воинов, проживавших на территории этих республик.

В конце февраля 1940 года литовский президент А. Сметона направил в Берлин директора департамента государственной безопасности министерства внутренних дел А. Повилайтиса с секретной миссией — получить согласие Германии на то, чтобы она установила над Литвой протекторат или взяла ее под свою политическую опеку. Германское правительство обещало сделать это осенью 1940 года, после завершения военных операций на западе. В общем, отношение властей этих стран к советским гарнизонам, мягко говоря, было недружественным.

В то же время коммунистические партии и прогрессивные круги Прибалтийских республик вели большую агитационную работу, что в конце концов завершилось установлением в них Советской власти: 21 июля 1940 года вновь избранные Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственная дума Эстонии провозгласили свои страны советскими социалистическими республиками и приняли декларацию о вступлении их в Советский Союз.

Послы бывших прибалтийских правительств искали помощи у Германии, они обратились с нотами в министерство иностранных дел, просили защиты, выражали свое негодование, называли происходящее незаконными действиями. Но, как мы знаем, сговор между Гитлером и Сталиным, оформленный соответствующим секретным протоколом, уже существовал, и Германия ничего не предприняла для оказания помощи Прибалтийским республикам. Представитель министерства иностранных дел Германии 24 июля 1940 года от имени МИД Германии оповестил об этом послов. Вот как сказано в его послании:

«Сегодня я дружески вернул литовскому и латвийскому послам их ноты относительно включения их стран в состав СССР и в свое оправдание заявил, что мы можем принимать от посланников только те ноты, которые они представляют от имени своих правительств...

Эстонский посланник тоже хотел вручить мне сегодня аналогичную ноту. Я попросил его воздержаться от этого, указав вышеупомянутые причины...»

Таким образом, официальный Берлин заявил своим недавним друзьям о том, что они уже, собственно, не представляют никаких правительств.

Союзники — Германия и СССР — продолжали за кулисами решать свои проблемы.

МОСКВА — БЕРЛИН, 1940 ГОД

К концу 1940 года Германия, оккупировав основные страны Европы, по сути дела, провела все подготовительные меры к своей главной большой войне — против СССР. Последней очень весомой акцией в этом явился пакт Берлин — Рим — Токио, который объединял антисоветские силы и ставил СССР под угрозу нападения с Запада и с Востока.

Верный своей тактике — предварительной политической и дипломатической подготовке, — Гитлер начинает (конечно, скрытно) новый этап действий.

Для маскировки удара ему надо было предпринять убедительные, отвлекающие внимание Советского правительства шаги. Именно такую игру и начал Гитлер через своего министра иностранных дел Риббентропа. 13 октября 1940 года Риббентроп послал Сталину пространное письмо. Вот выдержки из него:

«Дорогой господин Сталин!

Более года назад по Вашему и фюрера решению были пересмотрены и поставлены на абсолютно новую основу отношения между Германией и Советской Россией. Я полагаю, что это решение найти общий язык принесло выгоду обеим странам, начиная с признания того, что наши жизненные пространства могут сосуществовать без претензий друг к другу, и кончая практическим разграничением сфер влияния, что привело к германо-советскому пакту о дружбе и границе...

Далее Риббентроп сделал обзор событий, происшедших за минувший год. Он убеждал Сталина, что пакт Берлин — Рим — Токио вовсе не направлен против Советского Союза. «Три державы в одинаковой степени придерживались того мнения, что этот пакт ни в коем случае не нацелен против Советского Союза, что, напротив, дружеские отношения трех держав и их договоры с СССР ни в коем случае не должны быть этим соглашением затронуты...»

Затем Риббентроп излагал главную мысль, ради которой было написано такое пространное письмо:

«В заключение я хотел бы заявить в полном соответствии с мнением фюрера, что историческая задача четырех держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов...»

Если говорить прямым, недипломатическим языком, Германия предлагала Советскому Союзу вступить в союз с государствами, образовавшими треугольник Берлин — Рим — Токио, и таким образом превратить этот треугольник в четырехугольник, договориться о разделении сфер влияния в мировом масштабе, или если не в мировом, то уж, во всяком случае, на континенте Европы и Азии.

Далее Риббентроп писал:

«Мы были бы рады, если бы господин Молотов нанес нам в Берлин визит для дальнейшего выяснения вопросов, имеющих решающее значение для будущего наших народов и для обсуждения их в конкретной форме... Его визит, кроме того, предоставит фюреру возможность лично высказать господину Молотову свои взгляды на будущий характер отношений между нашими странами... Если затем, как я с уверенностью ожидаю, мне придется поработать над согласованием нашей общей политики, я буду счастлив снова лично прибыть в Москву, чтобы совместно с Вами, мой дорогой господин Сталин, подвести итог обмену мнениями и обсудить, возможно вместе с представителями Японии и Италии, основы политики, которая сможет всем нам принести практические выгоды.

С наилучшими пожеланиями, преданный Вам

Риббентроп».

Шуленбург передал это письмо Молотову, за что получил настоящую головомойку от Риббентропа, тот просто негодовал: почему же он отдал Молотову письмо, адресованное лично Сталину?! Шуленбург оправдывался перед министром, и мне кажутся любопытными некоторые его аргументы — приведу отдельные выдержки из его телеграммы:

«Письмо, предназначенное Сталину, я вручил Молотову потому, что хорошо знаю существующие здесь деловые и личные отношения... Предложение с моей стороны вручить письмо непосредственно Сталину вызвало бы серьезное раздражение господина Молотова. Мне казалось необходимым избежать этого, так как Молотов — ближайшее доверенное лицо Сталина и нам придется в будущем иметь с ним дело по всем крупнейшим политическим вопросам...»

То, что письмо не было вручено до 17 октября, объясняется тем, что я не смог прибыть в Москву до вечера 15 октября из-за опоздания самолета. Перед тем как вручить письмо, мы должны были сначала перевести его на русский язык, поскольку мы знаем из опыта, что переводы, сделанные советскими переводчиками, плохи и полны ошибок. Учитывая чрезвычайную политическую важность письма, было необходимо передать его Сталину в безупречном переводе, так чтобы в его содержание не вкрались бы неточности. При самых энергичных усилиях было невозможно в более короткий срок перевести это длинное и важное послание на русский язык и отпечатать по-русски окончательный экземпляр».

Молотов действительно передал это письмо Сталину, как и обещал, и 22 октября вручил ответное письмо Сталина в запечатанном конверте. Но при этом у Молотова была и копия этого письма. Вот оно:

«Дорогой господин Риббентроп!

Я получил Ваше письмо. Искренне Вас благодарю за Ваше доверие, а также за содержащийся в Вашем письме ценный анализ недавних событий.

Я согласен с Вами в том, что, безусловно, дальнейшее улучшение отношений между нашими странами возможно лишь на прочной основе разграничения долгосрочных взаимных интересов. Господин Молотов согласен с тем, что он обязан отплатить Вам ответным визитом в Берлин. Поэтому он принимает Ваше приглашение.

Нам остается договориться о дате его прибытия в Берлин. Для господина Молотова наиболее удобно время с 10 по 12 ноября. Если это также устраивает и германское правительство, вопрос можно считать решенным.

Я приветствую выраженное Вами желание снова приехать в Москву, чтобы подвести итог обмена мнениями, начавшегося в прошлом году, по вопросам, интересующим обе страны, и я надеюсь, что это желание будет претворено в жизнь после поездки господина Молотова в Берлин.

Что касается обсуждения ряда проблем совместно с Японией и Италией, то, в принципе не возражая

против идеи, я считаю, что этот вопрос должен будет подвергнуться предварительному рассмотрению.

С совершенным почтением, преданный Вам

Сталин».

Дальше я буду рассказывать о встрече с Гитлером и договоре, используя то, что мне стало известно из бесед моих с Молотовым. Большая удача для писателя — получить такой материал, как говорится, из первых рук от одного из двух участников совершенно секретных переговоров. В этом деле мне действительно очень повезло, и я могу порадоваться еще одному не менее важному источнику информации о такой сугубо конфиденциальной встрече. Молотова — в числе других — сопровождал и присутствовал на беседах в качестве переводчика Валентин Михайлович Бережков, отличный дипломат и талантливый литератор. В своих книгах он подробно рассказал о многих годах дипломатической работы, в том числе и о поездке с Молотовым в Берлин в ноябре 1940 года. Я спросил его о деталях, которые были мне необходимы для описания этой поездки.

Опускаю обстоятельства пышной встречи Молотова на вокзале в Берлине — с почетным караулом, со всеми почестями, которые полагается главе правительства, — и другие подробности. Меня больше интересовала чисто человеческая, психологическая сторона этой встречи. Ну, во-первых, я спросил Молотова о внешности Гитлера, о манере его говорить. Он сказал следующее:

На этих встречах, пожалуй, был не столько диалог, сколько монолог. Гитлер уже привык, чтобы его слушали, он был вождь, он уже был приучен к тому, чтобы изрекать. Вот и при первой встрече он очень много говорил о своих планах и показывал широту, масштабность своего мышления, свободно делил мир, распоряжался странами и народами.

Я спросил Молотова, какой был главный смысл этих переговоров.

— Главным было то, что Германия хотела втянуть нас в военный пакт. То есть из того, что называлось треугольником Берлин — Рим — Токио, сделать четырехугольник, четвертую сторону которого составлял бы Советский Союз. Гитлер откровенно предложил поделить сферы влияния, себе он оставлял Европу, Японии — Дальний Восток и прилегающие острова Океании, Италии — средиземноморские страны, а Советскому Союзу он предлагал устремить свое внимание на юг, то есть искать выход к Персидскому заливу и Индийскому океану через территории прилегающих в этом месте к нему стран.

Я поинтересовался:

— Если бы мы согласились на такую комбинацию, может, не было бы и Великой Отечественной войны?

Молотов, прищурив глаза, с улыбкой посмотрел на меня и иронически сказал:

— Сразу видно, что вы не политик и не дипломат. Разве могли мы, Советская страна, пойти на такой сговор с империалистами и делить мир для его

последующего захвата силой оружия? Как бы мы выглядели перед народами мира с нашими заявлениями об интернационализме? Нет, мы не могли пойти на такой сговор, несмотря на то что Гитлер предлагал нам очень выгодные дополнения — например, то, что будем владеть проливами, соединяющими Черное море со Средиземным. Ну и еще одно из главных тайных намерений Гитлера заключалось в том, чтобы привязать нас к себе в борьбе с Англией, в войне, которую он тогда вел.

В то время мне не были известны секретные протоколы, подписанные Молотовым, относительно Польши и других стран, поэтому я ничего не мог ему возразить. Не знал я и стенограмм бесед Молотова и Гитлера, а Молотов, так твердо заявляя о своих интернационалистских взглядах, очевидно, не предполагал, что эти документы станут когда-либо достоянием широкой общественности.

Первая беседа Молотова с Гитлером состоялась в новом здании имперской канцелярии. Его построили недавно, уже при Гитлере, в духе величественности и военной строгости. Кабинет Гитлера был очень большой, на стенах висели огромные гобелены, на полу лежал толстый ковер, слева в углу стоял тоже очень большой письменный стол, там же находился большой глобус на подставке из черного дерева, тот самый глобус, о котором позднее так много писали журналисты, говоря о претензиях Гитлера на мировое господство.

Когда вошли Молотов и сопровождавший его на первой беседе переводчик Павлов, Гитлер был в кабинете один, сидел за столом. Он встал и быстрыми шагами пошел навстречу Молотову к середине кабинета. Фюрер в этой огромной зале казался маленьким, он был в военном кителе без погон, на груди Железный крест, на рукаве широкая красная повязка с черной свастикой в белом кружке.

В это же время через боковую дверь вошли министр иностранных дел Риббентроп, советник германского посольства в Москве Хильгер и личный переводчик Гитлера Шмидт. Гитлер пригласил всех к диванам и столу — что-то вроде гостиной в одном из углов кабинета. Гитлер сел напротив Молотова, их разделял стол.

Гитлер говорил без подготовленного текста, четкими фразами, прерывая свою речь паузами для перевода.

Шмидт раскрыл большую папку с линованной бумагой и стенографировал разговор. С этой стенограммой (несколько сокращенной мною) я и познакомлю читателей. Она опубликована в числе тех немецких документов, о которых речь шла выше. Я не буду перерабатывать эту стенограмму в прямую речь, придумывать психологические комментарии к каждой реплике собеседников, мне кажется, здесь более всего важна подлинность сказанного, поэтому приведу сам документ, а не пересказ его.

«Фюрер заявил, что главной темой текущих переговоров, как ему кажется, является следующее: в жизни народов довольно трудно намечать ход событий на долгое время вперед; за возникающие конфликты часто ответственны личные факторы. Он тем не менее считает необходимым попытаться навести порядок в развитии народов, причем на долгое время, если это возможно, так, чтобы избежать трений и предотвратить конфликты, насколько это в человеческих силах. Это тем более нужно сделать, когда два народа, такие, как немецкий и русский, имеют у кормила государства людей, обладающих властью, достаточной для того, чтобы вести свои страны к развитию в определенном направлении. В случае России и Германии, кроме того, две великие нации по самой природе вещей не будут иметь каких-либо причин для столкновения их интересов, если каждая нация поймет, что другой стороне требуются некоторые жизненно необходимые вещи, без которых ее существование невозможно...

Молотов высказал свое полное согласие с этими соображениями...

Фюрер сказал далее, что, возможно, ни один из двух народов не удовлетворил своих желаний на сто процентов. В политической жизни, однако, даже 20—25 процентов реализованных требований — уже большое дело... Во всех случаях два великих народа Европы добьются большего, если они будут держаться вместе, чем если они будут действовать друг против друга.

Молотов ответил, что соображения фюрера абсолютно правильны и будут подтверждены историей и что они особенно применимы к настоящей ситуации.

Фюрер затем сказал, что в момент, когда военные операции фактически закончились, он еще раз трезво обдумал вопрос о германо-русском сотрудничестве и о том, какое направление оно примет в будущем. В этом деле для Германии важны следующие пункты:

1. Необходимость жизненного пространства. Во время войны Германия приобрела такие огромные пространства, что ей потребуется сто лет, чтобы использовать их полностью.

2. Необходима некоторая колониальная экспансия в Северной Африке.

3. Германия нуждается в определенном сырье, поставки которого она должна гарантировать себе при любых обстоятельствах.

4. Она не может допустить создания враждебными государствами военно-воздушных и военно-морских баз в определенных районах.

Интересы России, однако, ни в коем случае не будут затронуты. Российская империя может развиваться без малейшего ущерба германским интересам.

Молотов сказал, что это совершенно верно.

Фюрер продолжал. Обе страны, Германия и Россия, всегда будут существовать отдельно друг от друга как две могучие части мира. Они обе могут сами

построить свое будущее, если при этом они будут учитывать интересы другой стороны. У Германии нет интересов в Азии, кроме общих экономических и торговых интересов. В частности, у нее там нет колониальных интересов. Она знает, кроме того, что вероятные колониальные территории в Азии, скорее всего, отойдут к Японии...

В Европе есть несколько точек соприкосновения между интересами Германии, России и Италии. У каждой из этих стран есть понятное желание иметь выход в открытое море. Германия хочет выйти к Северному морю. Италия хочет уничтожить «засов», поставленный на Гибралтаре, а Россия стремится к океану. Вопрос сейчас состоит в том, насколько велики шансы этих трех держав действительно получить свободный доступ к океану без того, чтобы конфликтовать друг с другом по этому поводу. Это также является той исходной точкой, с которой он рассматривает приведение в систему европейских отношений после войны...

Кроме всего этого существует еще проблема Америки. В настоящее время Соединенные Штаты ведут империалистическую политику. Они не борются за Англию, а только пытаются овладеть Британской империей. Они помогают Англии в лучшем случае для того, чтобы продолжать свое собственное перевооружение и, приобретая базы, усиливать свою военную мощь. В отдаленном будущем предстоит решить и вопрос о тесном сотрудничестве тех стран, интересы которых будут затронуты расширением сферы влияния этой англосаксонской державы, которая стоит на фундаменте куда более прочном, чем Англия. Впрочем, это не тот вопрос, который предстоит решать в ближайшем будущем; не в 1945 году, а только в 1970 или 1980 году, самое раннее, эта англосаксонская держава станет угрожать свободе других народов...

Фюрер затем вернулся к германо-советским отношениям. Он вполне понимает старание России получить незамерзающие порты с безопасным выходом в открытое море... Германия будет готова в любой момент помочь России улучшить ее положение в проливах.

Молотов ответил, что перед его отъездом из Москвы Сталин дал ему точные инструкции; и все, что он собирается сказать, совпадает со взглядами Сталина. Он сходится во мнениях с фюрером о том, что оба партнера извлекли значительные выгоды из германо-русского соглашения. Германия получила безопасный тыл; и общеизвестно, что это имело большое значение для хода событий в течение года войны. Вместе с тем Германия получила существенные экономические выгоды в Польше... Германо-русское соглашение от прошлого года можно, таким образом, считать выполненным во всех пунктах, кроме одного, а именно Финляндии. Финский вопрос до сих пор остается неразрешенным. И он просит фюрера сказать ему, остаются ли в силе пункты германо-русского соглашения относительно Финляндии. С точки зрения Советского правительства, никаких изменений здесь не произошло. К настоящему времени возникли и новые проблемы, которые также должны быть разрешены.

Молотов затем поднял вопрос о значении Тройственного пакта. Что означает новый порядок в Европе и Азии и какая роль будет отведена в нем СССР? Эти вопросы должны быть обсуждены во время берлинских бесед и во время предполагаемого визита в Москву имперского министра иностранных дел. Кроме того, должны быть уточнены вопросы о русских интересах на Балканах и в Черном море, касающиеся Болгарии, Румынии и Турции. Советское правительство также хотело бы иметь представление о границах так называемого великого восточноазиатского пространства.

Фюрер ответил, что Тройственный пакт имел целью урегулирование состояния дел в Европе в соответствии с естественными интересами европейских стран, и во исполнение этого Германия теперь обращается к Советскому Союзу, чтобы он мог высказать свое мнение относительно интересующих его районов. Без содействия Советской России соглашение во всех случаях не может быть достигнуто. Это относится не только к Европе, но и к Азии, где сама Россия будет участвовать в деле определения великого восточноазиатского пространства и заявит о своих притязаниях...

В заключение фюрер подвел итог, заявив, что в некотором смысле это обсуждение представляет собой первый конкретный шаг к всеобъемлющему сотрудничеству с должным рассмотрением как проблем Западной Европы, которые должны быть урегулированы между Германией, Италией и Францией, так и проблем Востока, которые в первую очередь затрагивают Россию и Японию, но для решения которых Германия предлагает свои добрые услуги в качестве посредника. Это служит делу противостояния попыткам, предпринимаемым со стороны Америки, «зарабатывать на Европе деньги». У Соединенных Штатов не должно быть деловых интересов ни в Европе, ни в Африке, ни в Азии.

Молотов выразил свое согласие с заявлениями фюрера относительно роли Америки и Англии. Участие России в Тройственном пакте представляется ему в принципе абсолютно приемлемым при условии, что Россия является партнером, а не объектом».

Беседа продолжалась два с половиной часа. Гитлер посмотрел на часы, и ввиду возможной воздушной тревоги переговоры были перенесены на другой день.

Многочисленным фото- и кинокорреспондентам было разрешено войти и сфотографировать участников беседы.

Молотов, прощаясь, обратился к Гитлеру:

— Сегодня вечером прием в Советском посольстве, я приглашаю вас.

Фюрер ответил не очень определенно, что постарается быть. На прием он не пришел, но была вся нацистская верхушка во главе с Герингом, Риббентропом. При первых же тостах вдруг завывли сирены, возвещая о приближении английских бомбардировщиков. Гости быстро разъехались, потому что в посольстве не было бомбоубежища.

Ночью шифром было доложено Сталину содержание первой беседы, и в эту же ночь был получен ответ с указанием Сталина пока отклонить предложение Гитлера о нашем участии в разделе «британского наследст-

ва». Рекомендовалось настойчивее прояснять вопросы, связанные с европейской безопасностью и другими проблемами, затрагивающими интересы Советского Союза.

Вторая встреча Молотова с Гитлером состоялась на следующий день, 13 ноября, в том же кабинете. На этот раз она длилась почти три часа.

Вот ее — опять-таки сокращенная — стенограмма.

«Фюрер вернулся к замечанию Молотова, сделанному во время вчерашней беседы, что германо-русское соглашение выполнено за исключением одного пункта, а именно Финляндии».

Молотов пояснил, что это замечание относится не столько к самому германо-русскому договору, сколько к секретному протоколу.

Фюрер ответил, что в секретном протоколе зоны влияния и сферы интересов были определены и разделены между Германией и Россией. Поскольку вопрос стоял о фактическом получении территории, Германия действовала в соответствии с соглашением, что было не совсем так со стороны русских...

(Здесь имелся в виду эпизод, когда по просьбе советской стороны часть литовской территории, предназначенная по соглашению Германии, осталась за Литвой, уже объявленной советской, за что Германии была предложена плата 31050000 марок.— В. К.)

Аналогичной является и ситуация с Финляндией. У Германии нет там политических интересов. Русское правительство знает это. Во время русско-финской войны Германия выполняла все свои обязательства по соблюдению абсолютного благожелательного нейтралитета... Германия признает, что политически Финляндия представляет для России первостепенный интерес и находится в ее зоне влияния... Однако Германия должна принять во внимание два момента:

1. Пока идет война, она крайне заинтересована в получении из Финляндии никеля и леса.

2. Она не желает в Балтийском море каких-либо новых конфликтов, которые еще больше ограничат ее свободу передвижения в одном из немногих районов торгового мореплавания, все еще остающихся открытыми для Германии. Было бы совершенно неправильно утверждать, что Финляндия оккупирована германскими войсками. Войска лишь транспортируются через Финляндию в Киркенес, о чем Германия официально информировала Россию... Как только транзитная перевозка военных контингентов будет закончена, никаких дополнительных войск через Финляндию посылаться не будет. Он (фюрер) подчеркивает, что как Германия, так и Россия заинтересованы в недопущении того, чтобы Балтийское море снова стало зоной войны. Со времени русско-финской войны произошли существенные изменения в перспективах военных операций, так как Англия имеет в своем распоряжении бомбардировщики и истребители-бомбардировщики дальнего действия. И у Англии, таким образом, есть шанс захватить небольшой плацдарм на финских аэродромах.

Существует и чисто психологический фактор, кото-

рый крайне обременителен. Финны мужественно защищали себя, и они завоевали симпатии всего мира, особенно Скандинавии. В Германии между тем во время русско-финской войны люди были в некоторой степени недовольны той позицией, которую в результате соглашения с Россией должна была занять и в действительности заняла Германия. По вышеупомянутым соображениям Германия не желает новой финской войны. Однако это не затрагивает законных притязаний России.

В своем ответе Молотов подчеркнул, что соглашение 1939 г. имело в виду определенную стадию развития, которая завершилась с окончанием польской войны, вторая стадия закончилась поражением Франции, и теперь они находятся уже в третьей стадии. Он напомнил, что в соответствии с текстом соглашения и его секретным протоколом была определена общая германо-русская граница и были урегулированы вопросы относительно прибалтийских государств, Румынии, Финляндии и Польши...

Далее Молотов и Гитлер снова долго выясняли отношения по поводу уступки Германии в вопросе литовской территории, затем Молотов перешел к Буковине.

«Он (Молотов) признал, что вопрос о Буковине затрагивает территории, не упомянутые в секретном протоколе. Россия сначала ограничила свои требования Северной Буковиной. В нынешней ситуации, однако, Германия должна понять заинтересованность русских и в Южной Буковине. Но Россия не получила ответа (Германии) и на этот запрос. Вместо этого Германия гарантировала целостность всей территории Румынии, полностью пренебрегая планами России в отношении Южной Буковины.

Фюрер ответил, что даже если только часть Буковины останется за Россией, то и это будет значительной уступкой со стороны Германии. В соответствии с устным соглашением бывшая австрийская территория должна войти в германскую сферу влияния...

Молотов, однако, настаивал на ранее изложенной точке зрения, что изменения, произведенные Россией, незначительны.

Фюрер ответил, что для того, чтобы германо-русское сотрудничество принесло в будущем положительные результаты, Советское правительство должно понять, что Германия не на жизнь, а на смерть вовлечена в борьбу, которая при всех обстоятельствах должна быть доведена до успешного конца. Необходимый для этого ряд предпосылок, зависящих от экономических и военных факторов, Германия хочет обеспечить себе любыми средствами... Чем больше Германия и Россия, стоя спиной к спине, преуспеют в борьбе против внешнего мира, тем большими будут их успехи в будущем, и те же успехи будут меньшими, если две страны встанут против друг друга. (В первом случае) впервые на земле не будет силы, которая сможет противостоять (этим) двум странам.

В своем ответе Молотов заявил о согласии с последним заключением фюрера. В связи с этим он хотел бы обратить внимание на желание советских лидеров, в частности Сталина, укрепить и активизировать отно-

шения между двумя странами. Однако для подведения под эти отношения прочного фундамента должна быть наведена ясность в вопросах второстепенной важности, отравляющих атмосферу германо-русских отношений. К ним относится вопрос об отношениях между СССР и Финляндией. Если Россия и Германия достигнут понимания по этому вопросу, он может быть урегулирован без войны. Но не может быть и речи о пребывании в Финляндии германских войск и проведении в этой стране политических демонстраций, направленных против советского русского правительства.

Фюрер ответил, что вторая часть заявления не подлежит обсуждению, так как Германия к этому не имеет отношения. Между прочим, демонстрации организовать очень легко, а потом уже крайне трудно выяснить, кто был их действительным подстрекателем. Что касается германских войск, то он может заверить, что, как только будет достигнуто общее соглашение, германские войска перестанут появляться в Финляндии.

Молотов ответил, что под демонстрациями он также имеет в виду отправку финских делегаций в Германию или приемы, организованные в Германии в честь видных финнов. Кроме того, присутствие германских войск поставило финнов в двусмысленное положение. Так, например, появились лозунги типа: «Те, кто ободряет последний русско-финский мирный договор, — не финны!», и другие.

Фюрер ответил, что Германия всегда оказывала лишь сдерживающее влияние и что она рекомендовала как Финляндии, так и, в особенности, Румынии согласиться на требования русских...

Дальнейший ход беседы я перескажу, так как разгорелась долгая дискуссия по поводу финского вопроса и возможной новой войны между Финляндией и СССР. Гитлер нервничал, повторял, что ему нужна спокойная обстановка в районе Балтийского моря, чтоб не прервалось снабжение Германии стратегическим сырьем. Он пугал возможным вмешательством Америки. Обещал содействие СССР в овладении проливами, выходящими из Черного в Средиземное море. В общем, он говорил довольно долго, а Молотов при возможности вставить реплику опять возвращался к необходимости убрать немецкие войска из Финляндии. Гитлер не привык слышать возражения. А тут Молотов еще упомянул о том, что Советский Союз недоволен срывом ответных поставок из Германии по хозяйственному соглашению, которое СССР добросовестно исполняет. Но, опять уклоняясь от прямых ответов, Гитлер заговорил о мировых проблемах.

Беседа вновь вернулась к обсуждению, как сказано в стенограмме, «великих планов сотрудничества стран, интересующихся обанкротившимся хозяйством Британской империи». Говорилось, что после того, как эти вопросы будут предварительно обсуждены по дипломатическим каналам, они должны быть еще раз рассмотрены в Москве министрами иностранных дел Германии, Италии и Японии совместно с Молотовым.

В этом месте беседы Гитлер обратил внимание присутствующих на позднее время и сказал, что ввиду возможных воздушных атак англичан будет лучше закон-

чить переговоры сейчас, поскольку основные вопросы уже достаточно обсуждены.

Подводя итог, он заявил, что возможность гарантировать интересы России как черноморской державы подлежит дальнейшему рассмотрению и что в целом требования России относительно будущего ее положения в мире будут приняты во внимание.

В своем заключительном слове Молотов заявил, что Советский Союз, как мощная держава, не может стоять в стороне от важных европейских и азиатских дел.

На этом вторая беседа закончилась.

В тот же день в 21 час 40 минут состоялась заключительная беседа Молотова с Риббентропом в министерстве иностранных дел на Вильгельмштрассе.

Бережков так описывает эту встречу.

Кабинет министра, значительно меньший, чем у Гитлера, был обставлен с роскошью. Узорчатый паркетный пол так блестел, что в нем, словно в зеркале, отражались все предметы. На стенах висели старинные картины, окна обрамляли портьеры из дорогой гобеленовой ткани, вдоль стен на подставках стояли статуэтки из бронзы и фарфора.

Державшийся в присутствии Гитлера в тени Риббентроп вел себя теперь совсем по-иному. Он разыгрывал вельможу-аристократа, но манеры его были скорее развязными, нежели величественными. Его окружала многочисленная свита и фоторепортеры, перед которыми он охотно позировал. Во время взаимных приветствий и общей беседы, длившейся несколько минут, Риббентроп стоял посреди комнаты со скрещенными на груди руками и вскинутой вверх головой. Наконец он сказал, обращаясь к свите и репортерам:

— Господа, вам придется нас покинуть. Нам предстоят еще важные дела. Надеюсь, вы нас извините...

Все быстро откланялись и вышли из кабинета.

Риббентроп пригласил участников беседы к стоявшему в углу кабинета круглому столу и, когда все расселись, заявил, что в соответствии с пожеланием фюрера было бы целесообразно подвести итоги переговоров и договориться о чем-то в принципе. Затем он вынул из нагрудного кармана своего серо-зеленого кителя сложенную в четверть листа бумажку и, медленно развернув ее, сказал:

— Здесь набросаны некоторые предложения германского правительства...

Держа листок перед собой, Риббентроп зачитал эти предложения. Это были проекты договора о присоединении Советского Союза к пакту Берлин — Рим — Токио и секретного протокола о разделе сфер влияния.

Мне кажется, читателям будет интереснее узнать содержание последнего документа не в пересказе, а прочитать в подлиннике. Привожу те части его, которые отражают главный смысл.

Секретный протокол № 1

В связи с подписанием Соглашения, заключенного между нами, Представители Германии, Италии и Японии и Советского Союза заявляют следующее:

1) Германия заявляет, что, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, ее основные территориальные интересы лежат в Центральной Африке.

2) Италия заявляет, что, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, ее основные территориальные интересы лежат в Северной и Северо-Восточной Африке.

3) Япония заявляет, что ее основные территориальные интересы лежат в районе Восточной Азии к югу от Японской империи.

4) Советский Союз заявляет, что его основные территориальные интересы лежат к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Четыре Державы заявляют, что, сохраняя за собой право регулировать отдельные несущественные вопросы, они будут взаимно уважать территориальные интересы друг друга и не станут создавать препятствий для их осуществления...

Молотов, заслушав проекты договора и секретных протоколов (их было два, второй касался проливов), сказал, что сейчас нет смысла возобновлять дискуссии на эту тему, но нельзя ли получить зачитанный текст? Риббентроп ответил, что у него только один экземпляр, что он не имел в виду передавать эти предложения в письменном виде, и поспешно спрятал бумажку в карман.

Оцените, уважаемые читатели, — я вас знакомлю с выдержками из той бумаги, которую Риббентроп спрятал в карман, не вручив копии даже Молотову!.. Разумеется, это шутка — огромным секретом проекты были тогда, позднее же они были опубликованы за рубежом.

Неожиданно завыл сигнал воздушной тревоги. Все переглянулись, наступило молчание. Где-то поблизости раздался глухой удар, в высоких окнах кабинета задрожали стекла.

— Остаться здесь небезопасно, — сказал Риббентроп. — Давайте спустимся вниз в мой бункер. Там будет спокойнее...

В одном из подвальных помещений был оборудован подземный кабинет Риббентропа. На полированном письменном столе находилось несколько телефонных аппаратов. В стороне стояли круглый столик и глубокие мягкие кресла.

Когда беседа возобновилась, Риббентроп снова стал распространяться о необходимости изучить вопрос о разделе сфер мирового влияния. Есть все основания считать, добавил он, что Англия фактически уже разбита...

Когда я расспрашивал Молотова об этой беседе, он, улыбаясь, сказал:

— Я поддел Риббентропа вопросом: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом бомбоубежище?» Риббентроп был явно смущен. Я постоянно хотел заставить Гитлера и Риббентропа решать более злободневные сегодняшние проблемы, а не болтать о переделе карты Европы и Азии.

Я спросил Молотова напрямую:

— Может быть, вы подписали те проекты договора позднее?

— Ну что вы, разве могли мы, интернационалисты, пойти на такой сговор против других народов! — ответил твердо Молотов.

Кривил душой старый политик! Стенограмма, бесстрастно отражающая содержание разговора, не подтверждает его слова. Молотов не дал согласия на вступление в пакт, но и не отверг напрочь это предложение. Риббентроп в конце той беседы еще раз напомнил о германском предложении «сотрудничать в деле ликвидации Британской империи». Он сказал:

«Как ясно заявил фюрер, интересы Советского Союза и Германии требуют, чтобы партнеры стояли не друг против друга, а спина к спине с тем, чтобы поддержать друг друга в своих устремлениях. В сравнении с этими большими и главными вопросами все остальные являются абсолютно незначительными и будут автоматически урегулированы сразу же после того, как будет достигнута общая договоренность. В заключение он хотел бы напомнить господину Молотову, что последний должен ответить ему на вопрос, привлекает ли Советский Союз в принципе идея получения выхода к Индийскому океану.

В своем ответе Молотов указал, что немцы считают войну с Англией уже выигранной. Если поэтому, как было сказано по другому поводу, Германия ведет войну против Англии не на жизнь, а на смерть, ему не остается ничего иного, как предположить, что Германия ведет борьбу «на жизнь», а Англия — «на смерть». Он вполне одобряет идею о сотрудничестве с той оговоркой, что стороны должны прийти к полному взаимопониманию. Эта мысль уже была выражена в письме Сталина. Разграничение сфер влияния также должно быть продумано. По данному вопросу, однако, он, Молотов, не может в настоящее время занять определенную позицию, так как не знает, каково мнение Сталина и других его друзей в Москве. Однако он должен заявить, что все эти великие вопросы завтрашнего дня не могут быть отделены от вопросов сегодняшнего дня и от проблемы выполнения существующих соглашений. Прежде чем приступить к решению новых задач, нужно закончить то, что уже было начато. Беседы, которые он, Молотов, имел в Берлине, без сомнения, были очень полезны. И он считал бы уместным, чтобы поднятые вопросы в дальнейшем обсуждались через дипломатические каналы послами обеих сторон».

Молотов, как видим, оставлял за нашей страной право и обсуждать, и, возможно, участвовать в осуществлении глобальных агрессивных замыслов, предусмотренных секретным протоколом.

Любопытный эпизод, подтверждающий это мнение, рассказал Бережков.

— После заключительной встречи Гитлер шел с Молотовым по анфиладам имперской канцелярии к выходу. Я следовал вплотную за ними, чтобы переводить беседу, носившую общий характер. Остальная свита оставалась на почтительном расстоянии. Перед тем как попрощаться с советским гостем, Гитлер сказал:

— Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да и сам рассчитываю войти в историю. Поэтому естественно, чтобы два таких политических деятеля, как мы, лично встретились. Я прошу вас, господин Молотов, передать господину Сталину мои приветы и мое предложение о такой встрече в недалеком будущем...

Молотов поблагодарил и пообещал передать это Сталину.

Представляется, что предложение о встрече, рассчитанное, как теперь ясно, на дезориентацию советского руководства, также сыграло роль в расчетах Сталина.

Дух дальнейшего сотрудничества с Берлином проявился и в сделанном Молотовым на сессии Верховного Совета заявлении: «Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе... Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и миру, а Англия и Франция стоят за продолжение войны».

А вот что сказал А. И. Микоян по поводу поездки Молотова в Берлин:

— Нам было ясно, что война неизбежна, но Сталин не верил в это. Неизвестно, какой вывод сделал для себя Молотов из бесед с Гитлером, но, зная, что Сталин не верил в скорое нападение, он и не пытался переубедить его... Так получилось, что после поездки Молотова в Берлин не только не было сделано выводов о необходимости готовить страну к скорому неизбежному столкновению с гитлеровской Германией, но, наоборот, был сделан вывод о возможности дальнейшего развития советско-германского сотрудничества. Поэтому нападение Гитлера на СССР представляло собой удар огромной силы по всей концепции Сталина. Было потеряно драгоценное время между поездкой Молотова в Берлин в ноябре 1940 года и июнем 1941 года...

А теперь я вас познакомлю с тем, чего не знал Молотов в те дни, когда вел беседы с Гитлером.

В день прибытия советской делегации, 12 ноября 1940 года, Гитлер отдал распоряжение:

«Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начинаются. Независимо от того, какой будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ранее приготовления для Востока. Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана».

Так что все разговоры Гитлера с Молотовым, проекты договоров, секретных и открытых, предложения о разделе сфер влияния — все это было фикцией, направ-

ленной на усиление бдительности советского руководства и особенно Сталина. И надо признать, этот обман, в комплексе с другими мерами дезинформации, полностью достиг цели, намеченной Гитлером.

С доверием Сталина к Гитлеру во многом был связан и его просчет в определении возможных сроков нападения нацистской Германии на СССР. Сталин считал, что такой умелый политический игрок, как Гитлер, не начнет войны против Советского Союза, пока не решит проблемы Англии, либо оккупировав ее, либо добившись перехода ее правящей элиты на свою сторону. Иначе война Германии на два фронта в конечном счете неизбежна. И чтобы избежать ее, считал Сталин, Гитлер и послал в мае 1941 года своего заместителя Рудольфа Гесса вести переговоры в Лондоне. Переговоры неизбежно будут длительными, а следовательно, нападение на СССР пока не произойдет. К тому же половина лета почти прошла, а конец июня, как показывает исторический опыт (например, поход Наполеона), не очень-то подходящее время для начала вторжения в Россию. Отсюда следует — война начнется не ранее весны 1942 г., если не удастся сохранить мирные отношения с Германией...

Вот еще повод для размышлений о роли личностей в истории, причем личностей, как говорится, по обе стороны баррикады. И действуют они, прекрасно сознавая свое положение: не случайно Гитлер прямо назвал Сталина и себя выдающимися историческими личностями.

СОВЕЩАНИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Жуков не участвовал в боевых операциях против Финляндии, но из Киевского округа, которым он командовал, было отправлено на фронт несколько соединений, кроме того, все госпитали, в том числе и Киевского военного округа, были переполнены ранеными, доставленными с финского фронта. В эти месяцы среди военных, естественно, шло живое обсуждение происходящего, и немалое удивление вызывали те неудачи, которые преследовали наши войска. Жуков, как и все другие командиры, много думал об этом, искал причины успехов Красной Армии.

Как уже говорилось, после окончания боевых действий в марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП (б), где были разобраны и обсуждены довольно откровенно итоги финской кампании и особенно причины наших неудач, а в следующем месяце, апреле, было проведено расширенное совещание Главного Военного совета. В нем принимали участие как высший командный состав с финского фронта, так и командующие округов и армий, в том числе, следовательно, и Жуков. После этого совещания был издан приказ новым наркомом обороны С. К. Тимошенко «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 года». Жуков в своих воспоминаниях писал об этом времени: «Учитывая итоги советско-финляндского конфликта, а самое главное, характер боевых дей-

ствий начавшейся мировой войны, перед войсками была поставлена, остро и во всем объеме, задача учить сегодня тому, что завтра будет нужно на войне. Началась реорганизация всех видов вооруженных сил и родов войск, серьезные меры были приняты для укрепления единоначалия, порядка и дисциплины в войсках. От командиров и начальников всех степеней, а также штабов приказ потребовал изменения системы боевой подготовки и воспитания войск под одним углом зрения — так, как этого требует война. Обучение войск приблизилось к условиям боевой действительности, тренировать личный состав для действий в обстановке, требующей длительного физического напряжения. Тактические занятия проводить днем и ночью, в любую погоду, то есть с учетом фактора внезапности, следуя принципу — всегда быть в состоянии боевой готовности».

Я в те годы уже служил в Красной Армии — в сентябре 1939 года поступил в Ташкентское пехотное училище имени Ленина. Хорошо помню те изменения, которые произошли в боевой подготовке армии после издания этого приказа. Армейская жизнь с ее регламентированным порядком никогда не была легкой, а после издания этого приказа в армии начались такие трудности, вспоминая которые сегодня я думаю: как же мы все это могли выносить? Приказ Тимошенко не только выполнялся от буквы до буквы, но строгие контролеры и проверяющие при выезде в части беспощадно наказывали командиров, которые, как им казалось, в чем-то недовыполняли требований наркома. И командиры, как это часто бывает в армии, опасаясь за свою репутацию и за карьеру, настолько повышали требовательность, что она порой становилась невыносимой. Принцип учить на трудностях выполнялся в максимально усложненных условиях. Как только начинался дождь, немедленно объявлялась боевая тревога и нас выводили на поле на учение. И под дождем, в грязи, без горячей пищи, на концентрациях, которые нам выдавали, мы проводили несколько суток. Копали траншеи в ограниченные сроки, была жесточайшая норма времени, за которую надо было отрыть окоп полного профиля. Затем эту оборону оставляли и совершали продолжительные марши. Я участвовал даже в стокилометровом марше, это была настоящая пытка. Как известно по уставу, суточный переход не должен превышать 40—45 километров. Нетрудно представить, что значит совершить за сутки стокилометровый марш в условиях среднеазиатской жары, под палящим солнцем, когда и обычный-то марш дается очень тяжело.

Дисциплина была доведена до крайней педантичности, за опоздание из увольнения на 15—20 минут красноармейцев отдавали под суд. Помню, однажды на учениях двое курсантов из нашего училища, утомленные до изнеможения, сорвали по веточке винограда, который рос недалеко от обочины дороги, где мы расположились на привал. Тут же, через час, состоялось заседание трибунала. Несмотря на то что сторож этого виноградника и другие колхозники (их привели на суд, чтобы они видели, как наказывают красноармейцев)

просили не наказывать молодых ребят, трибунал с этим не посчитался. Курсантам дали по шесть лет.

Каждую субботу и воскресенье устраивались двадцатипяти — тридцатикилометровые кроссы, наше училище бегало до своего лагеря в Чирчике (35 километров) и назад с полной выкладкой. Полная выкладка — это значит ранцы (у нас были не вещмешки, а ранцы) с полагающимся запасом всего нехитрого солдатского имущества, а вместо продовольственного пайка, так называемого НЗ клали в ранец кирпичи. Станковые пулеметы несли по очереди. Эти марш-броски были настолько изнурительны, что, возвращаясь в свое расположение, мы падали в полном изнеможении рядом с кроватями, потому что, не почистившись, на кровать ложиться было нельзя. Многие курсанты теряли сознание еще на дистанции, их подбирали санитарная машина, которая следовала за нашими колоннами. В училище было немало случаев самоубийств, некоторые курсанты не выдерживали такой нагрузки и уходили из жизни.

Во всех округах шли постоянные учения, днем и ночью, зимой и летом, и все время в поле, с главной задачей, чтобы было как можно труднее. Это считалось приближением к условиям войны.

С 25 по 27 сентября в 99-й стрелковой дивизии, входившей в состав Киевского Особого военного округа, которым командовал Жуков, были проведены смотровые учения в присутствии нового наркома обороны. На многих учениях в других округах чаще всего отмечались недостатки, командиры наказывались за послабление подчиненным. А тут вдруг впервые была отмечена очень высокая подготовленность дивизии и умелая требовательность командования. «Красная звезда» была несколько дней заполнена статьями об успехах 99-й стрелковой дивизии. Я перечитал эти сентябрьские номера газеты за 1940 год, такие ее статьи, как «Новые методы боевой учебы», «Партийная конференция 99-й СД», «Командир передовой дивизии». Был опубликован приказ наркома обороны от 27 сентября 1940 года, в нем среди прочего было сказано: ...Красноармейцы и начальствующий состав дивизии в процессе учений показали умение решать боевые задачи в сложных условиях.

За успехи в боевой подготовке и образцовые действия на смотровом тактическом учении награждаю:

1. 99-ю стрелковую дивизию — Переходящим Красным знаменем Красной Армии;

2. Артиллерию 99-й стрелковой дивизии — Переходящим Красным знаменем артиллерии Красной Армии...»

На политзанятиях во всей Красной Армии изучались статьи об этой прославленной тогда дивизии. Вот одна из них передо мной — «Командир краснознаменной дивизии». В этой статье воздавалось должное командиру дивизии, который в условиях невероятной требовательности отличился перед всеми другими своей сверхтребовательностью. Я умышленно не называю пока его фамилии, чтобы это стало более неожиданным для читателей. Вот что писалось в той статье о командире

дивизии: «За двадцать один год службы в Красной Армии он приобрел ценнейшее для военачальника качество — понимание людей, которых он призван воспитывать, учить, готовить к бою. Это понимание не книжное, не отвлеченное, а реальное. «Я люблю службу», — часто говорит генерал. И он умеет раскрывать и поощрять в людях рвение к службе. Он ищет в человеке и развивает в нем военные способности, закаляя их в постоянных упражнениях, испытаниях полевой жизни... Человек бывалый, неприхотливый, приученный к суровой боевой жизни, которая и является для него родной стихией, он всей душой приветствовал новое направление в боевой подготовке войск. Военный профессионал, он давно убедился на практике в могучей силе требовательности... Генерал вывел дивизию в болото и леса под открытое небо. Учил для боя, для войны».

Нарком обороны наградил командира 99-й дивизии золотыми часами, а правительство — орденом Ленина. 99-я стрелковая дивизия стала образцом для всей Красной Армии. А теперь я скажу читателям, кто же был этот прославленный и требовательный командир генерал-майор А. А. Власов. Да-да, тот самый Власов, который позднее станет изменником Родины.

Командующий округом Жуков тоже высоко ценил работоспособность и требовательность Власова. Вот какую он подписал ему аттестацию в те дни. Я считаю необходимым ознакомить с ней читателей, потому что «власовщина» не такое простое явление, как его трактуют в нашей литературе, нам придется разобраться с этим делом подробнее и глубже.

«Аттестация за период с 1939 по октябрь 1940 года на командира 99-й стрелковой дивизии генерал-майора Власова Андрея Андреевича. 1. Год рождения 1901 г. 2. Национальность — русский. 3. Партийность — член ВКП(б) с 1930 г. 4. Соц. положение — служащий. 5. Общее и воинское образование — общее среднее, военное — 1 курс вечерн [ей] военной академии. 6. Знание иностранных языков — немецкий, читает и пишет со словарем. 7. С какого времени в РККА — 1920 г. 8. С какого времени на должностях начсостава — 1920 г.; в занимаемой должности — с 1940 г. 9. Участие в гражданской войне — в гражданской войне участвовал. 10. Награды — юбил [ейная] медаль XX лет РККА. 11. Служба в белых и буржуазно-националистических армиях и антисоветских бандах — не служил.

Предан партии Ленина — Сталина и социалистической Родине.

Прекрасно всесторонне развит, военное дело любит, много работает над собой, изучает и хорошо знает военную историю, хороший руководитель и методист, обладает высокой оперативно-тактической подготовкой.

В генерале Власове удачно сочетается высокая теоретическая подготовка с практическим опытом и умением передать подчиненным свои знания и опыт. Высокая требовательность к себе и подчиненным — с постоянной заботой о подчиненных. Он энергичен, смел в решениях, инициативен.

Хорошо знает жизнь частей, знает бойца и умело руководит воспитанием их, начиная с мелочей; любит войсковое хозяйство, его знает и учит части заниматься им.

Дивизия, которой генерал Власов командует с января 1940 года, под его непосредственным руководством много и упорно работает над отработкой отделения, взвода, роты, батальона и полка и добилась в этом больших успехов.

Вникая во все детали отработки мелких подразделений, генерал Власов сделал дивизию крепкой, высоко тактически отработанной, физически закаленной и вполне боеспособной.

Дисциплина в частях 99 ДС на высоком уровне.

Генерал-майор Власов непосредственно руководит подготовкой штабов дивизии и полков. Он уделяет много внимания состоянию учета и хранения секретных и мобилизационных документов и хорошо знает технику штабной службы.

Его авторитет среди командиров и бойцов дивизии высок. Физически здоров и к походной жизни вполне годен.

Вывод: Занимаемой должности вполне соответствует. В военное время может быть использован в должности командира корпуса.

Командир 8 стрелкового корпуса,
генерал-майор Снегов.

Заключение старших начальников:
Согласен

Командующий войсками КОВО
Генерал Армии Жуков
Член Военного Совета КОВО
Корпусный Комиссар

Вашугин
26 ноября 1940 г.».

В конце декабря по указанию Центрального Комитета партии состоялось совещание высшего командного состава Красной Армии. Жукову было поручено сделать один из главных докладов на этом совещании: «Характер современной наступательной операции». Это было очень серьезное поручение, и, пожалуй, впервые в жизни Жукову предстояло выступить в качестве теоретика. До этого он показал себя блестящим практиком в организации боевой подготовки и руководстве боевыми действиями крупного масштаба на Халхин-Голе. Это поручение взволновало Георгия Константиновича, потому что он внутренне постоянно ощущал как свой недостаток отсутствие фундаментального военного образования. Правда, это недостаток он возмещал упорной самостоятельной учебой, и, как уже говорилось, в военном отношении он был высокообразованным человеком, но сам он, не имея академического диплома, втайне все-таки сомневался в своей теоретической оснащенности.

Жуков готовился к этому докладу основательно, много работал сам и привлек некоторых офицеров штаба.

Мне хочется здесь особенно отметить порядочность Жукова, проявившуюся в том, что он в своих воспоминаниях упоминает добрым словом тем, кто помогал

ему подготовиться к докладу. После успешного выполнения поручения, после того, как прошло очень много лет, кто-то другой мог бы уже об этом просто забыть или не посчитать нужным упомянуть. Но Жуков вспомнил и написал: «Ввиду сложности темы и высокого уровня совещания пришлось работать над докладом целый месяц по многу часов в сутки. Большую помощь при этом мне оказал начальник оперативного отдела штаба округа Иван Христофорович Баграмян».

На совещание, которое состоялось в Москве в конце декабря 1940 года, были приглашены все командующие округами и армиями, начальники штабов округов и армий, члены военных советов, начальники академий, профессора, доктора военных наук, руководящий состав Генерального штаба и некоторые члены Центрального Комитета и Политбюро. Доклад по общим вопросам боевой и оперативной подготовки Красной Армии сделал начальник Генерального штаба генерал К. А. Мерецков. Он особенно отметил недостаточную подготовленность высшего командного состава и штабов всех степеней.

Доклад Жукова «Характер современной наступательной операции» был актуальным и вызвал большой интерес участников совещания. Основной тезис доклада Жукова состоял в следующем: «...вполне законно ожидать, что первоначальные исходные операции скорее всего начнутся с фронтальных ударов. Проблема наступления будет состоять в том, чтобы сначала прорвать фронт противника, образовать фланги и затем уже, во второй фазе, перейти к широким маневренным действиям. Условия для оперативного обхода, охвата и ударов по флангам будут создаваться в ходе самой наступательной операции». Жуков проанализировал наступательные операции в предыдущих войнах и сделал обобщения и выводы, приводящие к современным понятиям о наступательной операции.

По докладу Жукова выступило семь человек, разгорелась даже дискуссия.

Начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант П. С. Кленов подчеркнул, что надо обратить особое внимание на операции начального периода войны. Очень важно, как в этот период противник будет воздействовать на мероприятия, связанные со стратегическим развертыванием, то есть на от мобилизовывание, подачу по железным дорогам мобилизационных ресурсов, сосредоточение и развертывание войск. Этот период — период начала войны — является наиболее ответственным с точки зрения воздействия на противника, так как он будет стремиться не дать возможности планомерно провести необходимые мероприятия.

Как видим, генерал Кленов мыслил очень дальновидно, что подтвердил начальный период боев после нападения гитлеровцев.

Было еще одно интересное выступление командира механизированного корпуса из Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Он напомнил о том, что гитлеровцы составляли сильные ударные армии из нескольких механизированных корпусов, поддерживаемых авиационными корпусами и артиллерийскими средствами усиления.

— Если на внутренних и внешних флангах двух фронтов,— сказал он,— будут действовать две такие ударные армии, они сумеют сломить фронт противника, не дадут ему возможности опомниться до завершения операции и превращения операции в стратегический успех.

Большинство участников совещания согласилось с мыслью Романенко о необходимости укрепления танковых и механизированных войск.

В заключительном слове Жуков сказал:

— Со стороны выступавших здесь не было особых принципиальных расхождений с моим докладом. Ряд товарищей высказали свои соображения и дополнения. Их надо серьезно продумать для того, чтобы с пользой для дела прийти к определенным выводам...

Вопросам теории и практики использования танковых и механизированных соединений был посвящен доклад генерал-полковника танковых войск Д. Г. Павлова, командующего войсками Западного Особого военного округа, на тему: «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции». Павлов построил свой доклад на опыте первой мировой войны, когда впервые были использованы танки на реке Сомме, а затем в битве при Камбре. Он проанализировал затем и операции немцев в 1939—1940 годах, когда гитлеровцы разгромили Польшу за семнадцать суток, операции в Бельгии и Голландии закончились через шестнадцать суток, а во Франции — через семнадцать суток. Павлов объяснил эти успехи тем, что у немцев были механизированные и танковые соединения, которые, не встречая особенно прочной обороны, прорывались в глубину и достигали оперативных целей. Опираясь на опыт, Павлов говорил, что надо и нам создавать механизированные корпуса, хотя он сам предлагал их расформировать.

По докладу Павлова выступили в прениях десять человек. Некоторые генералы, например И. Р. Апанасенко, упрекали докладчика в том, что он ничего не сказал о коннице и о взаимодействии механизированных корпусов с конницей, которая еще не утратила, по их мнению, своего боевого значения.

Был заслушал доклад командующего войсками Московского военного округа генерала армии И. В. Тюленева «Характер современной оборонительной операции». Проанализировав оборонительные операции первой мировой войны, Тюленев основной упор сделал на укрепленных полосах и долговременных оборонительных сооружениях, очевидно находясь еще под впечатлением войны с Финляндией. Он детально проанализировал построение линии Маннергейма и других мощных долговременных полос и рекомендовал строить оборону, опираясь в первую очередь на прочные, хотя и дорогостоящие сооружения. Но оборона в те годы в нашей теории была, как говорится, не в чести, потому что наша доктрина носила исключительно наступательный характер.

Очень интересный и по-современному прозвучавший доклад сделал начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов. Этот молодой летчик, участник боев в Испании, хорошо представлял специфику современ-

ного воздушного боя и вопросы, которые должна решать авиация сегодня.

Итоги совещания подводил нарком Тимошенко. Он сказал:

— Мы начинаем создавать новые предпосылки для дальнейшего роста нашей Красной Армии. Мы углубляем и расширяем ту перестройку, которую начали осуществлять по директиве товарища Сталина полгода тому назад... Мы начали по-настоящему выполнять указания товарища Сталина о поднятии военно-идеологического уровня наших командных кадров и положили начало созданию собственной военной идеологии.

Коротко проанализировав, а вернее, перечислив операции на Западе, нарком пришел к заключению, что в области военного искусства происходят большие сдвиги в связи с усовершенствованием боевых средств вооруженной борьбы. Однако в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, по его мнению, не дает ничего нового. Что касается тактики, оперативного искусства — фронтовых и армейских операций, то в нем происходят крупные изменения. К этим изменениям Тимошенко отнес массированное применение танков и пикирующих бомбардировщиков в сочетании с моторизованными, мотоциклетными и авиадесантными войсками.

Это были, конечно, правильные мысли, но нарком не развил их, а основную часть заключения посвятил боям и операциям на Карельском перешейке в 1939—1940 годах. Недавно прошедшие бои, очень нелегко доставшиеся лично Тимошенко, явно господствовали в его сознании, и, видимо, поэтому он пришел к такому заключению:

— Если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно: границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, опоясаны железобетонными укреплениями.

Тимошенко продолжал развивать прежнюю нашу наступательную доктрину:

— Оборона не является решительным способом действия для поражения противника: последнее достигается только наступлением. К обороне прибегают тогда, когда нет достаточных сил для наступления, или тогда, когда она выгодна в создавшейся обстановке для того, чтобы подготовить наступление.

После военного совещания большинство его участников разъехались, но командующие войсками округов и начальники штабов округов были оставлены для участия в большой двухсторонней оперативно-стратегической игре на картах.

Игра начиналась на следующий день.

— Кто у вас играет за «синюю» сторону, кто за «красную»? — спросил Сталин у Тимошенко.

— За «синюю», западную,— генерал армии Жуков, за «красную», восточную,— генерал-полковник Павлов.

По сути дела, состоялось две игры, но у нас и в мемуарах военачальников, и в исторической литературе обычно говорится об одной игре, наверное, потому, что первая игра действительно была актуальна и очень для всех интересна, а вторая отражала опыт только

что закончившейся финской войны с прорывом долговременных сооружений. Хотя она и состоялась, в памяти участников она почему-то не отложилась. Но я расскажу об обеих играх.

Первая игра проводилась со 2 по 6 января. Как говорит Жуков, эта игра преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны. Исходя из этого, разработчики показали на картах реальной местности (там, где была наша советско-германская граница) расположение и силы сторон, приближенные к тем, которые были в действительности. «Западные», например, наносили удар силами до 140—150 дивизий. Жуков, командуя «западными», расположил свои главные силы в Восточной Пруссии и решил наступать в направлении Рига — Двинск вдоль побережья Балтийского моря. Он ввел сначала шестьдесят дивизий, а затем, когда «восточные» нанесли ему контрудар и стали теснить назад, Жуков, как он это и предусмотрел, отвел свои войска, участвовавшие в первоначальном ударе, на мощные приграничные позиции, усилил их здесь своими главными частями, которые держал в резерве, и затем перешел в стремительное наступление.

Обычно на всех играх побеждали «красные», посредники и руководители учений уже традиционно привыкли делать выводы в пользу своих, «восточных», войск. Но в этой игре Жуков так распределил и направлял свои войска, что при всем желании нельзя было отдать предпочтение действиям «красных». Жуков «нанес» такой сильный удар, что пришлось, хотели того или не хотели руководители, признать: успех — на стороне «западных».

Я не вдаюсь в детали игры, она была напряженная, сложная, подчас драматическая, длилась пять дней и давала возможности каждой стороне и особенно их командующим проявить свое оперативно-стратегическое мышление.

Вторая игра была проведена с 8 по 11 января 1941 года. Здесь тоже Жуков командовал «западной» стороной, а Павлов — «восточной». Но тема, как я уже сказал, была не очень актуальная, она представляла собой отработку овладения укрепленным районом с преодолением предполья, и, после преследования противника, форсирование реки Вислы. Во второй игре в исходной обстановке противникам было дано равенство сил, причем «восточным» предписывалась активная наступательная тактика с попыткой окружения «западных», но Жуков сумел, создав сильные резервы, не допустить этого окружения.

В целом игры принесли большую пользу, они способствовали расширению кругозора и совершенствованию навыков в организации наступательных операций. Была еще одна положительная сторона: даже по играм на картах командующие поняли необходимость применения механизированных корпусов и очевидность их успешных действий в современной операции. Позднее стало ясно, что действия, которые предпринял Жуков в первой игре, сложились очень похожими на те, которые возникли 22 июня 1941 года.

После окончания игр Сталин предложил провести разбор операций в Кремле, куда были приглашены все участники и руководство Наркомата обороны. На этом разборе присутствовали члены Политбюро. О ходе игры доклад сделал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. Когда он сообщил, как сложилась игра и что успех был на стороне «синих», Сталин явно был недоволен тем, что «красные» потерпели неудачу. И он даже сказал по этому поводу:

— Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

Затем Сталин предложил высказаться самим участникам игры. Первым выступил Тимошенко. Затем попросил слово генерал-полковник Павлов. Сталин сразу же спросил его:

— В чем кроются причины неудачных действий войск «красной» стороны?

Павлов попытался отделаться шуткой:

— В играх такое бывает, на то она и есть игра.

Сталину не понравилась такая несерьезность, и он строго сказал:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось.

После Павлова выступил Жуков, он отметил большую поучительность таких игр для высшего командного состава, пожелал, чтобы такие игры проводились чаще, несмотря на то что организовать их непросто. И еще Жуков сказал:

— Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий необходимо начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем Жуков коснулся строительства укрепрайонов Белоруссии:

— По-моему, в Белоруссии укрепленные районы [УРы] строятся слишком близко к границе и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволяет противнику ударить из района Бреста и Сувалок в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не смогут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем. Считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже:

Павлов не выдержал, так как Жуков говорил об УРах, расположенных в его округе, и бросил реплику:

— А на Украине УРы строятся правильно?

Жуков ответил:

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

Против этого резко возразил Ворошилов:

— Укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного Военного совета, а конкретное руководство строительства осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников.

Жуков не стал вступать в полемику и вернулся

на свое место. Затем выступили еще некоторые участники игры, и среди них отличался современностью мышления начальник Главного управления ВВС генерал П. В. Рычагов.

Как отмечает Жуков, странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны маршала Г. И. Кулика. Он явно не понимал значения механизированных и танковых войск и заявил:

— От формирования танковых и механизированных корпусов пока следует воздержаться.

Тут же бросил реплику Тимошенко:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрой механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах...

Сказал свое слово и Сталин:

— Победа в войне будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

Этой репликой Сталина, по сути дела, решалось очень многое потому, что его слово всегда было последним и окончательным.

На следующий день Жукова опять вызвали к Сталину. Без долгих предисловий Сталин сказал ему:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Это было настолько неожиданно и не соответствовало ни характеру, ни таланту Жукова, который всегда старался избегать штабной работы, что он на некоторое время оторопел и молчал, потом все же сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал Сталин и сделал ударение на слове «решило».

Жуков понимал, что возражать против решения Политбюро, и главное, когда об этом говорит сам Сталин, нет смысла, и поэтому ответил:

— Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК, — сказал Сталин.

Когда Жуков вернулся в Наркомат обороны, Тимошенко, улыбаясь, сказал ему:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева.

В тот же день Жуков выехал в Киев. Он не радовался высокому назначению, не очень-то ему хотелось расставаться с округом, к которому он уже успел привыкнуть, хотя прокомандовал им не так уж долго, а главное, это была его любимая строевая работа, а к штабной деятельности душа его не лежала.

В Киеве Жуков был недолго, но за этот короткий срок нарком не раз звонил, чтобы побыстрее приезжал в Москву. Видно, Тимошенко приходилось нелегко. 31 января Жуков прибыл в Москву, в течение одного

дня принял дела у Мерецкова и с 1 февраля 1941 года, за четыре с половиной месяца до начала войны, приступил к исполнению высокой должности начальника Генерального штаба.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ

Прежде чем перейти к теме, обозначенной в названии главы, приведу небольшую часть из моих бесед с Молотовым, ту, где он затрагивает предвоенное время и касается оценки личности Сталина, которого он знал на протяжении многих лет.

— Для меня Сталин неотделим от той политической роли, которую он играл, — сказал Молотов.

Отвечая на мои расспросы, рассказал о том, как он услышал о нем впервые, как позже отнесся к известной ныне оценке его характера в ленинском завещании. Он считал, что эта оценка в принципе была в пользу Сталина по сравнению с другими пятью деятелями, о которых там шла речь, хотя в отношении грубости Ленин был, конечно, прав. Однако, по мнению Молотова, эта грубость воспринималась тогда как твердость и была в то время полезна партии, так как Сталин твердо, без колебаний, определял основную линию.

Мне хотелось узнать мнение Молотова об ошибках Сталина в первый период войны и в предвоенное время.

— Тут, по-моему, не ошибки, а наши слабости. Потому что к войне мы не были готовы — и не только в военном отношении, но морально, психологически. Наша задача психологически и политически заключалась в том, чтобы как можно дольше оттянуть начало войны. Мы чувствовали, знали, что были к ней не готовы. Поэтому каких-нибудь ошибок, собственно, я не вижу. Все делалось для того, чтобы не дать повода немцам начать войну.

— Но Гитлер ведь уже решил о войне, вам это было известно.

— Откуда нам это было знать? Можно было лишь предположить. И все-таки нам удалось оттянуть войну почти на два года. Гитлер еще в 1939 году действительно, как потом выяснилось, был настроен развязать войну против нас и готовился к этому усиленно. А оттяжка еще на год, а потом даже на несколько месяцев была нам весьма желательна. Конечно, мы знали, что к войне нам надо быть готовыми в любой момент, а как это обеспечить на практике? Это очень трудно. Мы были готовы в стратегическом смысле, потому что за пятилетки был создан промышленный потенциал, который помог нам выстоять.

— Вот вы говорите — к войне были не готовы, воевать не намеревались, а доктрина наша была довольно воинственная: бить врага на его территории...

Молотов улыбнулся. Улыбнулся на этот раз как-то хитренько и, посмотрев на меня с явной иронией, сказал:

— Ну кто же, какой стратег скажет: пожалуйста, приходите на нашу землю и здесь будем воевать! И тем более не скажет, что к войне он не готов, а наоборот, будет утверждать, что силен и непобедим.

Это элементарно. Так во все времена было... Не наше изобретение. Пропагандистский прием.

— Значит, это прием для пропаганды? Но ведь должна же была быть и настоящая доктрина, которой предстояло руководствоваться в случае войны?

— Конечно, была, она отражена в планах нашего Генерального штаба.

Получив столь высокое назначение, каким является должность начальника Генерального штаба, Жуков нелегко входил в эту работу. С одной стороны, сказывалась его природная нерасположенность к штабной службе, о чем откровенно говорил он сам и писали в аттестациях его старшие начальники. С другой — имело значение и отсутствие необходимого для этой должности основательного образования. Жуков был ярко выраженный строевой командир, практик, и, конечно, он уступал таким опытейшим генштабистам с дореволюционным стажем, какими были Егоров и Шапошников. Но, впрочем, последних нельзя было поставить рядом с Жуковым в качестве строевых генералов, здесь они ему во многом уступали. Как говорится, каждому свое, и с этим ничего не поделаешь.

Если бы Жуков, придя в Генштаб, принял хорошо сколоченный аппарат, ему было бы легче войти в курс дел и продолжить работу своих предшественников. Но ситуация осложнилась тем, что аппарат Генерального штаба к этому времени был в значительной степени истреблен репрессиями, уцелевшие же были подавлены не только тем, что произошло, но и продолжавшимися арестами. В Генштаб пришли новые, малоопытные работники, старые их не знали, в общем, шел болезненный процесс перемен.

Жуков, как это было ему свойственно, взялся за дело с напористой энергией, старался побыстрее вникнуть в суть работы, чтобы по-настоящему соответствовать новому назначению. Он старательно изучал, осваивал полученное нелегкое наследство. Вот как он сам пишет об этом:

«Весь февраль был занят тщательным изучением дел, непосредственно относящихся к деятельности Генерального штаба. Работал по 15—16 часов в сутки, часто оставался ночевать в служебном кабинете. Не могу сказать, что я тотчас же вошел в курс многогранной деятельности Генерального штаба».

Некоторые сведения о характере этой деятельности, думаю помогут читателю в понимании дальнейших событий.

С глубокой древности каждый полководец или глава государства, думая о возможности войны или же планируя нападение на кого-нибудь, заранее рассчитывал свои силы и возможности, а также силы противника, которые будут ему противостоять. В древние времена эти планы, вероятно, были просто в голове полководцев, но они все равно были. Без предварительного планирования и расчета вообще невозможно достигнуть победы. Это знал каждый, кто брался за оружие. С течением времени, с ростом армий и масштабов сражений появлялась необходимость составления обширных планов, которые в голове удержать было уже

просто невозможно. Учитывая то, что руководил выросшей армией не один полководец, а многие помощники больших, средних и малых рангов, и что при этом у всех должно было быть одинаковое понимание предстоящих действий, стали составляться письменные планы. Эти планы были в каждой стране, в каждом государстве, и вполне естественно, что, зная об их существовании, будущие соперники всегда стремились как-то к ним добраться, то есть вели разведку и добывали эти планы или полностью, или частично. В XIX веке, когда армии стали массовыми и воевали уже не армии, а целые народы, когда перед началом войны и тем более во время войны в противоборстве участвовала вся экономика, все хозяйство страны, — в такой войне надо было все спланировать заранее.

Были ли у нас такие планы? Разумеется, были. На основе нашей передовой для своего времени военной науки и планирование наше тоже было на соответствующем уровне. Однако события, происшедшие внутри страны, главным образом по вине Сталина, перечеркнули эти хорошо отработанные планы защиты государства и всю нашу стратегию. В результате этого составленные планы не соответствовали сложившейся к тому времени политической обстановке и тем формам и способам ведения войны, которая уже велась гитлеровцами в Европе.

Не надо быть глубоким аналитиком для того, чтобы понять, почему произошла такая беда. Если начальник Генерального штаба, главный, кто руководит составлением планов обороны страны и ведения войны с потенциальными противниками, маршал Егоров оказался «иностранным шпионом», многие работники центрального аппарата, в том числе заместитель наркома обороны маршал Тухачевский и почти все командующие военными округами, тоже оказались «иностранными агентами», то вполне естественно было предположить, что составленные ими планы стали «известны нашим врагам» и их надо немедленно «перерабатывать». И, разумеется, перерабатывать их надо коренным образом, чтобы они были не похожи на те, которые уже известны врагу. А раз так, то естественно, что и тот, кто пытался сохранить какие-то разумные мысли из старых планов, мог быть заподозрен в близости к «врагам народа».

В те годы, когда Жуков стал начальником Генерального штаба, уже сложилась не только теория, но и практика составления двух планов. Один план — мобилизационный, в котором предусматриваются порядок и сроки проведения всех мероприятий по мобилизационному развертыванию вооруженных сил, переводу экономики и различных государственных учреждений на режим деятельности в условиях военного времени. Такой план разрабатывается как в масштабе вооруженных сил в целом, так и в воинских объединениях, соединениях, частях, а также учреждениях и на промышленных предприятиях. Согласно ему сразу же при объявлении мобилизации осуществляется призыв в армию и перевод производства на военную продукцию.

Кроме того, в Генеральном штабе составлялся план стратегического развертывания вооруженных сил. В нем предусматривается сосредоточение сил на избранных

направлениях, создание необходимых группировок войск, передвижение их в назначенные районы, перебазирование авиации, развертывание тыла и средств технического обеспечения, занятие соединениями и частями исходных районов, рубежей, огневых позиций — и осуществление всего этого в соответствии с общим стратегическим замыслом.

С 1928 по 1931 год Генеральным штабом руководил Борис Михайлович Шапошников, а с 1931 по 1937 год — тоже опытный, еще дореволюционный офицер Александр Ильич Егоров. Я уже говорил о нем раньше, теперь кратко познакомлю с его биографией.

В армию он пошел служить в 1901 году вольноопределяющимся, окончил Казанское пехотное юнкерское училище в 1905 году. На фронте в первой мировой войне командовал ротой, батальоном и полком. В 1917 году произведен в полковники. Имел передовые взгляды, сам искал возможности участвовать в политической деятельности, однако еще недостаточно разбирался в платформах партий, примкнул к левым эсерам, с которыми порвал в 1918 году, заявив об этом в печати. После победы Октябрьской революции был членом комиссии по демобилизации старой армии, участвовал в разработке исторического декрета об организации РККА. В члены партии большевиков вступил в 1918 году. В мае 1918 года назначен председателем высшей аттестационной комиссии по отбору бывших офицеров в Красную Армию и одним из комиссаров Всероссийского главного штаба. Он был сторонником создания дисциплинированной регулярной армии. В докладе на имя Ленина обосновал необходимость введения должности Главнокомандующего Вооруженными Силами республики и создания при нем единого штаба, что, как известно, и было сделано. С декабря 1918 года Егоров командовал 10-й армией, оборонявшей Царицын, и внес большой вклад в разгром белоказачьих войск. В начале октября 1919 года, когда наступление Деникина создало реальную угрозу Москве, Егоров назначается командующим войсками Южного фронта и мастерски руководит операциями по разгрому Деникина, применяя маневренные фланговые удары и умело используя конницу. (Как известно, все заслуги Егорова в деле разгрома Деникина позднее приписал себе Сталин.) С 1931 по 1937 год, как уже говорилось выше, Егоров был начальником Штаба РККА, в 1935 году переименованного в Генеральный штаб. В мае 1937 года назначен заместителем наркома обороны СССР.

Не знаю, специально это было сделано тюремщиками или нет, но Маршал Советского Союза Александр Ильич Егоров был расстрелян в День Красной Армии — 23 февраля 1939 года.

После ареста Егорова с 1937 по август 1940 года начальником Генерального штаба был снова Б. М. Шапошников. В мае 1940 года ему было присвоено звание маршала.

Произошли изменения не только в руководстве Генерального штаба, они совпали с изменением и политической обстановки. Осенью 1939 года и весной 1940 года, как уже рассказывалось ранее, государственная граница СССР в Европе была отнесена на

несколько километров на запад. В Красной Армии быстро росла численность соединений, которые оснащались новейшей техникой и вооружением. В связи с этим план стратегического развертывания вооруженных сил опять надо было перерабатывать, что и проводилось с осени 1939 года в Генеральном штабе. Первый вариант был готов к июлю 1940 года.

Здесь я должен сделать маленькое отступление и сказать, что сведения о разработке мобилизационных планов и плана стратегического развертывания составляют строжайшую государственную и военную тайну, и, наверное, потому — по прошествии такого большого времени после победы над фашистской Германией — об этих планах даже в воспоминаниях военачальников и государственных деятелей говорилось лишь в общих чертах. Во время работы над этой книгой мне очень повезло, ибо с любезного согласия вдовы Маршала Советского Союза М. Захарова Марии Брониславовны я воспользовался его неопубликованными записками. В конце 40-х — начале 50-х годов я служил в Генеральном штабе в управлении, которое возглавлял Матвей Васильевич Захаров, не раз встречался с ним там, хорошо его помню, всегда восхищался его характером, высокими деловыми качествами.

Матвей Васильевич до войны, с мая 1938 года по июль 1940 года, был помощником начальника Генерального штаба и участвовал в разработке мобилизационного плана и плана стратегического развертывания. С апреля 1960 года по март 1963 года и с ноября 1964 года по сентябрь 1971 года Захаров был начальником Генерального штаба, первым заместителем министра обороны СССР; вот в эти годы, располагая кроме большого личного опыта полностью всеми необходимыми архивными материалами, он и написал свои воспоминания.

Накануне войны при разработке наших планов обороны страны считалось (с учетом того, что происходит в Европе), что наиболее вероятным нашим противником будет фашистская Германия в союзе с Италией, Румынией, Финляндией и Венгрией. Предполагалось также, что и Турция под давлением гитлеровцев может открыто выступить против СССР. Второй реальный противник, который может одновременно с Германией начать военные действия на Дальнем Востоке, была Япония. Поэтому планы обороны страны разрабатывались для двух направлений, но главным, разумеется, был Западный фронт, где считалось необходимым сосредоточить основные силы советских Вооруженных Сил.

Несмотря на то что гитлеровцы уже показали свою стратегию и тактику ведения молниеносной войны путем внезапного нападения уже готовыми, отмобилизованными армиями, работники нашего Генерального штаба продолжали вести расчеты, исходя из опыта отмобилизовывания армий в период первой мировой войны (с учетом, конечно, более высоких темпов развертывания в связи с появлением более широкой сети железных, шоссейных дорог, а также авиации). Предусматривалось, что Германии для сосредоточения сил на советских границах потребуется 10—15 дней, Румынии — 15—20 дней, Финляндии и немецким частям,

которые туда придут,— 20—25 дней. В этом был серьезный просчет.

Ожидалось, что на наших западных границах Германия вместе со своими союзниками развернет 233 дивизии, 10 тысяч 550 танков, 13 тысяч 900 самолетов и до 18 тысяч полевых орудий.

Наш Генштаб на западных границах предусматривал сосредоточить: 146 стрелковых дивизий (из них 23 со сроком готовности от 15 до 30 дней), 8 моторизованных, 16 танковых и 10 кавалерийских дивизий, 14 танковых бригад, 172 полка авиации. Если все дивизии сложить — стрелковые и специальные, — то будет около 180 дивизий. В соответствии с советской доктриной наши войска, отразив первое нападение противника, должны были сами перейти в наступление, разгромить войска противника в Восточной Пруссии и в районе Варшавы и выйти на Вислу в ее нижнем течении. Одновременно на левом крыле фронта должен быть нанесен вспомогательный удар на Иван-город с задачей разгрома люблинской группировки противника и последующего выхода на Вислу в ее среднем течении.

В плане подробно описаны направления ударов, районы сосредоточения, количество войск, их задачи, а также задачи флотов, авиации и так далее.

План разрабатывался начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым, генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным, который занимал должность начальника оперативного управления, и его заместителем генерал-майором Г. К. Маландиным. Но поскольку проект плана составлялся в единственном экземпляре, человеком, непосредственно писавшим его, был заместитель начальника оперативного управления генерал-майор А. М. Василевский. Первый вариант был подписан начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым. Нарком его пока не подписал. Этот план обороны СССР, опираясь на тщательно обоснованный анализ складывающейся стратегической обстановки, вероятных группировок противника и ожидаемых его агрессивных действий, в основном верно определил наиболее опасный театр войны и главное направление основных усилий советских Вооруженных Сил.

Были, конечно, недостатки в этом плане. Основной из них, кроме временного просчета, заключался в том, что разработан был всего один вариант.

Вот что пишет А. М. Василевский в своей книге воспоминаний о разработке этого плана:

«Этот проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии докладывались непосредственно И. В. Сталину в сентябре 1940 года в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. От Наркомата обороны план представляли нарком С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и его первый заместитель Н. Ф. Ватутин. Мы с генералом А. Ф. Анисовым, доставив в Кремль план, во время его рассмотрения в течение нескольких часов находились в комнате секретариата И. В. Сталина. Прежде чем рассказывать о дальнейшем ходе событий, упомяну о том, почему в представлении ЦК партии важнейшего оперативного документа не участвовал один из его основных составителей и автор главных его идей. Дело

в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба вместо Б. М. Шапошникова был назначен генерал армии К. А. Мерецков.

О том, что предшествовало перемещению Б. М. Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. Как он рассказывал, И. В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень любезной и уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

— А каково ваше мнение? — спросил Сталин.

Исключительно дисциплинированный человек, Борис Михайлович ответил, что он готов служить на любом посту, куда его назначат. Вскоре на него было возложено руководство созданием оборонительных сооружений, он стал заместителем наркома обороны и направлял деятельность Главного военно-инженерного управления и управления строительства укрепленных районов.

Для нас, работников Генштаба, причина перевода Б. М. Шапошникова на другую должность осталась непонятной. Не скрою, мы очень сожалели об этом».

Таким образом, получилось, что проект нового плана докладывал Сталину уже новый начальник Генерального штаба, генерал армии К. А. Мерецков. Он рассказывал, что при рассмотрении плана Сталин не согласился с мнением Генштаба о вероятном направлении главного удара противника на северо-западе. Сталин считал: гитлеровцы сосредоточат главные свои усилия на юго-западе, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. Нетрудно заметить, что Сталин в данном случае не посчитался с конкретными сведениями, которыми располагал Генеральный штаб о реальном сосредоточении войск противника, а из этих сведений вытекало правильное, предусмотренное Генеральным штабом нанесение главного удара севернее припятских болот. Видимо, помня «свой» теперь уже всеми признаваемый гениальный план разгрома Деникина (а он исходил из того, что Донбасс, юг Украины — это могучий промышленно-экономический район с дружелюбным тогда, в годы революции, пролетарским населением) и не принимая во внимание, что прошло очень много времени и обстановка в корне изменилась, Сталин опять тяготел к этому южному району и приказал доработать план в том направлении, что боевые действия, главные сражения должны были произой-

ти на юге. Поэтому, как комментирует Захаров, произошла полная переориентировка, перенацеливание основных наших усилий с северо-западного на юго-западное направление.

Правильность принятых Сталиным стратегических решений вроде бы подтверждалась и информацией, полученной по каналам Народного комиссариата государственной безопасности. Возглавлявший его В. Меркулов в начале апреля 1941 года сообщил:

...выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает... молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на восток...»¹

В этом документе четко просматривается желание поддакнуть Сталину, заслужить его благосклонность. Впрочем, у гитлеровцев при разработке плана войны был и южный вариант, но к тому времени, когда докладывал Меркулов (апрель 1941 года), этот вариант давно отпал, и военная разведка Генштаба имела более точные сведения и докладывала о них Сталину. Вот что пишет об этом Жуков:

«20 марта 1941 года начальник разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил руководству доклад, содержащий сведения исключительной важности.

В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана «Барбаросса».

В докладе говорилось: «Из наиболее вероятных военных действий, намеченных против СССР, заслуживают внимания следующие:

...Вариант № 3 по данным... на февраль 1941 года: ...для наступления на СССР,— написано в сообщении,— создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая».

Генерал Голиков, не желая попасть в немилость, так как знал мнение и желание Сталина оттянуть начало войны, делал выводы, совершенно не вытекающие из разведанных.

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

6 мая 1941 года И. В. Сталину направил записку

народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов:

«Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит ...что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в пограничных центрах...»

Данные, изложенные в этом документе, также имели исключительную ценность. Однако выводы, предлагавшиеся руководству адмиралом Н. Г. Кузнецовым, не соответствовали приведенным им же фактам.

«Полагаю,— говорилось в записке,— что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР».

В самые последние дни перед нападением поступало особенно много предупреждений о готовящейся войне от разведчиков, дипломатов (наших и иностранных), зарубежных доброжелателей, перебежчиков. Но с другой стороны, Берия, самый близкий человек, которому Сталин верил безгранично, докладывал 21 июня 1941 года следующее:

«Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это нападение начнется завтра. То же рапортовал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на берлинскую агентуру».

Сталин писал очень хлесткие резолюции на документах разведчиков. 16 июня 1941 года на стол генсека положили от наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова донесение из Берлина:

«Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Далее излагались многочисленные конкретные факты, подтверждающие этот вывод. Сталин написал на препроводительной донесения такую резолюцию:

«Товарищу Меркулову. Может, послать ваш «источник» из штаба германской авиации к е... матери. Это не источник, а **дезинформатор**. И. Ст.» (В резолюции Сталина слово е... без точек.— В. К.)

21 июня, на сообщении нашего военного атташе во Франции генерала Суслопарова о том, что, по достоверным данным, нападение назначено на 22 июня, Сталин написал: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его».

А Берия расправлялся с теми разведчиками, которые присылали правдивую информацию, ничего не подозревая о том, что Сталин верит договорам, заключенным с Гитлером, и находится в сетях хорошо организованной немецкой дезинформации.

Вот одна из резолюций Берии 21 июня 1941 года

¹ Архив Генштаба, 16а, оп. 240а, д. 528.

на документе, обобщающем донесения разведчиков:

«В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить».

Почему же так упорно не хотели видеть реальную обстановку Сталин, Берия да и многие другие руководители того времени? Заподозрить их всех в злом умысле конечно же нельзя. Не могли они желать беды и поражения своей стране и армии. Ошибались? Да, пожалуй, это самое подходящее определение их действий. И в этом даже есть некоторое им оправдание. Дело в том, что сегодня мы судим о разведывательных сведениях, зная, какие из них были правдивые, а какие ложные. А в годы, которые предшествовали нападению, к Сталину стекался огромный поток самых противоречивых сведений. Да еще вносили путаницу комментарии политиков, военных, дипломатов, и каждый из них старался убедить, что именно его аргументы и суждения правильные. Прямо скажем, непросто было Сталину разобраться в этом информационном хаосе. И при всем при том он был, как говорится, себе на уме: все читал, всех слушал, но в глубине души верил, что он не только договорился с Гитлером, но и перехитрил его.

Ко всей этой путанице и неразберихе в сведениях надо добавить и хорошо задуманную и проведенную немцами операцию по дезинформации, которой они сбили с толку самого Сталина, ну а он, попав в умело расставленные обманные сети, подавлял мышление окружающих, вынуждая их поддакивать или молчать тех, кто думал иначе.

Для иллюстрации дезинформационных мер гитлеровцев приведу несколько кратких выдержек из документов.

...Указания ОКВ. Управлению военной разведки и контрразведки.

В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится... Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток... Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями:

1. Маскировать общую численность немецких войск на Востоке, по возможности, распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижения войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием...

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства... и что концентрация войск на Севере относительно невелика... И далее много мер такого же рода.

Как видим, эту дезинформацию гитлеровцам удалось подсунуть. В сосредоточение сил рейха для начала войны Сталин не верил. А если и предпринимались меры, то считали, как того хотели немцы, что главный удар будет нанесен на юге.

...Распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил от 12 мая 1941 г. по проведению второй фазы дезинформации противника в целях сохранения скрытности сосредоточения сил против Советского Союза.

1. Вторая фаза дезинформации противника начинается с введением максимально уплотненного графика движения эшелонов 22 мая. В этот момент усилия высших штабов и прочих участвующих в дезинформации органов должны быть в повышенной мере направлены на то, чтобы представить сосредоточение сил к операции «Барбаросса» как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение... противника. По этой же причине необходимо особенно энергично продолжать подготовку к нападению на Англию...

2. Все наши усилия окажутся напрасными, если немецкие войска определенно узнают о предстоящем нападении и распространят эти сведения по стране... Распоряжения по этому вопросу должны разрабатываться для всех вооруженных сил в централизованном порядке...

...Вскоре на ряд министерств будут возложены задания, связанные с демонстративными действиями против Англии...» И так далее.

Таким образом, и своим войскам гитлеровское командование карты не открывало. На французском побережье с полным напряжением шла подготовка операции вторжения «Морской лев». А когда подготовка по плану «Барбаросса» была завершена, пишет немецкий генерал Циммерман, «в начале июня в ставку главного командования немецкими войсками Запада прибыл порученец начальника генерального штаба сухопутных войск и сообщил собравшимся офицерам, что все сделанные подготовительные работы являются просто мероприятием, необходимым для введения противника в заблуждение, и что теперь их можно прекратить... Все эти приготовления проводились только в целях маскировки готовящейся Восточной кампании, которая в ту пору являлась для верховного главнокомандующего уже решенным делом».

Высокий профессионализм показало немецкое руководство в проведении дезинформации. Но не менее высоко было искусство советской разведки, особенно военной. Она добыла более чем достаточно достоверной информации для того, чтобы наше руководство могло правильно оценить ситуацию и отразить нападение Германии. Однако Сталин верил в свой сговор с Гитлером и никому не позволял разубеждать себя в этом желательном для него партнерстве. Да и как было не верить — Гитлер соблюдал условия сговора пунктуально: поделил Польшу, соблюдал нейтралитет при войне СССР с Финляндией, присоединении Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины, Бессарабии...

Как видим, Сталину вроде бы непросто было разо-

браться, где истина, когда так по-разному докладывают самые компетентные в этих делах руководители. От ошибок и заблуждений никто не застрахован, но беда была в том, что Сталин больше, чем своим разведчикам, верил Гитлеру, его обещаниям, секретным договорам, верил настолько, что, когда уже бомбили все наши пограничные города, Сталин все еще находился в плену обмана фюрера и не разрешил войскам переходить границу, если даже они отразят нападение захватчиков.

Однако вернемся к военным планам. Вот что пишет об этой своей работе Жуков после назначения его на должность начальника Генерального штаба:

«Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов оперативно-стратегического развертывания. В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращалась никогда. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждению тотчас же доводились до военных округов...

Еще осенью 1940 года ранее существовавший оперативный план был основательно переработан, приближен к задачам, которые необходимо было решать в случае нападения. Но в плане были стратегические ошибки, связанные с одним неправильным положением...

И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И. В. Сталин говорил: «Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну».

И. В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника И. В. Сталин допустил ошибку».

ПЛАН БАРБАРОССА

Разные ученые и историки много спорили между собой по поводу того, когда конкретно состоялось решение Гитлера напасть на Советский Союз. На мой взгляд, это не такая уж важная деталь, во всяком случае, не принципиальная. То, что рано или поздно Гитлер поведет свои вооруженные силы на Россию, было предreshено еще в начале его политической биографии. Я уже приводил его слова из «Майн кампф». Можно было бы привести еще много его высказываний, и все они в конечном счете сводятся к тому, что не только он сам возможность расширения территории Германской империи видел в захвате советских земель, но к этому его толкали и свои внутренние реакционные силы, и международные.

Вот рассказ самого Гитлера о том, как созревало у него это решение. Он изложил его на совещании с генералами 23 ноября 1939 года.

«Цель нашей встречи состояла в том, чтобы вы получили представление о мире моих идей, которые сейчас мною владеют, и чтобы вы узнали о моих решениях... Я в 1933 году пришел к власти. Позади был период тяжелых боев. Все, что было до меня, обанкротилось. Я должен был все реорганизовать снова, начиная с народа и кончая вермахтом. Сначала была предпринята внутренняя реорганизация — устранение явлений распада и пораженчества... После этого я дал приказ вооружаться. И здесь было много пророков, которые предсказывали неудачу, и было очень мало веривших. В 1935 году последовало введение всеобщей воинской повинности. Вслед за этим была осуществлена ремилитаризация Рейнской области — еще одна операция, которую никто не считал возможной. Мне мало кто верил. Затем началось создание укреплений по всей территории, в первую очередь на западе.

Год спустя на повестку дня встала Австрия. И в этом шаге многие сомневались. Однако он принес существенное укрепление рейха. Следующий шаг — Богемия, Моравия и Польша...

Но в это время мне еще не было ясно: должен ли я сначала ударить против Востока и после этого против Запада или наоборот? Мольбке в свое время стоял перед такой же проблемой. События развернулись так, что началось с борьбы против Польши...

Меня могут упрекнуть: борьба и снова борьба. Но я вижу в борьбе сущность всего живого. Никто не может уклониться от борьбы, если он не хочет погибнуть. Численность населения растет, и это требует увеличения жизненного пространства. Моей целью было создать разумное соотношение между численностью населения и жизненным пространством. Для этого необходима война. Ни один народ не может уклониться от решения этой задачи, иначе он погибнет.

Таковы уроки истории...

Я долго сомневался, где начинать — на Западе или на Востоке. Однако я не для того создал вермахт, чтобы он не наносил ударов. Во мне всегда была внутренняя готовность к войне. Получилось так, что нам удалось сначала ударить по Востоку. Причина быстрого окончания польской войны лежит в превосходстве нашего вермахта. Это — славное явление в нашей истории. Мы понесли неожиданно малые потери в людском составе и вооружении. Теперь мы можем держать на Восточном фронте только несколько дивизий. Создалось положение, которое мы раньше считали недостижимым. Положение таково: на Западе противник сосредоточился за своими укреплениями. Нет возможности на него напасть.

Решает следующее: как долго мы можем выдержать такое положение? Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена многими внутренними событиями, а кроме того, у нас с ней договор. Однако договоры соблюдаются только до тех пор, пока они целе-

сообразны... Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе».

В 1940 году после разгрома французской армии настал тот момент, который Гитлер и его сподвижники посчитали самым удобным для осуществления своих агрессивных замыслов.

Фюрер не хотел терять времени. 22 июля 1940 года, в день капитуляции Франции, Гальдер получил указания от Гитлера и Браухича о разработке плана вторжения в Советский Союз.

...Лежат передо мной пожелтевшие, постаревшие бумаги. Когда-то их содержание было строжайшей тайной. Сначала эти документы писали от руки, чтобы не посвящать машинисток. Затем, если даже перепечатавали, то всего в нескольких экземплярах. Каждая копия была на особом учете. Передавались эти экземпляры для ознакомления только из рук в руки или через доверенного офицера, причем пакет опечатывался специальными печатями и хитрыми приспособлениями, чтобы о его содержании не мог узнать никто, кроме адресата. Каждый, ознакомившийся с текстом, заносился в специальный список, чтобы в случае утечки сведений можно было установить, кто именно проболтался или выдал тайну.

Лежат в могилах те, кто разрабатывал эти страшные планы, и те, против кого замышлялись они. Тайны уже не тайны — теперь эти документы, вернее, копии с них доступны каждому. Вот лежат они и на моем столе. Но строгие слова в самом начале текста все еще как бы предупреждают: «Совершенно секретно», «Только для командования», «Передавать только через офицера».

Каждый из документов разрабатывался иногда длительное время, его созданию предшествовали указания Гитлера, затем появлялись варианты, проекты, разработанные генштабом, потом шли обсуждения на высоком уровне. И, наконец, рождалась окончательная директива, руководствуясь которой армия начинала действовать.

Гитлеровцы давали своим планам условные наименования: «Отто», «Вейс», «Грюн», «Гельб», «Морской лев» и так далее. За такими названиями стоит не только некий аромат рыцарских времен, хотя гитлеровцы и бравировали своими традициями, за ними стоит и штабной профессионализм: без долгих объяснений, с одного слова ясно, о чем идет разговор: «Грюн» — вторжение в Чехословакию. «Вейс» — война с Польшей, «Гельб» — с Францией...

Надо еще помнить, что планы эти рождались за кулисами дипломатических ходов и за широкими декорациями пропаганды и контрпропаганды всеми возможными средствами: в печати, эфире, устно. Причем одной из главных задач всего этого было отвлечь, замаскировать, а проще сказать, обмануть другие страны, их правительства и народы. Добавим сюда еще мощнейшие, тщательно законспирированные сети разведки и контрразведки, которые проникали всюду, опутывали своей невидимой паутиной страну, намеченную для нападения, проникая в ее тайны и сея слухи, либо отвлекающие

внимание от действительных намерений агрессора, либо заранее порождающие страх перед его могуществом.

Один из самых продуманных и тщательно отработанных планов, к которому Гитлер шел многие годы, ради осуществления которого провел так много завоевательных операций в Европе, был план войны против Советского Союза, план, которому Гитлер дал название «Барбаросса» — по имени Фридриха I Барбароссы.

Я много раз читал и перечитывал план «Барбаросса», и, признаюсь честно, меня каждый раз поражало — если на минуту отвлечься от агрессивной бессовестности и коварства этого плана — высокое военноштабное мастерство его составителей. Может быть, это мое специфическое отношение офицера-генштабиста, но я знаю, как весома и значительна каждая строка в директивном документе, какой скрупулезной работой это достигается, какой огромный багаж знаний и опыта надо иметь, чтобы в несколько слов или фраз вложить большой смысл, да так, чтобы все, кто будет читать и исполнять, правильно тебя поняли — иначе взаимодействие исполнителей пойдет вразброд, а их, этих исполнителей, сотни, непонимание же и разброд могут стоить десятков, а то и сотен тысяч человеческих жизней. **(В дополнении №3 читатели могут познакомиться с полным текстом плана «Барбаросса».)**

...Итак, Гитлер дал подробные указания и они легли в основу будущего плана. Под руководством Гальдера разрабатывались два его варианта, каждый самостоятельно. Над одним из них работали в ОКВ под руководством Йодля и его заместителя генерала Варлимонта. Этот вариант шел под кодом «Этюд Лоссберга». Он был завершён к 15 сентября и отличался от другого варианта — генерала Маркса — тем, что в нем главный удар определялся на северном участке фронта.

Гитлер при принятии окончательного решения согласился с соображениями Йодля.

Кстати, еще на стадии выработки плана «Барбаросса» Гитлер показал себя в некотором отношении более дальновидным, чем его генералитет, который впоследствии обвинял его в необоснованных решениях, а себя выставлял трезвым, разумным и осторожным. Когда речь зашла о постановке целей, то Браухич заявил, что ближайшей целью для группы армий «Север» должны быть Псков и Ленинград, для группы армий «Центр» — Смоленск и Москва, а для группы армий «Юг» — Киев. Иными словами, он вполне авантюристически предлагал, чтобы все три группы армий, идя безостановочно от самой границы, одним махом достигли указанных городов и взяли их. Гитлер же дал указание разделить операцию на два этапа: сначала уничтожить противника в Прибалтике и создать себе тем самым надежную базу для последующей фланговой атаки на Москву. Эти совершенно разумные с военной точки зрения указания и были учтены в окончательном плане.

К тому времени, когда были разработаны эти варианты, заместителем начальника генерального штаба был назначен генерал Паулюс, и ему была поставлена задача свести все планы воедино и учесть те замечания, которые высказывал фюрер на различных совещаниях.

Судьба жестоко подшутила над генералом Паулюсом. Именно он, тот, кто составил окончательный план

нападения на нашу страну, стал первым пленным немецким фельдмаршалом. Это его 6-я армия была окружена под Сталинградом и уничтожена, а сам он попал в плен.

Кстати, находясь уже в плену, фельдмаршал Паулюс написал некоторые воспоминания и заметки по отдельным вопросам, в том числе и заметки о том, как составлялся план «Барбаросса». Я думаю, читателям будет интересно это свидетельство одного из соавторов агрессивного плана, несомненно больше других посвященного в намерения Гитлера.

Очень любопытное совпадение! Бывают же такие невероятные параллели в истории! В середине декабря 1940 года, когда в Москве происходила оперативная игра и совещание руководителей партии с военачальниками, в эти же дни в Берлине проходили аналогичные игра и совещание военного и нацистского руководства, на котором обсуждался и отработывался план «Барбаросса». Эта игра проводилась под руководством генерала Паулюса.

У нас есть возможность узнать о том, как проводилась игра на немецкой стороне. Об этом рассказал сам фельдмаршал Паулюс в своих воспоминаниях:

«Подготовительная игра для операции «Барбаросса» проводилась под моим руководством в середине декабря 1940 года в течение двух дней в ставке командования сухопутных войск в Цоссене...

Теперь, когда подлинный ход операции, именуемой походом на Восток, уже принадлежит истории, для интересующегося военными вопросами будет очень полезно ознакомиться с тогдашними мыслями и тогдашними оценками возможностей: ниже я изложу основные точки зрения штабной игры — разумеется, не во всех подробностях, которые подверглись обсуждению.

...Главной целью была Москва. Для достижения этой цели и исключения угрозы с севера должны были быть уничтожены русские войска в Прибалтийских республиках. Затем предполагалось взять Ленинград и Кронштадт, а русский Балтийский флот лишить его базы. На юге первой целью была Украина с Донбассом, а в дальнейшем — Кавказ с его нефтяными источниками. Особое значение в планах ОКВ придавалось взятию Москвы. Однако взятию Москвы должно было предшествовать взятие Ленинграда. Взятием Ленинграда преследовалось несколько военных целей: ликвидация основных баз русского Балтийского флота, вывод из строя военной промышленности этого города и ликвидация Ленинграда как пункта сосредоточения для контрнаступления против немецких войск, наступающих на Москву.

Когда я говорю, что было принято решение, то этим я не хочу сказать, что во мнениях ответственных командиров и штабных офицеров было полное единство. Раздавалось много тревожных голосов как по поводу допустимости всей операции, так и по поводу трудностей, связанных с выполнением поставленной цели. С другой стороны, хотя об этом говорилось мало, высказывалось мнение, что вполне следует ожидать быстрого краха советского сопротивления как следствия внутривосточных трудностей, организационных и материальных слабостей так называемого колосса на глиняных ногах...

Оборву цитирование воспоминаний Паулюса и перескажу дальнейший ход событий. Начальник генерально-

го штаба сухопутных войск Гальдер при обсуждении этой игры сказал:

— Вся территория, на которой будут происходить операции, делится припятскими болотами на северную и южную половины. В последней плохая сеть дорог. Наилучшие шоссе и железные дороги находятся на линии Варшава — Москва. Поэтому в северной половине представляются более благоприятные условия для использования большого количества войск, нежели южнее. Кроме того в группировке русских намечается значительное массирование войск в направлении русско-германской демаркационной линии. Следует полагать, что сразу же за бывшей русско-польской границей располагается база снабжения русских, прикрытая полевыми укреплениями. Днепр и Западная Двина представляют собой самый восточный рубеж, на котором русские вынуждены будут дать сражение. Если же они будут отходить дальше, то они не смогут больше защитить свои промышленные районы. Вследствие этого наш замысел должен сводиться к тому, чтобы с помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек. Особенно крупная ударная группировка должна наступать из района Варшавы на Москву. Из предусматриваемых трех групп армий северную необходимо будет направить на Ленинград, а силами южной нанести главный удар в направлении Киева. Конечной целью операции является Волга и район Архангельска. Всего должно быть использовано 105 пехотных, 32 танковые и моторизованные дивизии, из числа которых крупные силы (две армии) вначале будут следовать во втором эшелоне.

На игре присутствовал Гитлер, он согласился с изложенными оперативными замыслами и заметил по этому поводу следующее:

— Важнейшая цель — не допустить, чтобы русские отходили, сохраняя целостность фронта. Наступление следует вести так далеко на восток, чтобы русская авиация не могла совершать налеты на территорию германского рейха и чтобы, с другой стороны, немецкая авиация могла наносить удары с воздуха против русских военно-промышленных районов. Для этого необходимо добиться разгрома русских вооруженных сил и воспрепятствовать их воссозданию. Уже первые удары должны быть нанесены такими частями, чтобы можно было уничтожить крупные силы противника. Поэтому подвижные войска следует использовать на смежных флангах обеих северных групп армий, где будет наноситься главный удар. На севере необходимо добиться окружения вражеских сил, находящихся в прибалтийских странах. Для этого группа армий, которая будет наступать на Москву, должна иметь достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север. Группа армий, наступающая южнее припятских болот, должна выступить позже и добиться окружения крупных вражеских сил на Украине путем совершения охватывающего маневра с севера... Предусмотренная для проведения всей операции численность войск в 130—140 дивизий достаточна.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал полностью отработанный план «Барбаросса».

ПРЕДВИДЕНИЕ И ПРОЗОРЛИВОСТЬ

После высказанных выше похвал о профессиональном мастерстве немецких генштабистов расскажу еще об одном блестящем плане, который иначе как гениальным назвать не могу.

Большим препятствием для ознакомления с документами о войне до сих пор является гриф «секретности», хотя давно уже не представляет никакой тайны то, что написано о боевых делах пятидесятилетней давности.

Попробуем проникнуть еще в одну «неизвестную тайну войны», которую даже маршал Жуков в своих воспоминаниях не осмелился затронуть. Не знаю сам он не нашел возможным касаться этого большого секрета или ему не разрешали высокие инстанции.

Напомню, что советские военные руководители, исходя из нашей доктрины, собирались не обороняться, а наступать, разумеется, после того как враг нападет. Сталин сформулировал нашу политику так: «Мы чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Но доктрина на случай войны, все мы ее знали, была наступательная: будем бить врага на его территории, победу одержим малой кровью, и братья по классу, трудящиеся напавшей страны, поддержат нас своими революционными действиями в тылу противника. В наших мобилизационных планах черным по белому написано, что после отражения первого удара врага войска должны перейти в наступление.

План таких наступательных действий, как уже сказано выше, составлял не кто-нибудь, а Жуков в соответствии с должностью начальника Генерального штаба и его предшественники.

Но Георгий Константинович не только подновлял и корректировал прежние планы. Прозорливость Жукова поразительна! Как только стало известно о сосредоточении ударных группировок гитлеровцев у наших границ и Жуков понял неотвратимость войны, он разработал и предложил план упреждающего удара. (Документ этот сохранился в архиве.) Предложить такое Сталину, который не разрешал вывести войска на позиции даже для отражения нападения, было в те дни не только смелым, а почти самоубийственным поступком. Как Жукова не объявили «врагом народа» и пособником гитлеровцев — просто непонятно. Но план такой он создал и за месяц до нападения гитлеровцев, видимо, доложил Сталину. Хотя на документе нет ни резолюции, ни подписи Сталина.

Жуков сам признавался, что он плохой политик. Объяснить наше нападение на Германию было бы не просто. Но, как мы убеждались не раз, все нападавшие оправдывали свои действия стремлением к миру. Может быть, и нашим политикам это удалось бы, тем более это был бы предупредительный удар против явного агрессора.

Сразу сделаю оговорку: наша политика действительно была миролюбивая. Шумиха в западной прессе об агрессивности СССР велась без опоры на какие-либо убедительные доказательства. План Жукова, о котором я расскажу, не имеет к тем обвинениям никакого отношения, потому что был создан как мера самозащиты в самые последние недели перед нападением Германии.

Итак, перед нами черновик плана, выполненный по указанию Г. К. Жукова в единственном экземпляре А. М. Василевским, заместителем начальника оперативного управления Генштаба. В написанном им от руки тексте есть вставки и редакторская правка, внесенные рукой Н. Ф. Ватутина, начальника этого управления. Весьма вероятно, что Жуков не раз говорил о необходимости такого плана с наркомом обороны. Об этом свидетельствует и тот факт, что в конце документа заделаны должности и фамилии маршала Тимошенко и генерала армии Жукова. И хотя их подписей на черновике нет, можно предположить, что они подписали первый чистовой машинописный экземпляр, который и был, по-видимому, доложен Сталину.

Вот выдержки из этого документа:

«Председателю Совета Народных Комиссаров от 15 мая 1941 г.

Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза¹.

I

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест-Демблин и выход к 30-му дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельон, Оломоуц.

Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага центра и северного крыла Германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшей задачей разбить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении выйти на рр. Нарев, Висла и овладеть районом Катовицы, для чего:

а) Главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезав Германию от ее южных союзников.

б) Вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Демблин с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки.

в) Вести активную оборону против Финляндии,

¹ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239.

Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовыми к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чижев, Людовлено силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона.

...Детально группировка сил показана на прилагаемой карте».

А теперь представьте, что произошло бы, если бы этот план Жукова был принят и осуществлен. В один из рассветов июня тысячи наших самолетов и десятки тысяч орудий ударили бы по сосредоточившимся (скупенным) гитлеровским войскам, места дислокаций которых были известны с точностью до батальона. Вот была бы внезапность так внезапность! Пожалуй, более невероятная, чем при нападении немцев на нас. Никто в Германии, от рядового солдата до Гитлера, даже подумать не мог о таких действиях нашей армии! Тысячи наших самолетов, уничтоженных на земле, и сотни тысяч снарядов, брошенных при отступлении, — все это обрушилось бы на скопившиеся для вторжения силы агрессоров. А вслед за этим мощнейшим ударом несколько тысяч танков и 152 дивизии ринулись бы на растерявшегося противника. Мне представляется: все, что произошло в первые дни на нашей земле после удара гитлеровцев, точно так же, по такому же сценарию, развернулось бы на немецкой территории. К тому же гитлеровцы абсолютно не имели опыта действий в таких экстремальных для них ситуациях. Паника, несомненно, охватила бы их командование и армию. Но даже если бы через неделю или десять дней гитлеровцам удалось прийти в себя, то первые месяцы они бы предпринимали оборонительные усилия, а наши армии, имея в ближайшем тылу подготовленные на складах и базах все виды боеприпасов, горючего и другого снаряжения, пожалуй, могли бы и развить успех.

Абсолютно уверен, что после нашего превентивного удара фашистская Германия на длительное время потеряла бы способность к крупным наступательным операциям, ни о какой «молниеносной войне» не могло быть и речи. Скорее всего, нацисты отложили бы войну на несколько лет. Но если бы они решились продолжить боевые действия после нашего опережающего удара, они смогли бы лишь выйти на границу и восстановить положение, и уж самое большое, почти невероятное, — достичь рубежа Днепра. При этом стратегическая инициатива была бы на нашей стороне, потому что армия наша была бы отмобилизована, не понесла бы огромных потерь, которые имела в июне 1941 года. Не испытали бы потрясения от внезапного нападения промышленность и сельское хозяйство, не сбитые с производственного ритма, оставаясь на своих местах (без эвакуации), устойчиво снабжали бы фронт всем необходимым.

Но Сталин не принял предложение Жукова. Были оставлены в прежнем плане наступательные действия только после нападения противника, как ответный удар.

Теперь, когда все в прошлом, ход событий, история дают точный ответ на вопрос, кто был прав: Жуков или Сталин? Своим волевым и, как оказалось, некомпетент-

ным решением Сталин преопределил неудачи наших войск в начальный период войны.

Начальник Генерального штаба Жуков, вопреки своему желанию и убеждению в необходимости привести армию в полную боевую готовность, был вынужден отдавать вот такие указания:

«Командующему войсками Киевского Особого военного округа.

Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье.

Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреватые всякими последствиями.

Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. 10 июня 1941 г. Жуков».

11 июня командующие войсками других приграничных округов получили строгое указание Жукова: «Полосу предполья без особого на то указания полевыми и УРОВскими частями не занимать».

18 июня командующий войсками прибалтийского Особого военного округа отдал распоряжение о приведении в боевую готовность системы ПВО округа. 20 июня он получил следующее предупреждение:

«Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении положения номер два. Это значит провести по Прибалтике затемнение, чем и нанести ущерб промышленности. Такие действия могут проводиться только с разрешения правительства. Сейчас ваше распоряжение вызывает различные толки и нервирует общественность. Требую немедленно отменить отданное распоряжение, дать объяснение для доклада наркому.

Жуков».

Вот так Жукову и многим другим нашим военачальникам приходилось поступать вопреки их пониманию обстановки, умению организовать отпор врагу, как говорит пословица, «наступали на горло своей песне». И если в чем-то и была их вина, то заключалась она лишь в дисциплинированности, святой вере в правоту нашего дела и необходимости подчиняться высшим соображениям, за которыми подразумевались интересы Родины. Они даже не подозревали, какая за всем этим кроется в действительности некомпетентность Сталина.

В годы войны Жуков участвовал в разработке многих операций, которые являются примерами высокого военного искусства. Но самый гениальный план самой крупной задуманной Жуковым операции, к сожалению, не был осуществлен! А если бы наша армия его осуществила, история могла пойти совсем не так, как она сложилась в сороковые годы, не говоря уж о ходе войны, ее продолжительности и потерях, понесенных нашей страной, — все это происходило бы с несомненным перевесом в нашу пользу с первых и до последних дней этой самой грандиозной войны в истории человечества.

**ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ
МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ**

23 августа 1939 г.

Правительство СССР и
Правительство Германии,

руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультаций, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания. Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. МОЛОТОВ

За Правительство
Германии
И. РИББЕНТРОП

«Известия», 1939, 24 августа.

**СООБЩЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
О ЗАКЛЮЧЕНИИ ТОРГОВО-КРЕДИТНОГО
СОГЛАШЕНИЯ
МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ**

19 августа после длительных переговоров, закончившихся успешно, в Берлине подписано Торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией.

Соглашение подписано со стороны СССР заместителем торгпреда Е. Бабариным, а с германской стороны — г. Шнурре.

Торгово-кредитное соглашение предусматривает предоставление Германией СССР кредита в размере 200 млн. германских марок, сроком на семь лет из 5 %, для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания Соглашения.

Соглашение предусматривает также поставку товаров со стороны СССР Германии в тот же срок, то есть в течение двух лет, на сумму в 180 млн. германских марок.

«Известия», 1939, 21 августа.

А это уже не публиковалось.

СПИСОК «В»

Товаров, подлежащих поставке из СССР на основе кредитного соглашения между СССР и Германией от 19 августа 1939 года (в миллионах марок)

1. Сельское хозяйство	
Кормовые хлеба	22.00
Жмыхи	8.40
Льняное масло	0.60
2. Лесное хозяйство	
Лес	74.00
3. Промышленность	
Платина	2.00
Марганцевая руда	3.80
Бензин	1.20
Газойль	2.10
Смазочные масла	5.30

Бензол	1.00
Парафин	0.65
Пакля	3.75
Турбоотходы	1.25
Хлопок-сырец	12.30
Хлопковые отходы	2.50
Тряпье для прядения	0.70
Лен	1.35
Конский волос	1.70
Обработанный конский волос	0.30
Пиролюзит	1.50
Фосфаты (половина в концентратах)	13.00
Асбест	1.00
Химические и фармацевтические продукты и лекарственные травы	1.60
Смолы	0.70
Рыбий пузырь (Hausenblasen)	0.12
Пух и перо	2.48
Щетина	3.60
Сырая пушнина	5.60
Шкуры для пушно-меховых изделий	3.10
Меха	0.90
Тополевое и осиновое дерево для производства спичек	1.50
	<hr/>
	180.00

13 февраля 1940 г в «Правде» было опубликовано «Коммюнике о заключении Хозяйственного соглашения между Германией и СССР».

«11 февраля с. г. в г. Москве после успешно закончившихся переговоров заключено Хозяйственное соглашение между Союзом ССР и Германией. Это соглашение отвечает пожеланиям Правительств обеих стран о выработке экономической программы товарообмена между Германией и СССР, выраженным в письмах, которыми обменялись 28 сентября 1939 года Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный Комиссар Иностранных Дел СССР тов. Молотов В. М. и Министр иностранных дел Германии г. фон Риббентроп.

Хозяйственное соглашение предусматривает вывоз из СССР в Германию сырья, компенсируемый германскими поставками в СССР промышленных изделий...

Что за этим соглашением последовало, мало кому известно, видели только, как шли эшелоны в Германию

вплоть до последней ночи, когда произошло нападение на нашу страну!

В соответствии с соглашением Советский Союз в течение первых 12 месяцев поставил сырья на сумму примерно в 500 млн марок.

1 000 000 тонн кормовых злаков и стручковых плодов на сумму в 120 млн марок.

900 000 тонн нефти на сумму примерно в 115 млн марок.

100 000 тонн хлопка на сумму примерно в 90 млн марок.

500 000 тонн фосфатов.

100 000 тонн хромовой руды.

500 тонн железной руды.

300 000 тонн железного лома и чугуна.

2400 кг платины.

Марганцевая руда, металлы, лес и прочее сырье...

Выкачивая из СССР стратегическое сырье, Германия всячески оттягивала и срывала ответные поставки. 15 мая 1941 года, когда немецкие войска уже выходили в районы сосредоточения для наступления, Шнурре докладывал из Москвы в Берлин:

«Положение с поставками советского сырья до сих пор представляет удовлетворительную картину. В апреле были произведены поставки следующих наиболее важных видов сырья:

Зерно	208 000 тонн.
Нефть	90 000 тонн.
Хлопок	9 300 тонн.
Цветные металлы	6 340 тонн меди, олова и никеля.

Что касается марганцевой руды и фосфатов, то их поставки пострадали из-за недостатка тоннажа и транспортных трудностей в юго-восточной зоне.

Транзитная дорога через Сибирь пока еще в действии. Поставка сырья в Восточную Азию, в частности

каучука, перевозимого в Германию по этой дороге, продолжают быть существенными (в течение апреля — 2000 тонн каучука специальными составами и 2000 тонн обычными сибирскими поездами).

Общие поставки в текущем году исчисляются:

Зерно	632 000 тонн.
Нефть	232 000 тонн.
Хлопок	23 500 тонн.
Марганцевая руда	50 000 тонн.
Фосфаты	67 000 тонн.
Платина	900 кг.

Большие затруднения созданы бесконечными слухами о неизбежном германо-русском столкновении. За стойкость этих слухов в большой степени ответственны официальные источники. Эти слухи причиняют серьезное беспокойство германской индустрии, которая пытается отказаться от заключенных с Россией сделок и в некоторых случаях уже отказывается послать в Москву персонал, необходимый для выполнения контрактов.

У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие из рамки договора от 10 января 1941 года, требования, могущие обеспечить германские потребности в продуктах и сырье в пределах больших, чем обусловлено договором. В данное время объем сырья, обусловленный договором, особенно в отношении зерна, выполняется замечательно...

Приведу только один пример об ответных поставках Германии. Нами был куплен крейсер «Лютцов» — он стоил огромных денег. Крейсера, как такового, не было, немецкий буксир доставил в Ленинград корпус корабля без механизмов и вооружения, до начала войны его строительство так и не было завершено.

Вот так обманывали нашего «мудрого и гениального вождя народов», и так бездарно он отдавал столь необходимое нам самим стратегическое сырье, созданное великим трудовым перенапряжением народа.

«Фюрер и верховный главнокомандующий
вооруженными силами

Ставка фюрера
18.12.40 г.

Верховное главнокомандование
вооруженных сил
Штаб оперативного руководства
вооруженными силами

Сов. секретно
Только для командования

Отдел обороны страны
№ 33408/40

Директива № 21
ПЛАН «БАРБАРОССА»

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса».)

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всех неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении Восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны и во время Восточной кампании, безусловно, сосредоточивать против Англии.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками. Кроме того, Финляндия ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначенной для действий на Севере.

III. Проведение операций

А) Сухопутные силы. (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.) Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й армии и в течение Восточной кампании остается оборона Норвегии.

Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны области Петсамо и ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвигаться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (две-три дивизии) из района Рованиemi и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена

задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно больше русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) Военно-воздушные силы. Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддерживать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (речные переправы) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности. Подобные налеты, и прежде всего против Урала, встанут в порядок дня только по окончании маневренных операций.

В) Военно-морской флот. В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море.

После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV

Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

V

Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Гитлер».

Всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б).
Секретарям обкомов, крайкомов,
ЦК компартий союзных республик.
Председателям обл. крайисполкомов, СНК республик.
Всем секретарям райкомов, горкомов и председателям
райисполкомов и горисполкомов.

Без публикации

**Приказ
Ставки Верховного Главного Командования
Красной Армии**

№ 270

16 августа 1941 года

Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробившись к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 3 ручных пулемета, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8 мех. корпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упор-

ных боях с немцами группа Новикова — Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108-й и 64-й стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе с штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробившись из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавшись панике, трусил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшись в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены Военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему закланному

врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при нервных серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать его в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ:

Председатель Государственного Комитета Обороны
Зам. Председателя Государственного Комитета Обороны
Маршал Советского Союза
Маршал Советского Союза
Маршал Советского Союза
Маршал Советского Союза
Генерал армии

И. СТАЛИН
В. МОЛОТОВ
С. БУДЕННЫЙ
К. ВОРОШИЛОВ
С. ТИМОШЕНКО
Б. ШАПОШНИКОВ
Г. ЖУКОВ

От редакции. Обвинительные и реабилитационные документы на генералов Качалова, Кириллова и Понеделина опубликованы.

Окончание в следующем номере.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ КАРПОВ

**Маршал Жуков,
его соратники и противники
в годы войны и мира**

Учредители: Трудовой коллектив «Роман-газеты»
Государственный комитет СССР по печати
Союз писателей СССР

Редактор *В. Малюгин*
Художественный редактор *А. Моисеев*
Технический редактор *Г. Морозова*

Иллюстрация *Л. Хайлова*

Сдано в набор 27.02.91. Подписано в печать 08.04.91. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 14,09. Тираж 2 886 000 экз. (1-й завод 1 — 2 386 000 экз.) Заказ 361. Цена 1 р. 10 к.
Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати, 142300, г. Чехов Московской области.

Рукописи ранее не опубликованных произведений редакцией не принимаются и не рассматриваются.
Во всех случаях полиграфического брака просим бракованные экземпляры отсылать для замены в типографию, где печатался данный экземпляр.

Противоречивые мнения вызвала у читателей книга Д. Волкогонова «Триумф и трагедия». Одни с болью в сердце принимают ее полностью и благодарят автора за глубокий анализ личности И. В. Сталина, другие — начисто отвергают все, что сообщает в своей книге автор.

«Огромное читательское спасибо Дмитрию Антоновичу за всесторонний политический портрет «гения» Сталина. Портрет получился «классический» — со всеми красками внутреннего мира вождя и его ближайшего окружения, без тени сгущения и неправдоподобия».

Р. Турлуев,
г. Гудермес

«Низкий поклон Вам, Дмитрий Антонович, за труд и правду о страшных злодеяниях Сталина против своего народа».

Т. Верещетин,
г. Днепропетровск

«Книга с головой выдает предвзятость и неподдельную озлобленность автора к Сталину. Политический портрет получился не то что однобокий, а скорее в перевернутом виде. Такие книги не пользуются доверием разборчивых читателей».

А. Исайчиков,
г. Таллин

«Читая книгу Д. Волкогонова, был потрясен и в состоянии шока из-за безумства деспота Сталина, заведшего страну в состояние страха и бессилия сопротивления поступкам палача».

Н. Сюдюков,
г. Ревда, Свердловской обл.

«Книга «Триумф и трагедия» позволяет трезво, без дикого визга и хриплого лая понять самую коварную и деспотическую за всю историю Российского государства личность Сталина и его окружения.

Книга о Сталине пробудила у меня воспоминания детства, которое прошло на фоне: Сталин... Сталин... Сталин... Кругом Сталин как атмосфера. Эта отравленная сталинизмом атмосфера загубила живую мысль у миллионов советских людей».

Н. Колдунов,
г. Ленинград

«Инквизиция средних веков меркнет перед теми злодеяниями, которые совершил Сталин и преданные ему палачи XX века».

П. Терещенко,
г. Ирпень

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Валерий ГАНИЧЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей АЛЕКСЕЕВ, Юрий БОНДАРЕВ, Семен БОРЗУНОВ, Витаутас БУБНИС, Олег ВОЛКОВ, Геннадий ГОЦ, Юрий ГРИБОВ, Владимир ГУСЕВ, Владимир ДУДИНЦЕВ, Александр ЖУКОВ (ответственный секретарь), Сергей ЗАЛЫГИН, Феликс КУЗНЕЦОВ, Леонид ЛЕОНОВ, Виктор МЕНЬШИКОВ (заместитель главного редактора), Василий НОВИКОВ, Петр ПРОСКУРИН, Валентин РАСПУТИН, Леонид ФРОЛОВ.

1 р. 10 к.

34/7 - 5502160000

70782

РОМАН-11 ГАЗЕТА

